

ЕВГЕНИЙ
НАУМОВ

КОРАЛЛОВЫЙ ГОРОД,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СМЕШИНКИ

Евгений НАУМОВ

или
ПРИКЛЮЧЕНИЯ СМЕШИНКИ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Магаданское книжное издательство

1974

P2

Н 34

Художник В. И. Кошелев

© Магаданское книжное издательство, 1974 г.

Было то или не было, а может, будет — не знаю.

Приснилось это мне или в действительности приключилось — не ведаю.

А только говорят, что...

Жили-были в одной стране веселые, беспечные люди. Жили они не тужили, работали, песни распевали и громко смеялись.

Засмеется один — засмеются все. А у веселых и работа спорится. Любое дело горело у них в руках: на что другому человеку потребовался бы целый день, тут в полчаса делалось. Потому и работали в этой стране люди лишь до полудня. А потом танцевали, пели и веселились.

Но вот появилась в той стране злая ведьма. Только никто не знал, что она ведьма, да еще очень злая: прикинулась она маленькой, слабенькой старушкой. Ходит по дворам старушка, сгорбленная, вся в черном. Платок на лицо насунут, так что один крючковатый нос видно, салоп плюшевый, выгоревший, длинная юбка с бахромой на подоле и большие порыжевшие сапоги. Идет, клюкой постукивает, на спине мешок несет. А в мешке что-то позванивает.

Входит она во двор, обращается к хозяевам:

— Шла мимо, услышала, как вы хорошо смеетесь, и подумала: а не продадите ли мне свой смех?

— Что ты, бабушка! — удивляются хозяева. — Как же мы продадим смех? Он ведь — ха-ха-ха! — не корова, не яблоко, не зонтик. Разве можно его взять и — продать?

— А это уж моя забота, — говорит ведьма. — Вы только согласитесь и золотой у меня возьмите. Каждому за смех я по золотой монете плачу. Получите ее — и целый год работать не будете.

— Да мы и так не много работаем!

— Берите золотой! Целый год отдыхать будете! — убеждает старуха.

Кто из любопытства, кто по легкомыслию, а кто просто так, за компанию, брал у старухи золотой и говорил, как она велела:

Отныне золотой будет мой,
А веселье и смех продать не грех.

И тотчас в жадную руку ведьмы падало маленькое белоснежное зернышко — сверкающее и переливчатое. Она бережно прятала его и шла дальше. А человек любовался золотой монетой и думал: «Вот теперь год отдыхай, заботы не знай. А веселье... что ж, веселья мне хватит. Мало его у меня, что ли?»

Но уже мрачно и тоскливо было его лицо, глаза не озаряла улыбка. И не знал человек, что проданное веселье не возвращается...

Да и без работы какая у человека жизнь? Хиреет его тело, слабеют мускулы. Вот уже становится он хилым да унылым — тут и болезни подкрадываются.

И пошли по селам и городам несчастья да беды, плач и горе. Собрались люди, стали думать и гадать: что делать, к кому обратиться?

А на крыше большого дома жил старый аист Остроклюв. Вот к нему и пришли люди, поклонились:

— Добрый, мудрый аист! Ты приносишь нам счастье и детей. Сжался над нами, помоги! Верни нам веселье и здоровье!

Подумал аист, тяжело вздохнул. Хотел упрекнуть людей, почему они были такими легкомысленными, да передумал. И так тяжело им... Да и много ли толку ругать того, кто попал в беду?

— Ладно,— сказал он.— Слетаю, посмотрю. Может, и удастся что-то сделать.

Взмахнул широкими крыльями, поднялся в воздух и полетел на запад — туда, где садилось солнце, собирались тучи, куда ушла ведьма.

А порядком уставшая ведьма в это время подходила к последнему, стоявшему у самого дремучего леса селу. Мешок с весельем был у нее переполнен. И каждый, глядя со сторо-

ны, дивился, как это старушка тащит такой тяжелый мешок. Только был он совсем не тяжелым. Ведь веселье никогда тяжелым не бывает. И чем больше его, тем легче оно становится. Мешок даже слегка приподнимал ведьму, словно воздушный шар, и она шла приплясывая и скрипучим голосом что-то напевала.

Скупив смех у жителей последнего села, она уж собралась было идти, но вдруг будто золотой звоночек прозвенел.

— А это что? Еще кто-то смеется?

— Это моя дочка, — сказала одна женщина, пытаюсь улыбнуться. Но улыбка у нее вышла печальной, потому что свое веселье она уже продала ведьме.

— Так пойдем к ней! — закричала ведьма и, пыля сапогами, помчалась по улице.

Они вошли в дом и заглянули в детскую кроватку. Там, освещенная солнцем и цветами, лежала золотоволосая и голу-

боглазая девочка. Она смеялась, глядя на игру солнечных зайчиков.

— Продай ее смех! — попросила старуха.

Но мать только покачала головой.

— Нет. Я уже сделала одну глупость: продала свой. А радость дочки я не продам.

— Я дам два золотых! Три! Десять! — шипела старуха. — Сто! Тысячу золотых!

— Ни за что на свете, — сказала мать. — Она смеется с тех пор, как родилась. Она смеется так, будто смешинки сыплются. Слыша ее смех, я забываю о своих огорчениях. Если ты заберешь ее смех, это будет уже не моя дочка.

— Ты говоришь, что она ни разу не плакала? — зловеще спросила ведьма. — Хорошо же! Я подожду, пока она заплачет, — и тогда ее смех станет моим.

— Она никогда не плачет, — с гордостью сказала женщина. — Родившись, она не закричала, а засмеялась.

— Не может быть, — заскрипела ведьма. — Все маленькие дети плачут. Так противно, надсадно, визгливо... Фу!

Села рядом с кроваткой и стала ждать. А по другую сторону кроватки сидела мать девочки. Она смотрела на дочь и грустно улыбалась. Девочка играла с солнечными лучами. И казалось, смех ее — звонкий, золотистый — рождается из этих лучей. Ничто не могло ее огорчить. Муха села на лоб и укусила девочку, а она засмеялась пуще прежнего и согнала злодейку ладошкой. Проголодавшись, засунула палец в рот и, улыбаясь, стала причмокивать. Мать покормила ее, и девочка заснула. Проснувшись, она засмеялась еще звонче.

А ведьму прямо трясло от злости. Лицо ее стало желтым, а нос — синим от ожидания. Пальцы нетерпеливо дрожали. Она ждала, пока заснет измученная мать: голова женщины клонилась все ниже и ниже...

Тут прилетел Остроклюв, сел на дерево под окном и заглянул в комнату. Женщина спала, уронив голову на спинку кровати, а скрюченная рука ведьмы уже тянулась к девочке. Аист громко защелкал клювом, и женщина встрепенулась. Ведьма сделала вид, что гладит ребенка.

— Какая занятная девочка! Все смеется... даже не верится.

Мать устало улыбнулась и снова закрыла глаза. Ведьма наклонилась над кроватью, и снова Остроклюв подал сигнал тревоги. Мать подняла голову.

— Что вы делаете? — спросила она старуху.

— Одеяло сбилось, вот и поправляю, — притворно озабоченно ответила та.

И в третий раз опустилась голова матери. Но как ни щелкал клювом аист, как ни махал крыльями, он не мог разбудить ее — так крепко она спала.

Тогда ведьма изо всех сил ущипнула ребенка за руку. Девочка заплакала. Мать мгновенно проснулась и бросилась к ней:

— Что с тобой, золотце? Кто тебя обидел?

Женщина оглянулась, но ведьмы и след простыл. Она убежала в это время огородами к лесу и вскоре скрылась между деревьями. Но за ней неотступно летел аист Остроклюв.

Осматривая ребенка, мать вдруг заметила на розовой ручке черно-коричневое пятнышко — след злобного щипка ведьмы. (С тех пор родинки так и зовут в народе — «щипок ведьмы»).

— Ничего, дочка, — сказала она. — Эта старуха еще поплатится за то, что обидела тебя. Зло не может остаться безнаказанным...

На берегу моря сидела на большом черном камне ведьма и пристально смотрела на солнце. Багровый шар его медленно опускался за горизонт. Руки ведьмы крепко сжимали завязанный мешок с весельем и смехом. У ног стояла клюка.

А на одном из деревьев, спрятавшись среди листьев, сидел Остроклюв и за всем наблюдал. «Зачем старуха собрала людской смех? — думал он. — Зачем пришла на берег моря и кого ждет здесь? Удастся ли мне вернуть людям радость?»

В верхушках деревьев метался ветер, словно кто-то сердито гонял комаров ветками. Солнце село, и взошла луна. Бледный свет ее озарил сгорбленную зловещую фигуру на берегу. Остро-

клюв надеялся, что старуха заснет, и тогда ему удастся унести мешок. Но ведьма не спала, она поглядывала на луну, которая поднималась все выше и выше.

Далеко на болоте охнул, вынырнув, водяной Ханурик: наступила полночь. Старуха оживилась, вытащила что-то из-за пазухи, пробормотала заклинания и бросила в воду огненную точку, описавшую дымную дугу. Тотчас закипела, забулдила в том месте вода, и черная, будто лакированная, шапка с горящими под ней глазами поднялась из воды. Стремительные черные змеи-щупальца извивались вокруг, поблескивая в лунном свете.

— Это ты, Спрут Лупибей? — вглядываясь подслеповатыми глазами, спросила ведьма.

— Можешь не сомневаться, — раздался сильный голос. — Это я!

И он, протянув гигантское щупальце, коснулся старухи — та отшатнулась и чуть не свалилась с камня.

— Не трогай меня, холодное липкое чудовище! — завизжала она пронзительно. — Мне противно!

— Ну, и тебя касаться — приятного мало, — пробурчал Спрут, убирая щупальце. — Мои нежные присоски обожжены ядом, которым пропитана даже твоя одежда...

— Хватит! — топнула ногой старуха. — Поговорим о деле. Вот то, что я обещала тебе. Смех людской весь собран здесь. Самый разнообразный, волнующий, заразительный и беззаботный — вот он, в мешке, превращенный моими заклинаниями в лакомые зернышки. Достаточно проглотить одно из них — а нет ничего приятнее этого лакомства, — тотчас веселье разольется по тебе как вино, как солнце, как жизнь. Где твоя награда, Лупибей? Давай ее скорее — и мешок твой!

— погоди, — остановил ее Спрут. — Я никому не верю на слово. Покажи свою добычу.

Старуха, торопясь, развязала веревки, и ласковый свет разлился вокруг. Зернышки, словно полупрозрачные, горели изнутри, испуская волны голубого сияния. Спрут подвинулся ближе, вглядываясь глазищами, замерцавшими отраженным светом веселья.

— Чудно́, чудно́! — защелкал он кривым попугайским клювом. — Как на подбор... А почему это зернышко золотистое?

Старуха взгляделась: то было украденное веселье девочки.

— Это редкостный смех, — заскрипела ведьма. — Я с великим трудом достала его.

— Ну-ка, дай мне его на пробу.

Рука ведьмы долго шарила в мешке, но зернышко ускользало от ее сухих жадных пальцев. Она схватила тогда первое попавшееся и сунула в клюв Лупибей.

— О-о-о! — волны удовольствия прошли по осклизлому телу, а щупальца извивались, взбивая вокруг пену. — Как это вкусно! Я наполняюсь силой и радостью! Глаза мои застилает пелена чего-то прекрасного — все цвета моря сосредоточены в ней! Мне хочется кувырнуться в приборе!

Пораженная неожиданным зрелищем, ведьма забыла обо всем, и этим мгновением воспользовался Остроклюв. Подобравшись поближе, он вытянул шею и точным броском схватил золотистое зернышко, но тут же отпрыгнул в кусты. Старуха опомнилась и снова завязала мешок.

— Где же обещанная награда? — взывала она.

Гогочущий Спрут взметнул в воздух щупальца:

— Эй, слуги!

Тотчас приземистые Каракатицы, темные и неслышные, как ночь, стали выползать из моря и укладывать на берегу большие раковины, потом, как по команде, распахнули их.

Словно день пришел на берег — так засияли груды жемчуга, лежавшие в раковинах. Лучшие жемчужины моря были собраны здесь, и каждая сверкала неповторимыми оттенками. Розовые, цвета первого робкого луча зари, голубые, как дымка на дальних сопках, белоснежные, шелковисто-серые, словно нежный мех, и черные, чернее самого мрака, лежали эти драгоценные дары. А посредине, в самой большой раковине, горела, затмевая всех, Лунная жемчужина, и ночное светило на небе по сравнению с ней казалось тусклым блюдцем.

— Ну как? — Лупибей от избытка чувств даже выпрыгивал из воды и плюхался в море снова, словно большая, пропитанная жиром тряпка. — Хороша награда, старуха?

А ведьма обезумела от жадности. Она металась от одной груди сокровищ к другой, трогала их дрожащими руками, гладила, шевелила.

— Мое! — вскрикивала она. — Мое, мое! Никому не отдам!

Остроклюву в это время пришлось туго: спазмы смеха сжали его горло, грозя вырваться наружу и выдать его присутствие. Он крепко сжимал клюв, но это не помогало. Ужимки и прыжки ведьмы, кривляния Лупибей, резвившегося в прибое, — все это было и без того достаточно смешно, а тут еще на него начало действовать золотое зернышко. В отчаянии аист закрыл глаза и сунул клюв под корягу, чтобы не уронить драгоценное зернышко. Минуту он еще терпел, пока не потекли слезы и не потемнело в глазах. Тогда он раскрыл клюв, и золотая маковка просверкнула в густую траву. Аист запрокинул голову на спину и принялся щелкать клювом, словно схватил горячего. (Именно с тех пор аисты всегда так делают, когда им очень смешно).

Каракатицы тем временем забрали на берегу мешок со смехом людским и ушли в волны. Вслед за ними, разразившись диким гоготом, нырнул в глубины и Лупибей.

А старуха, воровато озираясь, сновала вдоль раковин, хватала жемчужины горстями и совала себе за пазуху, в карманы.

— Теперь я богаче всех на свете... — бормотала она. — Мои сокровища!

И тут появились лесные хулиганы.

Лохматые, неопрятные, гривастые черти Шишига и Выжига даже среди нечисти в лесу пользовались дурной славой. Они были способны на любую выходку, без конца затевали со всеми скандалы и не проходило ночи, чтобы где-нибудь в лесу они не накуролесили. Другие черти не раз били их скопом, но это не помогало — наоборот, Шишига и Выжига после взбучек с еще большим жаром и пылом принимались за новую пакость.

Вот и сейчас, обнявшись, напевая какие-то разухабистые песни без складу и ладу, черти вывалились на поляну и застыли, глядя на ведьму, настороженно присевшую у своих сокровищ.

— Кыш, кыш... — тихо сказала она. — Это мое, кыш! Нечего паялиться, уходите...

Булавочные глазки ее горели такой злобой, что черти было попятились. Но старая закваска дебоширов и хулиганов тотчас выиграла в их темных душах.

— А ты чего гонишь? — взъерепенился Шишига. — Купила место, да?

— Я теперь весь лес куплю! И болото куплю, и горы поднебесные, и речки быстрые! Видите? Это мое богатство. Нет ему равного в мире!

Выжига толкнул локтем Шишигу.

— Ишь, разошлась ведьма...

Шишига в ответ лягнул Выжигу:

— Покажем ей богатство, а?

И оба проворно бросились к грудам жемчужин. Они принялись пинать их, расшвыривать горстями, втаптывать в песок. словно искры взлетали из-под кривых косматых ног! Жемчужины сыпались в море с тихим бульканьем.

Ведьма сначала остолбенела, но лишь на миг. Затем, испустив страшный вопль, обрушила на хулиганов свою клюку и проклятия. Она осыпала их хлесткими ударами — эхо разлеталось в лесу, словно по тугим мешкам молотили. Но хулиганы только посмеивались да поеживались, будто их щекотали. Что для их дубленых шкур были старушечьи удары!

За минуту все было кончено — от соколовиц ведьмы не осталось и следа. Гнусно похохатывая, черти бросились улепетывать в лес. За ними с воем мчалась карга, размахивая клюкой.

Тьма под деревьями сгустилась, но Остроклюв не спал. Он с нетерпением ожидал рассвета, чтобы найти утерянный смех золотоволосой девочки. В лесу гукали нечистые и лешие, по временам Дед Филин с тускло горящими глазами возникал и неслышно парил в воздухе, высматривая добычу.

Когда луна встала над головой Остроклюва, под ногами его неожиданно расцвел папоротник. Дрожащий алый свет разлил-

ся вокруг из-под широких листьев столетнего папоротника, которые трепетали при полном безветрии. Удивленный Остроклюв невольно отступил в сторону. Шарахнулся прочь Филин — он не любил света и поспешил укрыться в чаще. Остроклюва ослепила яркая вспышка, и показалось ему, что раздался тихий колокольчиковый смех девочки. Но тут же наступил мрак — листья папоротника, сомкнувшись, погасили свет.

Издали, нарастая, неся свист и зловещий гул — то летела на клюке ведьма. Не успев приземлиться, она бросила в море светящийся колдовской камешек. Снова забурила вода, и показался Лупибей.

Вид его был жалок. Весь посинев, он кашлял, глаза чуть не вылезали из орбит. При каждом приступе щупальца от боли сучили в воде.

— А, старая обманщица! — прохрипел он. — Ты... кха-кха!.. пожалеешь, что кхе-кхе!.. меня, великого...

Ведьма, не слушая его, запричитала:

— Изобидели меня, обобрали негодные лесные хулиганы Выжига да Шишига! Жемчуг в море побросали, раковины растоптали да еще посмеялись вволю! Защити меня, Лупибей, прикажи собрать и вернуть мое богатство...

Глаза Спрута торжествующе блеснули.

— Ага, и тебе не впрок! То-то же!

Только тут заметила ведьма его плачевный вид.

— Что с тобой, милый да любезный?

— Теперь я милый... любезный, — пробурчал Лупибей.---

А был противный да скользкий!

— Я ведь не со зла... — залебезила старуха.

— Ладно! — прервал ее Спрут. — Эй, слуги! Прибыл ли царевич наш Капелька?

— Едет... едет... — донеслись из глубины тихие почтительные голоса.

Вода расступилась и с шипением хлынула на берег. Шесть Каракатиц медленно, торжественно вынесли на берег большую перламутровую карету, сиявшую в лунном свете. В ней, скрестив ноги, на перине из мягчайших губок, сидел юный царевич

Капелька в белоснежной накидке, заколотой на плече булавкой с крупной розовой жемчужиной. Не сходя на берег и не меняя позы, царевич обратился к ведьме:

— Чужое веселье — не веселье, — голос его был тих и печален. — Я говорил это Лупибею, но он не верил. Десятки подданных моих мучаются сейчас. Те, кто вкусил твоих зернышек, радовались и веселились вначале, потом кашляли и задыхались. Нет, не то принесла ты нам, не то...

Голова его поникла, черные кудри закрыли бледное лицо с жаркими глазами. На зубчиках его тонкой золотой короны, словно капельки чистой росы, сверкали и переливались алмазы.

— Кто же знал, касатик мой? — всплеснула руками ведьма. — Зернышки те взаправдашние, неподдельные. Целый год трудилась я от зари до зари, собирая их по селам и городам. Для вас старалась. А что за труды? Опять бедна я, как сучок отломанный, в тряпье да рванье. Ограбили нечистики, надсмелись!

Царевич молчал. Старуха подступила ближе.

— Смиловись надо мной, бедной! — крикнула она так, что юноша вздрогнул. — Прикажи вернуть богатство!

Капелька покачал головой.

— Другое меня занимает — как одарить весельем моих подданных. Не я, а Уныние царит в моем Коралловом городе. Почему так?

Он дал знак, чтобы его несли обратно, но старуха затараторила, перемежая просьбы и лесть скрытыми угрозами. Царевич слушал, не перебивая, слушал и Остроклюв, укрывшись в чаще и содрогаясь от омерзения к злобной старухе. Ему так и хотелось крикнуть царевичу: «Так верни веселье людям — ведь оно вам не нужно!»

Внезапно тот же тихий колокольчиковый смех раздался у его ног. Он нагнулся, всматриваясь.

Листья папоротника распахнулись. В самой середине, протирая глаза, стояла золотоволосая девочка в платье из розовых лепестков. Она взглянула на Остроклюва яркими голубыми глазами и снова засмеялась.

— Какой ты смешной, остроносый...— пробормотала она сонным теплым голоском.

— Молчи...— прошептал аист.— Молчи или погибнешь! Злые чудовища собрались у твоей колыбели!

Но маленькая девочка, родившаяся ночью, не знала унижающего страха: она засмеялась пуще прежнего.

В это время ведьма, пытаясь доказать, что «товар» у нее был хороший, кричала, что такое уж веселье у людей — судорожное, кашляющее, что люди веселятся на свой странный лад.

— А хорошего, настоящего смеха у них вообще нет! — вопила она.

И тут раздался смех девочки. Все на берегу сразу насторожились.

— Кто это? Кто смеется?

— Это я,— объявил громко Остроклюв и выступил из чащи, широко распахнув крылья, чтобы заслонить девочку. Он надеялся этим спасти ее.

— Как хорошо ты смеешься,— сказал царевич.— Будто ласковая рука коснулась сердца. И стало спокойно.

— Это птица,— поспешила заявить ведьма.— Глупая тонконогая птица, поедающая лягушек.

— Все равно,— отмахнулся Капелька и повернулся к аисту.— Засмейся еще. А? Прошу тебя!

Но аист не мог смеяться так, как смеялась девочка.

— Да он не умеет! — загоготал Лупибей злобно.

Квакающими голосами ему вторили Каракатицы. Царевич нахмурился. Тогда аист в отчаянии запрокинул голову и упорно защелкал клювом.

— Фу! — отвернулся царевич.— Как будто крабы трутся панцирями. Нет, это не ты смеялся. Но кто?

И тут на опушке леса появилась золотоволосая девочка.

— Ой, сколько вас здесь собралось! — сказала она радостно и даже хлопнула в ладошки.— Как интересно! Что вы делаете?

Она улыбалась. И при виде ее улыбки лицо царевича осветила радость.

— Кто ты? Как тебя зовут? — спросил он.

— Зовут? Не знаю,— пожалала она плечиками. И, подумав, добавила: — Я очень люблю смеяться. Наверное, меня зовут Смешинка.

И она опять засмеялась.

— О, как это прекрасно! — воскликнул Капелька. — Я никогда не слышал такого смеха. Я... вообще не слышал смеха.

— Почему? — спросила Смешинка.

— Потому что никто в Коралловом городе не смеется, — голос его потускнел. — Не умеет смеяться... Мы думали, людской смех нам поможет, но...

— Правда? — спросила Смешинка. — Это очень смешно!

И она снова засмеялась, сначала тихо, потом все звонче и звонче. Она смеялась заразительно, очаровательно, просто-душно, лукаво, жизнерадостно, буйно, весело...

— И никто никогда не смеется? Все унылые и мрачные?

Она смеялась, будто бриллианты сыпались на хрусталь. Смех ее благоухал и дрожал в воздухе, он был розовым, лиловым, дымчато-росястым, он порхал, как яркие бабочки, он струился и журчал, он взвивался в бледное рассветное небо и опускался парашютиками одуванчика, он таял бесследно.

— И все ходят, повесив носы? И вид каждого нагоняет тоску? Как мне их жаль!

Смолкли робкие первые соловьи, прислушиваясь к ее смеху, листья поворачивались к Смешинке, и муравьи открывали свои муравейники, думая, что утренние лучи солнышка согрели их, — но то были лучи смеха.

Полегла трава на мокрой луговине, и стал виден вдали болотный дух — водяной Ханурик, выставивший шишковатую, черную, как сырая коряга, голову из бездонного, затянутого ряской «окошка». Глаза его были прищурены от удовольствия, водоросли, свисавшие с ушей, дрожали...

Как только все стихло, очнулся он и сказал:

— Большую силу ты имеешь, девочка... Если засмеешься язвительно над кем-нибудь, язвы усеют его тело, если презрительно — все живое отвернется от него. Когда же захочешь гневно — сквозь землю провалится тот, кто осмелится вызвать твой гнев!

И, сказав так, Ханурик со вздохом булькнул в глубину. Юный царевич тоже вздохнул прерывисто, словно просыпаясь от чудесного сна.

— Ах, что за диво твой смех! — воскликнул он. — Как будто я побывал в стране вечных цветов. Я словно парил в воздухе и вокруг было тепло и радостно...

Он подбежал к Смешинке и порывисто схватил ее за руки.

— Поезжай с нами! — попросил он, заглядывая ей в глаза. — Ты научишь жителей подводного царства смеяться. Всем будет весело и приятно!

Девочка, улыбнувшись, закивала головой:

— Я согласна! Конечно же, поедем!

— Нет! — раздался противный голос колдуньи. — Она моя, эта девчонка! Я спросила свое закопченное волшебное зеркало и узнала, что она родилась из зернышка радости, того самого золотистого зернышка...

— Которое ты украла! — раздался возмущенный голос Остроклюва.

— Это мое дело, — захихикала старуха.

И она обратилась к царевичу:

— Могу продать ее. Верните мне все жемчужины да еще добавьте три лунные, и я отдам девчонку.

— Хорошо, — махнул рукой Капелька.

Но Смешинка воскликнула:

— Нет! Я не хочу, чтобы меня продавали. Тогда... тогда я не буду смеяться.

— Видишь? — сказал царевич ведьме. — Она не хочет. Уходи!

— Моя власть над ней еще не кончилась, — угрожающе сказала колдунья и трижды взмахнула руками над головой Смешинки. — Берли, верли, резецуй! С первым лучом солнца ты исчезнешь!

В отчаянии бросился вперед Остроклюв, чтобы защитить девочку, но в руках ведьмы появилось тусклое волшебное зеркало.

— Ага! Так это ты мешал мне! Будет и тебе наказание. — Она швырнула в него горсть желтого порошка, и мерзкий

удушливый запах пополз по лесу.— Последуешь за девочкой!

Она заплясала, завывала и крикнула, указывая на посветлевшее море:

— Солнце встает! Гибель идет!

Остановившись перед Смешинкой, ведьма прошипела:

— Согласись быть проданной или погибнешь!

— Смерти я не боюсь! — сказала Смешинка, улыбаясь светло и спокойно.— Хочу быть свободной!

— Так пропади пропадом! — и с диким воем, взвившись на клюке, ведьма улетела.

Минуто царило молчание. Старый аист молча плакал, глядя на прекрасную девочку. О себе он не думал, ему было бесконечно жаль Смешинку и обидно, что ничем он не сумел помочь людям.

Спрут Лупибей шумно возился у берега.

— Пора,— пробурчал он, пуская пузыри.— Солнце уже окрасило верхушки деревьев. Еще немного — и лучи обожгут мне макушку.

Девочка вздрогнула и рассмеялась, глядя на обеспокоенного Лупибея.

— Не бойся,— царевич взял ее за руку. Быстрым движением он надел на тонкий ее пальчик витое золотое кольцо.— Если ты ступишь в воду, это волшебное кольцо спасет тебя от чар колдуньи. Ничто не может сравниться с ним силой в подводном царстве.

— Значит, я должна остаться навсегда в подводном царстве? — задумчиво спросила девочка.

— Нет. Пробыв тридцать и три дня, ты навсегда избавишься от проклятия и сможешь, если захочешь, вернуться на землю.

Смешинка сняла кольцо и со вздохом протянула его Капельке.

— Все равно нет.

— Но почему? — с отчаянием воскликнул царевич.

Девочка подошла к Остроклюву и обняла его.

— Потому что я спасусь, а он погибнет. Из-за меня.

Царевич обернулся и что-то быстро сказал Спруту. Тот погрузился в воду и, тут же вынырнув, протянул юноше переливчатый шнур зеленой водоросли.

— Нет ничего проще, чем спасти Остроклюва, — сказал царевич. — Мы повяжем ему «галстук гостя», и он сможет превратиться в любую рыбу, в какую захочет. Он может стать доброй покладистой Камбалой, стремительным Угрем, глазастым Окунем...

— Я хочу быть самим собой, — покачал головой Остроклюв. — Можно, я останусь аистом? Или, если угодно, рыбой-аистом?

— Такой рыбы у нас нет, — задумчиво сказал Капелька. — Но почему бы и не быть? Есть же морской кот, морской петух, морская ласточка...

— А он будет морским аистом! — звонко подхватила Смешинка, и все развеселились.

Царевич обвил длинную шею Остроклюва шелковистой водорослью и завязал замысловатый узел.

Смешинка вошла в волны, взяла у принца волшебный перстень и надела его на палец. Цветочные лепестки платья осыпались к ее ногам, но чудным перламутром заблестел новый наряд. В тот же миг луч солнца упал на ее лицо, но она уже была вне чар злой колдуньи.

Не сводя глаз с нежно порозовевшего лица девочки, Капелька взял ее за руку и подвел к карете. За ними важно шагал аист Остроклюв.

~ ~ ~ ВСТРЕЧИ В КОРАЛЛОВОМ ГОРОДЕ ~ ~ ~

На передке кареты сидела рыба Четырехглазка и правила девятью пестрыми Крылатками, запряженными цугом. Справа и слева от кареты, в которой ехали девочка Смешинка, царевич и Остроклюв, стремительно неслись шесть Каракатиц. Пыхтя, поспешал следом Спрут Лупибей. Оглядываясь на него, девочка не могла удержаться от улыбки. Царевич с гордостью показывал Смешинке красоты подводного царства.

Раковина словно парила в лазоревой воде высоко над равниной. Кое-где виднелись островки водорослей, груды камней или одинокий затонувший корабль, облепленный ракушками. Потом показались уступы, и на террасах расцвели алые ветви кораллов, зеленые кактусы губок, причудливые розовые воротники актиний и пушистые шары морских ежей. Разноцветные звезды самых диковинных форм виднелись там и сям. Пышные медузы будто висели в воде, как большие удивительные белые цветы.

Крылатки взмахивали широкими алыми плавниками, словно крылышками, и быстро несли карету вперед.

Царевич протянул руку:

— Смотрите, вот он — Коралловый город!

Вдалеке сквозь синий туман сияли белые колонны и исчезали вверх в ослепительном блеске волн, будто вызолоченных изнутри.

По знаку Лупибея две Каракатицы отделились от процессии и умчались по направлению к городу. Через мгновение после того, как они скрылись из виду, донесся сильный гул.

— Пушка извещает о нашем прибытии! — крикнул царевич.

Вскоре город стал ясно виден, и Смешинка улыбнулась от восхищения: он был прекрасен, этот Коралловый город!

Внизу, там, где коралловые стены скрывались во тьме глубин, шла широкая черная полоса. Выше она имела фиолетовый оттенок, затем разливалась синими и голубыми озерами, а оттуда поднимались ветвистые зеленые и изумрудные фонтаны, увенчанные ярко-желтыми и огненными сполохами... Снежно-белые колонны на стенах, казалось, были выточены из застывшей пены — вот-вот заколышутся и растают.

— Как чудесно! — захлопала в ладоши Смешинка. — Жить в этом городе — это же великое счастье!

У черного подножия стены что-то зашевелилось, какие-то сгустки всплывали со дна и приближались к карете. Потом они выстроились правильными рядами и оказались стражниками-Спрутами. На выпуклой большой голове каждого красовалась каска с причудливым серебряным украшением, туловище было перепоясано широким ремнем из ламинарии — морской капусты. Сбоку висел громадный водяной пистолет. В каждом из семи щупальцев стражник держал дубинку, и только восьмое было свободно и поднесено к каске для приветствия. Из-под каски смотрели выпученные водянистые глаза.

Четырехглазка взмахнул длинным бичом, и Крылатки еще быстрее понеслись мимо вытянувшихся стражников. Каракатицы заняли свои места в эскorte кареты, лениво шевеля щупальцами с изогнутыми крючьями.

Вот и вход в город — широкие ворота, распахнутые настежь. За ними — пестрая толпа. Указав на нее, царевич сказал:

— Жители города вышли встречать нас.

Как только карета показалась в воротах, неистово грянули барабаны. Смешинка на миг зажмурилась и от обилия ярких красок и от громких звуков. А потом раскрыла глаза широко-широко!

Сразу же от ворот справа и слева она увидела массы и массы подводного народа. Каких только рыб и морских животных здесь не было! Могучие Чавычи и Белухи молча палили глаза на процессию, выделяясь в толпе, как большие дубы в лесу. Серая Треска, осторылые Осетры, серебристые Лососи, зябкие блестящие Гольцы, толстые морские Караси-Ласкири. Плотно, одна к одной, толклись Сардины, Кильки, Селедки. Приплясывала от любопытства изящная Корюшка, изумрудно поблескивала Зеленушка. Бычки упрямо протискивали вперед лобастые головы. Топырили колючие иглы Колюшки и Ерши, лезли прямо по спинам морские Коньки и Креветки.

Смешинка глянула вниз, и ей показалось, что под каретой проплывает дорога, вымощенная булыжником. Но когда она присмотрелась, то поняла: это были плоские тела Камбал и Палтусов. Они лежали внизу, потому что так им было удобней наблюдать процессию. И их совсем нельзя было бы отличить от камней-булыжников, если бы не глаза, сверкавшие на этой живой дороге.

Изо всех сил барабанили Крокеры и Барабанщики. Скаты ухали, Сциены пищали, урчали и мычали, Караси кричали, Ставриды лаiali, Кильки гудели, Треска тихо чирикала. Там и сям свистели Свистульки. А снизу неся торжественный, будто колокольный звон — то показывали свое искусство Камбалы и Палтусы.

Царевич стоял в карете, подняв руки вверх, и приветствовал всех.

Время от времени из толпы встречающих вылетала цветная веточка коралла и падала на плотную ленту Камбал, не долетев до кареты.

Спруты бдительно следили за порядком, подравнивали ряды морских жителей и, покрикивая: «Не напирать! Не напирать!» — пускали в ход свои дубинки. Стражников было много, и они стояли друг от друга на расстоянии протянутого щупальца — так, чтобы никто не мог выбраться из толпы. Как только кто-нибудь чрезмерно любопытный высовывался из толпы, увесистая дубинка тотчас опускалась — и несчастный с писком исчезал.

Вдруг впереди заволновались. Прорвав кольцо Спрутов, на дорогу выскочила серая встопорщенная рыбка и неистово заорала:

— Воры! Спруты-эксплуататоры! Дармоеды! Всех вас на чистую воду нужно вывести!

Звуки музыки смолкли. Толпа глухо загудела.

— Долой Лупибей и его стражников! — еще громче крикнул бунтарь.

К нему бросилось несколько Спрутов, но толпа качнулась и обрушилась на них. Со дна поднялась муть, закипела вокруг дерущихся. Раздалось кряканье, визг и глухие удары.

— Кто это? — спросила Смешинка.

— Бунтарь Ерш, — процедил Лупибей. — Известный мутьильщик воды. Ну, ему сейчас зададут!

Из мутного клубка вырвалась рыбка-забияка и припустила во всю прыть вдоль улицы.

— Вот он! — рывкнул, бросаясь вперед, Лупибей! — Держи его! Хватай за жабры!

Он несколько раз оглушительно выпалил из пистолета. Но Ерш ловко воспользовался паникой. Он нырнул в толпу — и был таков.

Кучер Четырехглазка щелкнул кнутом, и приостановившиеся было Крылатки рванули вперед. Опять мерно загудели барабаны Крокеров.

Смешинка хлопнула в ладоши:

— Сбежал! Вот молодец!

Спрут Лупибей, отдуваясь, хмуро посмотрел на нее.

Девочку Смешинку и Остроклюва поселили в нижнем этаже Голубого дворца — самого большого дворца Кораллового города. Царевич жил в верхнем этаже. Вокруг дворца была выставлена усиленная охрана. Каждый раз, когда Смешинка выглядывала в узкие высокие оконца, забранные прозрачными створками раковин плакун, она видела блестящие черные каски Спрутов. Они день и ночь топтались внизу.

На следующий вечер во дворце был устроен бал. В просторном зале на стенах висели ярко сиявшие звезды Офиуры, в воде плавали светящиеся Медузы, к потолку были подвешены окутанные красными облачками света Кроветки, в углах зала колыхались чудные и пышные Морские Перья, горевшие слабым чистым огнем. Каракатицы курсировали взад и вперед по залу, наблюдая за темными окнами.

Царевич подошел к Смешинке и церемонно поклонился ей, приглашая на танец. Она улыбнулась, подала руку, и оба вышли на середину зала. Тотчас заиграл скрытый оркестр. Краб Дромия, стоявший на балконе, приподнимаясь на тоненьких ножках, взмахнул клешнями. Медузы запели пронзительными голосами.

Смешинка, выждав такт, положила руку на плечо царевичу Капельке и... все закружилось в ее глазах. Тотчас важные надутые Пузанки, стоявшие у стен зала, приблизились к стайке Плотвичек-Гимнасток и пригласили их танцевать. Плотвичкам явно не хотелось танцевать с Пузанками, но они, видимо, уже привыкли к этому. Пары закружились. Пузанки кряхтели и пыхтели, Плотвички сочувственно улыбались друг другу, когда пары встречались в танце.

Вдоль стен стояли Спруты в форменной фиолетовой окраске. Мимо них прохаживался начальник стражи Лупибей, и при его приближении Спруты меняли окраску на подобострастно-желтую. А когда, кружась в танце, подплывал к ним царевич Капелька, Спруты подхалимски повторяли цвета его одеяния — голубой и серебряный. Смешинку это очень веселило.

— А почему начальника стражи так странно зовут — Лупи-бей? — спросила она.

— Потому что он чаще всего употребляет эти слова, — ответил царевич и продолжал: — Это имя пожаловал ему мой отец, владыка океана, Великий Треххвост.

— Великий Треххвост? — повторила удивленно Смешинка. — Разве у него три хвоста?

— Да! У него три хвоста, что свидетельствует о царском происхождении. Не зря он называется Великим Треххвостом.

Они проплыли мимо двери в соседний, меньший зал. Там стояли накрытые столы, вокруг которых толклись Ротаны и Горлачи. Гости торопливо пожирали угощения. Под столами шныряли морские Собачки и хватали падавшие со стола куски.

— А где же он, твой отец? Почему его нет на балу?

— Он живет не здесь, а далеко отсюда, в неприступном замке. Потом мы поедem к нему в гости.

— Хорошо, — кивнула Смешинка.

В распахнутые окна дворца время от времени заглядывали любопытные жители города, но бдительные Спруты с бранью набрасывались на них. Аист Остроклюв стоял неподалеку и внимательно наблюдал за действиями Спрутов.

— Скажите, — обратился он к Плотвичке-Гимнастке, при- танцовывавшей под музыку, — что делают с теми, кого хватает стража?

— Вы разве не знаете? — удивилась Плотвичка-Гимнастка, прихорашиваясь. — Их отправляют в морские пещеры.

— А потом?

— Потом? — Гимнастка задумалась. — Потом... я не знаю. И никто не знает.

— То есть они уже не возвращаются, — сказал Остроклюв. — Значит...

Плотвичка-Гимнастка испуганно вздрогнула. Остроклюв проследил за ее взглядом и увидел: неподалеку высунулись чьи-то глаза на стебельках. Они пристально уставились на них.

— Тс-с! Это Дракончик-шпиончик, — зашептала Плотвичка-Гимнастка. — Вас могут услышать, и тогда не миновать вам морских пещер за такие речи... Уйдем отсюда.

Но к ним уже приближался начальник стражи.

— О чем беседуем с милой дамой? — осклабилсЯ он.

Плотвичка-Гимнастка, онемев от ужаса, молчала. Но Остроклюв невозмутимо ответил:

— О музыке.

И поклонившись со старомодной учтивостью, пригласил Плотвичку-Гимнастку на танец. Пара закружилась в упоении и вскоре оказалась рядом с царевичем и Смешинкой, погло-

ценными танцем и беседой под тончайшую мелодию скрипки, которую выводил в полной тишине краб Дромия. Они сделали несколько па и взмыли под потолок в красноватый сумрак, где мерцали глубоководные Креветки. Смешинка была так прекрасна в дивном свете, что царевич не удержался и робко поцеловал ее.

— Ты мне очень нравишься! — шепнул он.

Девочка в ответ весело засмеялась.

Музыка смолкла. Царевич подвел Смешинку к распахнутому окну, в которое вливалась ночная свежесть, а сам направился к музыкантам, чтобы заказать новый танец. Девочка задумчиво смотрела на огни Кораллового города.

Вдруг в окне одна за другой показались три чумазые мордашки. Они с удивлением уставились на Смешинку и молча таращили глаза.

— Кто вы? — улыбнулась девочка.

— Не скажем, — пробасила средняя мордашка, побольше. — И не спрашивай...

— Почему?

— Потому что нас Лупибей ищет, — простодушно пояснила другая мордашка.

А третья с шумом вздохнула:

— Ой, как вкусно пахнет!

Смешинка оглянулась.

— Подождите! Сейчас я принесу вам что-нибудь поесть. Вы, наверное, голодны?

— Конечно! — сказала простодушная мордашка.

— Ну, тогда я накормлю вас!

Та, что посерьезнее, насупилась:

— Ага, а если ты нас выдашь? Скажешь Лупибею или какому-нибудь Спруту, что мы здесь?

— Ни за что не скажу! — загорячилась Смешинка. — Честное слово!

— Честное слово? — переспросила серьезная. — А что это такое?

— Это... честное слово, — растерялась девочка. — Ну, как вам объяснить? Честное слово говорят тогда, когда не хотят

совершать плохих поступков: ни выдавать, ни красть, ни обманывать.

— Вот здорово! — воскликнула наивная мордашка. — Честное слово! Какое же оно хорошее, честное слово. А нельзя ли... всех научить этому честному слову?

— Нет, нельзя, — грустно сказала Смешинка. — Честное слово могут говорить только честные.

— Значит, ты говоришь нам честное слово? — переспросила серьезная.

— Да, да! Честное слово!

— Ну, тогда иди. Мы подождем.

Смешинка выбежала в соседний зал и посмотрела на столы — там было уже пусто. В темном углу три Собачки дрались из-за обедков.

Она остановилась в нерешительности, и тут ее заметил толстый буфетчик Маслюк, который раньше уже видел девочку с царевичем.

— Что прикажете, дорогая гостья? Хотите покушать?

— Но я вижу, что уже ничего нет... — повела рукой Смешинка.

— Для вас все будет! — многозначительно просипел Маслюк.

Он нырнул под стойку и вынырнул с другого ее конца, нагруженный раковинами с икрой, салатами и белым съедобным илом. Дравшиеся в углу Собачки замерли и, разинув рты, смотрели, как девочка берет у буфетчика лакомые кушанья.

— Всегда обращайтесь ко мне, — шептал Маслюк, елозя брюхом по стойке. — Для вас, для царевича я на все готов! Так и скажите ему...

— Хорошо, скажу, — пообещала Смешинка и, проходя мимо Собачек, бросила им три раковины. Они взвыли от восторга и кинулись было драться, но увидели, что каждой достанется по раковине, и принялись пожирать содержимое, ворча друг на друга.

Дойдя до окна, Смешинка остановилась: загадочных незнакомцев нигде не было видно. Однако они тут же появились: наверное, наблюдали за окном откуда-то из укрытия.

— Не поверили моему честному слову? — упрекнула их Смешинка.

— Поверили, — ответила серьезная мордашка. — Но мы не знали еще, насколько можно верить, вот и спрятались.

Они быстро разделили яства и стали уплетать их, дружелюбно угощая друг друга самыми лакомыми кусочками. Из другого зала донеслись вой и визг — то снова подрались Собачки.

Но тут Смешинка услышала тяжелое пыхтение и постукивание.

— Ой, сюда идет Лупибей! — воскликнула она.

Незнакомцы мгновенно исчезли в темноте.

— Спасибо, девочка! — донеслось издали.

Подошел начальник стражи.

— С кем это ты беседуешь, дорогая гостья? — спросил он, шаря глазами по темным закоулкам за окном.

— Ни с кем, — пожала плечами Смешинка. — Просто так стою.

Спрут трижды ударил в дно дубинкой. Тотчас из-под стенок выскочил Дракончик-шпиончик и, не протерев глаз от грязи, в которой сидел, зататорил:

— Докладывает агент номер тринадцать-тринадцать! Со Смешинкой разговаривали небезызвестные вам преступники Барабулька, Бекастик и Бычок-цуцик. Она угощала их лакомствами!

— Понял, — нахмурился Лупибей, и Дракончик-шпиончик проворно закопался опять под стенку. — Значит, в то время, когда мы сбиваемся со щупалец, разыскивая преступников, ты спокойно встречаешься с ними? И даже вдоволь кормишь их за наш счет?

— Но я не знала, что это преступники! — сказала Смешинка, улыбаясь. — И даже не знала, что их так мило зовут: Бекастик, Барабулька и Бычок-цуцик...

— Она не знала, — сказал царевич Капелька, появляясь. — Так что оставь нас, Лупибей.

И он снова увлек девочку танцевать. А Лупибей, глядя им вслед, скрипнул клювом.

Глубокой ночью Смешинка проснулась от какого-то неприятного звука. Ей показалось, что кричал Остроклюв. Она приподнялась на локте и прислушалась.

Девочка лежала на просторной полупрозрачной кровати из стеклянной губки, над ней балдахином нависали морские лилии, а рядом светился ночной столик-актиния. В этом приглушенном свете виднелся темный провал окна. Снаружи доносились странные звуки: «хряп-хряп-хряп...». Видно, где-то поблизости шатались Горбыли.

Девочка решила все-таки навестить Остроклюва. «Если я и разбужу его, он не обидится», — подумала она.

Смешинка откинула легкое одеяло, сотканное из мантий ракушек-блюдецек, и подбежала к окну. Распахнув его и высунув голову, она увидела рядом одного из дворцовых стражей — Спрутов. Поджав под себя щупальца, он колыхался в воде бесформенным комком, и не понять было — то ли он спит, то ли притворяется.

Вдаль уходила узкая улочка города, освещенная тусклыми огнями прилепившихся на стенах Звезд. Медленно проплыла широкая тень электрического ската Торпедо. На ходу он касался хвостом Звезд, заряжая их, и улица ярко вспыхивала огнями. Гоня перед собой темноту, Торпедо уплыл в город.

Девочка взяла в руки ночесветку и направилась к двери. Почти всю ее заслонял собой телохранитель Смешинки, до того жуликоватый стражник, что его так и называли — Крадимитом. Появившись в комнате Смешинки, он первым делом украл две ночесветки и спрятал их себе под каску, отчего вокруг головы его появилось сияние. Убедившись, что больше стянуть нечего, он безмятежно заснул, уцепившись щупальцами за косяки двери.

Смешинке удалось прошмыгнуть в узенькую щелку между щупальцами, не потревожив телохранителя. «Ничего себе страж!» — хихикнула она.

Смешинка шла по длинному коридору, держа перед собой ночесветку. В одном месте из-под ног шмыгнуло в темноту

какое-то длинное лоснящееся тело. «Липарис, слизень», — девочка вздрогнула от отвращения. То там, то здесь на стенах поблескивали чьи-то глаза.

Вот и комната Остроклюва. И тут часовой спит! Этот даже раскинул щупальца и глаза закатил от удовольствия. Хотя нет... глаза какие-то безжизненные. Девочка оттолкнулась посильнее и перепрыгнула через него в комнату.

Остроклюва не было!

На полу белело несколько перьев старого аиста — их чуть покачивали тихие донные сквозняки. Кровать расползлась — две стеклянные губки валялись в стороне, в углах комнаты еще не улеглась муть, — видимо, здесь была жестокая схватка. Только тут Смешинка заметила, что в боку лежавшего у порога стражника торчит длинная острая рыба-Игла.

Девочка подняла тревогу. Примчался заспанный царевич, за ним поспешал Лупибей, пыхтя и стуча дубинкой. Он беголо окинул комнату взглядом и с порога уверенно заявил:

— Это дело шайки грязного Ерша.

Ткнул щупальцем в тело лежавшего у порога Спрута.

— Осмотреть!

Над телом озабоченно захлопотала рыба-Хирург в золотых очках.

— Без сознания,— дал Хирург заключение.— Ранен, но неопасно.

— Запиши! — рявкнул Лупибей.— Опасно ранен грязным Ершом!

— Опасно ранен грязным Ершом,— послушно прошлепал губами Хирург.

— А из чего видно, что тут замешан Ерш? — спросила Смешинка.

— Кто же еще? — удивленно выпучил глаза начальник стражи.— Ведь он преступник! Мы ведем его розыск!

— Но как он мог справиться со старым аистом? — спросила девочка, глядя на развороченную постель.

— Он не один! У грязного Ерша целая шайка — Бекасик, Барабулька и Бычок-цуцик. Они способны на любое преступление.

— Способны? — вмешался царевич.— Значит, они пока еще не совершили ни одного преступления?

— Как видите, уже совершили,— торжественно заявил начальник стражи.

— Но ведь это еще не доказано! — воскликнула Смешинка.

— А мне и доказывать не надо,— ухмыльнулся Лупибей.— Все и так ясно.

— Ладно, оставим спор,— махнул рукой Капелька и повернулся к Смешинке.— Все равно мы ничего не поймем в этих темных делах. Пойдем. Лупибей найдет преступников и накажет их...

— А Остроклюв? — стиснула руки Смешинка.— Главное — найти его!

— Он и Остроклюва найдет,— царевич увлек девочку за собой.— Поверь, Лупибей очень крупный специалист по преступлениям.

Печальная вернулась Смешинка в свою спальню и разбудила храпевшего в двери Спрута Брадимигом. Тот замахал

всеми щупальцами, стал протирать глаза и даже выронил из-под каски украденные ночесветки.

— Что? Я разве спал? — бормотал он.

— Нет, ты просто замечтался.

— О чем... замечтался? — тупо спросил стражник.

— О том, как ты станешь таким же великим, как Лупибей,— язвительно сказала девочка.

Спрут расплылся в блаженной ухмылке:

— А ведь верно! Я как раз думал об этом...

Смешинка кивнула ему и вошла в комнату. Но тут же оставилась пораженная. Глаза ее расширились.

Посреди постели, там, где она обычно спала, свернувшись клубочком, торчала, наполовину вонзившись в перину, рыба-Игла.

— Что это?!

Спрут Крадимигом в ужасе заморгал:

— П-покушение! Тебя хотели убить! Тревога! Тре...

— Тише! — остановила его Смешинка. — Не надо поднимать тревогу. Ведь меня никто не убил. Я жива и здорова.

Спрут вытащил из кровати одеревеневшую Иглу и со злостью выбросил за окно. Потом загородил широкой спиной дверь и принялся сердито вращать глазами.

Девочка устало присела на кровать и задумалась. Где же Остроклюв?

— Смешинка! Слушай, девочка Смешинка! — раздался вдруг тоненький голосок.

Она посмотрела вниз и увидела рядом с кроватью маленькую рыбку с крылышками.

— Кто ты? — шепотом спросила она, чтобы страж не услышал.

— Я рыба-мышь Альмина. Живу в комнате, где поселился старый аист Остроклюв. Он был очень добр и кормил меня крошками со своего стола.

— Как ты сюда попала?

— Для мышки нет ничего трудного. Здесь под стенами много норок... Я пришла передать тебе то, что крикнул Остроклюв, когда на него напали преступники.

— Кто? Кто на него напал?

— Я не видела. Они сразу выбросили за окно все ночесветки. Остроклюв боролся с ними, но их было много. Тогда он крикнул: «Альмина! Передай Смешинке, чтобы она искала мои перья!» Я не поняла, что он хотел этим сказать, но передаю его слова точно.

— Спасибо, дорогая Альмина! — горячо воскликнула девочка. Крадимигом повернулся, настороженно схватившись за пистолет:

— Кто здесь? С кем ты разговариваешь?

— Я иду искать Остроклюва! — девочка поднялась. — Сейчас же!

— А как же я? — спросил страж. — Я должен охранять тебя.

— Вот и охраняй. Разве я тебе мешаю? Заодно будешь вместе со мной разыскивать преступников.

— Как я могу одновременно и разыскивать преступников и охранять тебя? Я могу делать только что-то одно...

— Странно же вы, Осьминоги, устроены! — удивилась Смешинка. — У вас по восемь щупальцев, а вы не можете делать два дела сразу.

— Щупальца у нас не для того, чтобы что-то делать, — наставительно произнес охранник. — А для того, чтобы хватать и тащить!

— Ладно. Ты охраняй меня, а я буду искать своего друга. Вот и получится, что ты тоже ищешь его.

Перо они нашли неподалеку от дворца. Оно белело прямо под фонарем-Звездой. Девочка схватила его и прижала к груди:

— Вот и первый привет от друга!

Целую ночь бродила Смешинка по Коралловому городу. Она открывала его заново — для себя. Это был совсем не тот прекрасный город, который она видела издали: сверкающий всеми красками, нарядный, загадочный. Кораллы всех цветов прикрывали убогие лачуги и норы, где ютились жители. Улицы были тускло озарены редкими ночесветками, какие-то тени шарахались прочь и скрывались в зарослях.

Смешинка храбро стучалась во все двери и спрашивала сонных жителей об аисте Остроклюве, но никто ничего не знал о нем. Спрут Крадимигом тащился следом, недовольно ворча что-то под нос, и оживлялся лишь тогда, когда оказывался в чьей-то хижине или норе. Пока Смешинка разговаривала с хозяином, Крадимигом запускал щупальца во все углы и шарил, таща что попало: остатки съестного, красивую раковину-побрякушку или убогую одежонку. Заметив это, Смешинка перестала стучаться в хижины и брела по улице, глядя себе под ноги.

Рассвет застал их на окраине, у подозрительных мрачных развалин. Из-за груды камней выскочила пестрая рыбка и устремилась куда-то с деловитым видом. Во рту у нее Смешинка увидела белое перышко.

— Постой, рыбка! — крикнула она.

— Слышь, Перепелка! — рявкнул Спрут. — Тебе говорят, замри!

Несчастная действительно замерла, только дрожали ее плавники. Девочка успокоила Перепелку-Зеленушку и взяла у нее изо рта перышко.

— Где ты нашла это?

— Там... — Перепелка махнула зеленоватым хвостом. — Это лежало у входа.

Она указывала на мрачные развалины. Смешинка потрепала рыбку по плавникам и решительно направилась дальше. Спрут поспешил за ней.

Они остановились у темной дыры, уходившей под землю.

— Это остатки Дворца рыбих плясок, — сказал Спрут, нервно передвигая кобуру пистолета. — Сейчас пристанище самых отпетых шаек преступников. — Он понизил голос: — Говорят, здесь скрывается бунтарь Ерш... Опасно! Может, вернемся за подмогой? Пушки захватим, а?

Смешинка улыбнулась.

— Нельзя терять время. Вперед!

Она ступила под разрушенные своды. Спрут, пыхтя, двигался за ней. Из-под ног шмыгали и разбегались в стороны какие-то пауки, неясные темные силуэты. Стражник брезг-

ливо отшвырнул прочь Рака-отшельника вместе с конурой, когда тот попытался выставить свои клешни.

Слабый свет пробивался далеко впереди, и путешественники направились туда. Вскоре они услышали крики и брань.

— Это преступники! — крикнул стражник, оглушительно выпалил из пистолета и храбро... попятился назад. Смешинка чихнула от заclubившейся мути и крикнула:

— Где ты, Остроклюв?

Она побежала вперед, свет все усиливался, и вот она очутилась в большой-большой мрачной пещере. В углах ее жутко мерцали зубы глубоководных светящихся рыб, которые даже во сне разевали пасти в ожидании добычи. А посреди пещеры в этом призрачном свете толклись какие-то колющие существа и визгливо ругались. Увидев Смешинку, они замерли от неожиданности, выпучив водянистые глаза. Но Смешинка не растерялась. Обернувшись, она крикнула:

— Где мое войско? Быстрее несите сюда пистолеты, тащите пушки, закрывайте выходы! Я нашла бандитов!

Ох и паника же началась в пещере! Злоумышленники кинулись в угол и, толкая друг друга, исчезли в щели. Последний из них так торопился, что впопыхах сорвал с себя колющие иглы, и они веером опустились на дно. А девочка хохотала во все горло!

Но вдруг она увидела, что пещера усеяна белыми перышками.

— Это перышки бедного старого Остроклюва!

Смешинка опустилась на колени и бережно собрала их. В это время кто-то коснулся ее плеча.

— Не горюй о том, в чем ты до конца не уверена, — сказал дребезжащий насмешливый голос.

Девочка подняла голову и увидела белую рыбку с черными плавниками, которая смотрела на нее большими мудрыми глазами. На ней жестким морским узлом был повязан зеленый галстук, такой же, как у Остроклюва.

— Кто вы? — удивилась Смешинка.

— Мичман-в-отставке.

— Кто?!

— Разве ты никогда не слыхала о рыбе, которая называется Мичманом? Я и есть Мичман, но поскольку уже стар и не годюсь для службы, то вышел в отставку.

Девочка улыбнулась. Какое странное создание!

— А вы случайно не видели здесь моего доброго друга, аиста Остроклюва?

— Видел,— спокойно ответил Мичман-в-отставке.— Злоумышленники привели его сюда. Какой-то противный тип, которого все называли Троегубом, задавал ему каверзные вопросы, а рыба-Кнут и рыба-Ремень грозили отстегать его, если он откажется отвечать.

Девочка закрыла лицо руками.

— Бедный мой друг!

— Не печалься! — Мичман-в-отставке подобрал что-то со дна и внимательно осмотрел находку.— Остроклюв не из тех, кто дает себя в обиду. Когда ему все это надоело, он взял и исчез.

— Исчез? Куда исчез? — оторопела девочка.

— Исчезают обычно без всякого направления,— наставительно произнес Мичман-в-отставке.— Просто тают в воде, как сахар.

— А вы сами видели это?

— Видел,— незнакомец смотрел мимо нее,— точно так же, как вижу вон то щупальце за камнем, дрожащее от испуга. Выходи, доблестный страж порядка! Все злоумышленники сбежали.

Спрут Крадимигом показался из-за камня, свирепо вращая глазами и потрясая дубинками.

— Я неслышно подкрадывался, чтобы застать бандитов врасплох! — объявил он.— Жаль, что они сбежали, иначе я обрушился бы на них как скала! А ты случайно не злоумышленник?

— Нет. Не знаешь, на кого обрушиться? — добродушно спросил Мичман-в-отставке.— Обрушью пока на этот камень, потому что я вижу, у тебя от напряженного подкрадывания дрожат щупальца.

Крадимигом опустился на камень и погрозил незнакомцу.

— Ты мне клюв не заговаривай! Отвечай, кто такой, как сюда попал, что делал в компании бандитов?

— Охотно отвечу, если меня поймут. Я случайный свидетель, видел, как бандиты схватили старого аиста.

— Ага! И что же они выпытывали у него?

— Они спрашивали, откуда он прибыл и с какими целями, кто такая Смешинка и что она замышляет против Великого Треххвоста.

Держа в щупальцах лист морской капусты, Спрут старательно записывал рассказ «свидетеля», макая щупальце в свой мешочек с чернилами.

— Довольно странные вопросы для бандитов, не правда ли? Мне кажется, настоящих бандитов интересовали бы драгоценности или что-нибудь другое...

— Что ты там бормочешь? — недовольно прервал его Спрут. — С чего ты взял, что это не настоящие бандиты? А?

— Да вот посмотри! — И Мичман-в-отставке протянул Спруту колючки, оброненные одним из злоумышленников. — Это ведь не настоящие колючки, они уже были давно сняты с какого-то Ерша, быть может, попавшего в морскую пещеру. Вот тут на концах болтаются веревочки, которыми их привязывали к чьей-то гладкой спине.

— Дай сюда! — Спрут пристально рассмотрел колючки, потом спрятал их. — Вещественное доказательство... По нему мы найдем бандитов!

— Гм, — с сомнением посмотрел на него Мичман-в-отставке. — Я не знаю ни одного бандита, который носил бы накладные колючки. У них есть свои...

— Ага! — подскочил Спрут. — Вот и проговорился! Оказывается, ты знаешь всех бандитов? Ты арестован!

Мичман-в-отставке повернулся к Смешинке.

— Ведь я не говорил ничего подобного!

— Говорил, говорил! — бесновался Крадимигом. — Не отвертись! Твои слова я записал. Вот они! — Он заглянул в листок и прочитал: — «Я не знаю ни одного бандита...»

— Довольно! Видите, вы сами подтверждаете мою невиновность. Да, я не знаю ни одного бандита.

— Что же это такое? — очумело бормотал Спрут, вновь и вновь перечитывая запись. — Я ведь ясно слышал, что он сказал, будто знает всех бандитов. А записано, что не знает ни одного! Это какое-то мошенничество!

— Успокойтесь, — сказал Мичман-в-отставке. — Слово сказанное иногда сильно отличается от слова написанного...

— Но я все равно тебя арестую! — упрямо стукнул дубинкой по камню Крадимигом. — Там разберутся.

— Не надо его арестовывать, — попросила Смешинка. — Ведь он не сделал ничего дурного. Он рассказал нам все, что знает.

— Слишком много он знает! — сверкнул глазами Крадимигом. — А ты, девочка, не мешай...

Сжимая в руке маленький пучок перьев старого аиста, Смешинка шла впереди и думала, как освободить ни в чем не повинного Мичмана. Попросить царевича Капельку! Но он целиком доверяет Лупибею и не захочет вмешиваться в его дела. Для него главное — танцы, балы, веселье... А Смешинке так не хотелось сейчас веселиться!

Она вышла из развалин и зажмурилась. Из-за громадного Голубого дворца струился свет поднимающегося где-то над морем солнца. Даже развалины в его лучах не казались такими уж мрачными. Утро озаряло Коралловый город.

Настороженно озираясь, появился Крадимигом, подталкивая бедного Мичмана-в-отставке. Одно щупальце его лежало на кобуре с пистолетом.

И вдруг откуда-то сверху на его каску обрушился увесистый камень. Оглушенный ударом, Спрут упал как подкошенный.

Раздались крики, шум, и в одно мгновение Смешинка и Мичман-в-отставке были окружены свирепыми колючими рыбами в масках из красной филлофоры.

— Те самые бандиты... — шепнул девочке Мичман-в-отставке.

— Сдавайтесь! — крикнул бандит, у которого маска была завязана на затылке бантиком. — Эй ты, девчонка, и ты, старикашка! Слышали?

Смешинка повернулась к нему спиной и презрительно бросила:

— С таким грубияном я не желаю разговаривать!

Бандит с бантиком закипятился. Но Мичман-в-отставке невозмутимо произнес:

— Хорошо, хорошо. Но кому сдаваться?

Бандит с бантиком, размахивая пистолетом, закричал:

— Ты что, не узнаешь меня? Я грязный Ерш!

— Так его называют Лупибей да и другие стражники,— задумчиво сказал Мичман-в-отставке.— В народе его зовут иначе: Храбрый Ерш. И если ты хочешь быть на него похожим, то тебе нужно добавить к своему наряду еще кое-что.— Он наклонился к лежащему Спруту и достал из-под каски «вещественное доказательство».— Вот, возьми, ты, кажется, потерял это.

Бандит растерянно смотрел на колючую коронку с веревочками, которую протягивал ему Мичман-в-отставке. Его собственный жалкий спинной плавник вдруг испуганно затрепыхался.

— А то посмотришь на тебя,— продолжал Мичман-в-отставке,— и подумаешь, что ты не Храбрый Ерш, а вылитый Пузанок, нарядившийся бандитом.

— Нет, я Храбрый Ерш! Храбрый Ерш! — визгливо закричал бандит с бантиком. Но тут сверху донесся голос:

— Кто там треплет благородное имя Храброго Ерша?

~ ~ ~ ОБВИНЕНИЯ ХРАБРОГО ЕРША ~ ~ ~

Все подняли головы и увидели, что на выступе коралловых зарослей появился встопорщенный колючий силуэт.

— Храбрый Ерш! — ахнул кто-то.

Да, это был действительно Храбрый Ерш. Он, улыбаясь, воинственно размахивал чем-то длинным, плоским, черным. Бандит с бантиком, дрожа, принялся поднимать пистолет, но Храбрый Ерш взмахнул чем-то черным, и оно, со страшной скоростью разрезав воду, выбило у бандита пистолет и вонзи-

лось в грунт. То была гимнотида, или рыба-Нож. Храбрый Ерш мастерски владел ею, и это знали все.

Вдруг из-за развалин выскочили три перемазанных незнакомца и завопили:

— Держи их!

— Хватай!

— Не пускай, честное слово!

Услышав это, Смешинка так и прыснула. Она сразу же догадалась, что это те незнакомцы, которых она кормила остатками от пиршества в Голубом дворце. Видно, «честное слово» так им понравилось, что они к месту и не к месту принялись цеголять им.

Но бандитам было не до смеха. Визжа от ужаса, они бросились бежать.

А три чумазные рожицы, смыв грязь, оказались Барабулькой, Бекасиком и Бычком-цуциком. Смеясь, Бычок-цуцик оглушительно свистнул вслед убежавшим.

Храбрый Ерш, оттолкнувшись от скалы, плавно опустился вниз к Смешинке.

— Я слышал от своих друзей, что вы добрая,— хмурясь, сказал он.— Но, наверное, очень глупая.

— Почему? — удивилась Смешинка. Храбрый Ерш настолько понравился ей своей смелостью, что она даже не обиделась.

— Потому, что водитесь с царевичем и особенно с этим ужасным Лупибеем.

— Царевич и Лупибей совершенно разные...— начала девочка.

— Одна компания! — оборвал ее Храбрый Ерш.— Царевич — бездельник, который любит лишь веселье, а Лупибей — его верный слуга. Эх, узнал бы мудрый Великий Треххвост, что творится в городе! Он бы взгрел их как следует!

Смешинка в нетерпении прервала его:

— Вы не видели старого аиста?

— А, это та странная рыба с большими, как у Ската, плавниками? — оживился Ерш.— Мы случайно слышали, как Лупибеем докладывал Дракончик-шпиончик, что эта странная

рыба говорит дерзкие речи, ругает стражу. И Лупибей поклялся отомстить ему. Мы хотели предупредить старого аиста, но не успели...

Мичман-в-отставке успокаивающе погладил девочку по плечу:

— Не волнуйся, Смешинка, твой друг вернется, когда ему захочется. Он сказал это перед тем, как исчезнуть.

— Правда? Значит, он вернется? И я снова увижу старого доброго Остроклюва? — засмеялась Смешинка.

Своим смехом она заразила Бекасика, потом захихикала Барабулька, за ней хохотнул Бычок-цуцик, и, наконец, веселье коснулось и Храброго Ерша. Его колючки пригладились, рот растянулся, и весь он стал добрым и симпатичным. Улыбался и Мичман-в-отставке, глядя на всех.

— Хорошо смеется тот, кто смеется первым,— сказал он, покачивая головой.— Много ума не надо, чтобы все время быть злым и надутым, а вот первым засмеяться и подарить веселье другим...

— Давно мы так не смеялись,— сказал Бычок-цуцик.

Храбрый Ерш при этих словах помрачнел.

— Не печальтесь! — объявила Смешинка.— Скоро все жители города будут смеяться и радоваться.

— С чего бы это? — насторожился Храбрый Ерш.

— Я научу их.

Барабулька пришла в восторг:

— Вот здорово, честное слово! Мы будем смеяться!

Но Храбрый Ерш насунился и так посмотрел, что Барабулька забулькала от испуга.

— Ах вот как...— процедил он, поворачиваясь к Смешинке.— Ты научишь жителей смеяться? А кто тебя об этом просил?

— Царевич,— девочка недоумевающе смотрела на него.— Он и пригласил меня в Коралловый город, чтобы я научила жителей смеяться. А то они какие-то унылые.

— Ага! — Храбрый Ерш даже подскочил от ярости.— Так вот зачем ты приехала сюда! Теперь все понятно!

— Что тебе понятно?

— Я ошибся. Ты не такая, как царевич или Лупибей. Нет,— голос бунтаря выражал презрение: — Ты хуже! Ты во сто раз хуже, чем Лупибей, чем все эти Спруты, чем Дракончики-шпиончики, чем Прилипалы и Прихвостни, чем Пузанки, Ротаны, Горлачи, хуже, чем самый гадкий Слизень!

Сначала Смешинка добродушно улыбалась, потом побледнела, улыбка исчезла с ее лица...

— За что? За что ты так меня оскорбляешь? — спросила она дрожащим от возмущения голосом.

Но Храбрый Ерш молча отвернулся от нее.

— Поясни мне, Храбрый Ерш,— вмешался Мичман-в-отставке,— почему милая девочка Смешинка кажется тебе такой плохой?

— Потому что она будет учить всех смеяться в то время, как жители стонут и плачут от горя и страданий. Зачем нам ее смех? Он будет только на руку этим восьмируким и десятируким, которые захватили власть в Коралловом городе! Да

знаешь ли ты, какую клятву дал я себе в тот день, когда Спруты и Каракатицы наводнили наш прекрасный город?

— Какую же?

— Не смеяться нигде и никогда до тех пор, пока хоть одно их щупальце находится в городе. Вот! А она заставила меня нарушить клятву.

— И ты думаешь, что если все время будешь мрачным, то этим поможешь жителям города? — задумчиво спросил Мичман-в-отставке.

— Я не должен забывать, как страдают морские жители, — упрямо твердил Храбрый Ерш. — И всегда должен воевать, чтобы плохо было всем тем, кто заставляет их постоянно страдать. А если я буду весело посмеиваться, то мне и воевать расхочется!

— Че-пу-ха! — отрезала Смешинка. — Когда я научу жителей смеяться, то им легче будет переносить страдания, легче жить. И они с веселой улыбкой будут...

— ... гнуть свои спины на работодателей? — с возмущением крикнул Храбрый Ерш. — Нет, не бывать этому! Мы заставим тебя убраться из нашего города!

В тот же миг из-за развалин взметнулось длинное черное щупальце и обвило его поперек туловища.

— Преда... — захрипел было Храбрый Ерш, но другое щупальце приставило к его носу пистолет.

Бекастик, Барабулька и Бычок-цуцик тоже были скручены. Не избежал этой участи и Мичман-в-отставке — он трепыхался в объятиях здорового стражника.

— Так-так-так! — Из-за камней показался Лупибей, опираясь на дубинку. — Попались наконец! Всю шайку накрыли в полном сборе! И как раз в тот момент, когда они угрожали нашей драгоценной гостье Смешинке!

Храбрый Ерш отчаянно барахтался, пытаясь вырваться из цепких объятий Спрута.

— А это кто такой? — Лупибей остановился возле Мичмана-в-отставке.

— Его отпустите! — рванулась к нему девочка. — Он защищал меня! Он со мной!

— Тогда совсем другое дело,— Лупибей дал знак стражнику, и тот освободил изрядно помятого пленника.— Кто же ты все-таки?

— Мичман-в-отставке,— просипел тот, с трудом расправляя плавники.

— Гм... в отставке,— начальник стражи с сомнением рассматривал его.— А почему, собственно, отставили? За какой проступок?

— За старость... кхе-кхе! Этот проступок совершает каждый в своей жизни... рано или поздно.

— Оставьте его здесь. Он будет напоминать мне о старом аисте,— Смешинка погладила Мичмана-в-отставке,— который исчез, спасаясь от бандитов.

— И из-за которого пострадал наш славный Крадимигом.— Начальник остановился над оглушенным Спрутом и велел его унести.— Ничего, бандиты за все ответят!

— Но они не виноваты в гибели старого аиста и ранении стражника,— возразила Смешинка.— То были другие... бандиты.

— Бандиты есть бандиты, дорогая девочка,— веско сказал Лупибей.— Они не могут быть одними, а потом другими. Они всегда бандиты и будут отвечать за свои преступления.

— Но они не совершали никаких преступлений! — воскликнула девочка.— Клянусь вам! Наоборот, они спасли меня!

— Когда мы подкрадывались сюда, я хорошо слышал, как бунтарь Ерш угрожал тебе! — настаивал начальник стражи.

Вдали показались Крылатки, взмахивающие алыми плавниками.

— Сюда спешит царевич! — воскликнул Лупибей.

Действительно, то была карета Капельки. Он на ходу соскочил и торопливо подбежал к Смешинке.

— Моя маленькая девочка! — он порывисто схватил ее за руки.— Ты здорова? Как я рад! Почему ты убежала из дворца, ничего не сказав мне? О, я был в ужасе, когда мне сообщили об этом — ведь в городе столько опасностей!

— Я искала своего друга,— грустно сказала Смешинка.

— И нашла?

— Нет, это мы ее нашли,— почтительно вмешался начальник стражи, прикладывая сразу три щупальца к каске.— И как раз в тот момент, когда шайка грязного Ерша угрожала ей вот этим.

Царевич брезгливым движением оттолкнул от себя гимно-тиду, которую совал ему Лупибей.

— Уберите! Какой ужас, какой ужас! — повторял он, не сводя встревоженных глаз со Смешинки.— И где же эти преступники?

— Взяты под стражу. Вот они, полюбуйтесь,— победоносно заявил Лупибей, указывая на пленников.

Но царевич замахал руками:

— Что ты говоришь! Я не хочу смотреть на этих гадких бандитов, а ты предлагаешь еще ими полюбоваться! Лучше позаботься, чтобы в городе не совершалось преступлений.

— Будьте уверены! — рявкнул Лупибей и, обернувшись к подчиненным, приказал: — Посадить их в темницы-одиночки! Я сам займусь ими!

Царевич Капелька взял девочку под руку:

— Пойдем отсюда скорее.

Смешинка таяла от удовольствия. Она не могла не оглянуться торжествующе на Храброго Ерша: вот, мол, как нужно обращаться с девочками, а не кричать и грозить. Но бунтарь только презрительно отвернулся.

— Пойдем, Мичман-в-отставке! — крикнула она старичку. И объяснила царевичу: — Я хочу, чтобы он был со мной.

Четырехглазка взмахнул длинным бичом, и карета тронулась.

ВЕСЕЛЬЕ НА ПЛОЩАДИ

С утра по городу ходил глашатай Большая Глотка в сопровождении Крокеров и Барабанщиков и оглушающе орал:

— Собирайтесь, собирайтесь к Голубому дворцу! Сегодня Смешинка научит вас смеяться! Хватит тоски и плача! Теперь вы будете веселиться — везде и всегда! Да, да, да!

И вот на площадь потянулись вереницы морских жителей. Они оделись во все лучшее, как велела Большая Глотка, шли чинно, с детьми. Вокруг площади стояла двойная цепь Спрутов.

— Тише, тише! — время от времени покрикивали они. — Соблюдайте порядок! Смеяться только по команде!

Но никто и так не шумел. Все стояли, хмуро переговариваясь и уставясь в землю. То и дело проносился приглушенный шепот:

— А что это такое — смеяться?

— Зачем?

— Наверное, очередная выдумка Спрутов...

— Мало нас притесняют!

А из дворца смотрел на волнующуюся толпу Мичман-в-отставке и задумчиво качал головой. Он не разделял уверенности Смешинки в том, что она научит веселиться этих хмурых, усталых, забитых морских жителей. «Нет, даже ее волшебный смех здесь бессилён!» — думал он.

Смешинка торопилась. Она прихорашивалась перед зеркалом, думая: «Храбрый Ерш запретил мне учить жителей сме-ху! Какой нахал! Вот я ему покажу!»

Она вышла в зал, и царевич Капелька ахнул от изумления. Пышные золотые волосы Смешинки водопадом струились на плечи, щеки ее разругались, глаза сияли.

— Один твой вид вызывает радость! — сказал он, невольно склоняясь перед девочкой. — Морской народ будет в восторге!

Действительно при появлении Смешинки на балконе дворца все вокруг оживилось. У многих глаза посветлели при виде прекрасной золотоволосой волшебницы. Смешинка заметила это и сказала, протягивая руки:

— Скажите, почему вы такие грустные? Почему не смеетесь? Забудьте о своей усталости, о своих заботах. Ведь жизнь так хороша! Не нужно думать о плохом, давайте думать и мечтать о самом чудесном, самом лучшем... Давайте смеяться, петь и веселиться!

И она залилась своим самым заразительным смехом. Царевич, стоявший рядом, тоже засмеялся — он не мог не засме-

яться! И так они стояли на балконе, смотрели друг на друга и смеялись. И глядя на них, красивых, молодых и жизнерадостных, морские жители сами стали понемногу улыбаться, глаза их заблестели.

Но тут Лупибею, стоявшему на нижнем балконе и наблюдавшему за порядком, показалось, что все радуются недостаточно, плохо выполняют призыв Смешинки.

— Смеяться! — заорал он. — Хохотать во все горло! Выполняйте приказание, ну! Вы слышали, что вам говорят: веселитесь, радуйтесь!

Он дал знак, и первая цепь Спрутов врезалась в толпу. Раздались крики, кто-то упал, кто-то побежал в страхе. Жители испуганно переглядывались — тут уж всем стало не до смеха и веселья...

Смешинка в отчаянии смотрела на свалку, которую устроили Спруты.

— Прекратите! Прекратите сейчас же! — кричала она, но ее никто не слышал: топот, шум оглушали всех.

Тогда царевич перегнулся через перила балкона, сказал что-то Лупибею, и тот замахал белым жезлом. Спруты ворча вернулись на свои места.

Расстроенная Смешинка убежала с балкона. За ней поспешил царевич:

— Подожди, девочка! Послушай, случилось недоразумение!

Но она бросилась в свою комнату. Рыдая, упала на кровать и повторяла:

— Ох, я несчастная! Из-за меня им попало, из-за меня!

Обессиленная, Смешинка заснула. Долго ли спала, она не знала. Только неожиданно поднялась и стала протирать глаза.

Рядом, в кресле, сидел Мичман-в-отставке.

— Выспалась? — приветливо улыбнулся он. — А почему такая заплаканная?

Смешинка вспомнила все и снова огорчилась. Опустив голову, она сплела пальцы рук на коленях.

— Ничего не получилось... — прошептала она. — Я принесла жителям не радость, а горе...

И она горячо заговорила:

— Давай уйдем куда-нибудь, а? Чтобы царевич Капелька не знал, чтобы никто-никто не знал! Куда-нибудь далеко...

Мичман-в-отставке ласково погладил ее по головке.

— Бедная девочка! Не надо падать духом. Вчера ты все сделала правильно, только несколько подробностей забыла.

— Каких подробностей?

— А вот слушай...

И через некоторое время Смешинка передала через стражников царевичу Капельке, что она хочет видеть его и начальника стражи. Встреча произошла в небольшом Сиреновом зале дворца. Смешинка вошла вместе с Мичманом-в-отставке, и Лупибей, стоявший у кресла царевича, невольно поморщился.

Капелька радостно приветствовал Смешинку. Вскочив, он подбежал к ней, пристально всматриваясь в ее лицо:

— Вчера ты была расстроена... Я тоже очень, очень огорчен! Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо! — объявила Смешинка, лукаво улыбаясь. Царевич подвел Смешинку к креслу. Она поерзала, устраиваясь удобнее, и сказала:

— Соберите опять всех жителей. Теперь-то они будут смеяться! Только перед этим нужно...

— Вызвать на площадь дополнительный отряд стражников, — вмешался быстро Лупибей. — И прикатить пушку для устрашения! Тогда они живо засмеются!

И он загоготал, довольный, запрокидывая кверху попугайский клюв.

— Нет! — резко сказала Смешинка. — Если вы хотите, чтобы я научила всех смеяться, то никаких пушек, никаких запугиваний! Слышите? Каждый стражник должен вооружиться цветами морской лилии...

— Морской лилии? — крикнул Лупибей.

А Мичман-в-отставке уточнил:

— В каждом щупальце по три цветка — ни больше, ни меньше.

— Дальше, — продолжала девочка, — всем жителям выдать завтрак, обед и ужин.

— По раковине ламинарии и морского винограда каждому, — добавил опять Мичман-в-отставке.

Лупибей воздел кверху щупальца:

— Придется опустошить склады дворца!

— Иначе ничего не получится, — сказала веско Смешинка.

И царевич повторил, глядя на нее влюбленными глазами:

— Иначе ничего не получится.

— Можно и не опустошать склады, — вкрадчиво вставил Мичман-в-отставке, — если приказать стражникам у ворот города не отбирать у жителей ту еду, которую они соберут на морских лугах.

Лупибей недовольно заворчал.

— И, наконец, созвать жителей города не криками Большой Глотки, которые нельзя слушать без отвращения, а специальными пригласительными листками.

— Эти листки вручат каждому Красавки, приятные и вежливые, — снова вмешался Мичман-в-отставке.

— Да! — сказала Смешинка. — Вот необходимые условия, при которых я научу жителей смеяться. Иначе вся волшебная сила смеха моего пропадет.

— Ты понял? — спросил царевич Лупибей. Тот мрачно поплелся к выходу выполнять условия Смешинки.

И вот по городу засновали быстрые симпатичные Красавки. Они вручали каждому жителю — малому и большому — красный листок порфиры с именованным приглашением (Лупибей посадил всех Каракатиц надписывать листки, и они строчили в десятки щупалец, бочками расходуя свои чернила) и ласково щебетали, советуя прийти на прекрасный бал.

В то же время в воротах города происходило удивительное: Спруты не отбирали ни у кого добычу, а лишь тоскливыми глазами провожали вороха еды, которые несли жители. Мало того, тут же стоял Омар-пушкарь и громадной клешней накладывал каждому неудачнику, возвращающемуся с пустыми плавниками, раковину капусты — ламинарии и раковину морского винограда — саргассов.

Сытые, довольные и недоумевающие собрались жители города на площади. Они с изумлением смотрели на стражников: Спруты держали в щупальцах цветы морской лилии и, не зная, что с ними делать, то и дело нюхали их. Многие одурели от густого запаха лилий и тупо вращали мутными глазами. В толпе при виде такой картины то там, то здесь возникал смех. Он нарастал, рос, и вот уже все на площади смеялись, хватаясь за животы и утирая слезы.

Тут по знаку Мичмана-в-отставке грянула веселая музыка. Минуту все стояли, в растерянности глядя друг на друга, потом какая-то бесшабашная Перкарина пустилась в пляс, вокруг нее, приговаривая «топ-топ-топ!», закружился Чоп. И вот уже вся площадь поет и пляшет.

— Но... как же это? — спросил царевич Смешинку. — Ты даже не выходила на балкон!

Смешинка и сама с удивлением смотрела на веселящихся жителей. Никто не призывал их смеяться, а они смеются, никто

не приглашал их танцевать, а они пляшут — да так лихо! Что случилось?

— Дело в том, — пояснил с ученым видом Мичман-в-отставке, — что волшебная сила смеха нашей чаровницы Смешинки достигает полной силы только на второй день, но при соблюдении тех условий, о которых я говорил.

Подошел хмурый Лупибей.

— Можно страже снова вооружиться? — спросил он царевича, прикладывая щупальце к каске.

— Нет, — сказал Мичман-в-отставке. — Если вы хотите, чтобы морские жители были веселыми и впредь, стражники должны быть вооружены лишь цветами, не посягать на еду жителей и наводить порядок только с помощью шуток. Они действуют сильнее пушек.

— Вот как? — сказал Лупибей и удалился в глубоком раздумье.

Мичман-в-отставке проводил его настороженным взглядом.

~ ~ ~ НЕУДАВШИЙСЯ УЖИН ~ ~ ~

— Как я рад! Как я рад! — приговаривал царевич. От восторга он даже протанцевал круг. — Все смеются, всем весело. Приятно посмотреть. Сегодня продолжим наш грандиозный бал! Позвать немедленно портных!

Через минуту Лупибей притащил трех Коньков-тряпичников. Их тоненькие хвостики дрожали от испуга.

— Сейчас же сшейте девочке Смешинке бальное платье из ресничек медузы Аурелии! — приказал Капелька. — Чтобы к ужину оно было готово!

А Лупибей, наклонившись к портным, что-то тихо добавил, и они опрометью бросились к дверям.

Вечером царевич пригласил Смешинку на ужин и повел ее, бережно держа за руку. По пути он рассказывал о роскошном платье, которое сшили ей для бала придворные портные.

— Ах! — воскликнула девочка, увидев платье. — Оно действительно чудесное!

Платье переливалось и струилось между пальцами, невесомое, мерцающее бесчисленными искрами.

— Я сейчас же переоденусь! — заторопилась Смешинка.

Но царевич возразил:

— Сначала поужинаем. Иначе, если ты наденешь платье, мой шеф-повар Судак оторопееет и перебьет всю посуду.

Окна обеденного зала были распахнуты настежь, чтобы слышен был доносившийся из города веселый смех.

— Как он бодрит, как радует! — воскликнул царевич, усаживаясь за стол.

Толстый Судак повязал салфетку вокруг его шеи и подал блюдо, наполненное зелеными листьями.

— Что это? — спросил царевич.

— Салат из ламинарии и саргассов, — почтительно ответил Судак. — С приправой из планктона и соусом «букет хлореллы». Легчайшая и полезнейшая закуска, как утверждает наш уважаемый Хирург.

Смешинка, улыбаясь, попробовала. Салат ей понравился, и она с аппетитом принялась есть. Судак, лоснясь от удовольствия, глядел на нее.

— А сейчас будет коронное блюдо ужина! — объявил он торжественно и подал знак.

Распахнулись двери, и две официантки Прилипалы, изгибаясь, внесли громадное блюдо. На нем лежал, подпрыгивая и хихикая, большой Палтус.

— Внимание! Улыбающийся Палтус! Сейчас мы отправим его в печь...

Смешинка, побледнев, приподнялась со стула.

— В печь?! Этого веселого доброго Палтуса?

— Ну да! — подтвердил Судак. — Он будет запечен с улыбкой на устах. Я думаю, этот Палтус будет очень-очень вкусным.

— Какой ужас! — Смешинка закрыла глаза руками, чтобы не видеть улыбающегося Палтуса.

Судак встревожился:

— Что случилось, дорогая гостья? Вы не любите Палтусов?

— Я их очень, очень люблю, — ответила тихо девочка. — Они такие толстые и забавные...

— Так в чем же дело? В печь его!

— Нет! — крикнула Смешинка. И добавила: — Я люблю их живых.

Судак от удивления выронил черпак:

— Как? Живых? Но будет очень неудобно... есть его живым. Нужно крепко держать...

— Что вы говорите?! — возмутилась Смешинка и повернулась к царевичу.

Царевич недоумевающе развел руками:

— Я ничего об этом не слышал. — Он обратился к Судаку. — В чем дело?

— Сейчас все объясню, — засуетился тот, глядя на Смешинку. — Пока морские жители не смеялись — мы не готовили во дворце рыбных блюд. Эти блюда невозможно было есть — такие они получались горькие и невкусные, ибо были пропитаны желчью, которая разливается от плохого настроения. «Вот если бы вы заставили всех жителей смеяться...» — однажды посоветовал я Лупибею. Но он только отмахнулся: дескать, никто из жителей этого давно не умеет.

Но через несколько дней он позвал меня снова и сообщил, что знакомая ему ведьма согласилась скупить для него весь смех у людей, а за это он должен отдать ей лучшие жемчужины Кораллового города. «Тогда, — сказал он, — мы заставим жителей проглотить этот смех и они станут веселыми и вкусными-вкусными». Но, как известно, ничего не получилось с чужим смехом — на подводных жителей он не действовал. А теперь наша драгоценная гостя научила наконец жителей веселиться.

Смешинка вздрогнула и широко раскрытыми глазами посмотрела на царевича Капельку.

— Сегодня я увидел, что все морские жители здоровы, веселы и жизнерадостны, — продолжал разглагольствовать Судак. — Это все действие вашего чудодейственного, волшебного смеха! И я решил порадовать вас сегодня и приготовить это несравненное блюдо — «улыбающийся Палтус с витаминным гарниром».

Смешинка стала бледной, как морская звезда Офиура.

— Так вот зачем... так вот для чего понадобилось тебе учить жителей смеяться,— прошептала она, глядя на царевича.— Чтобы улучшить вкус твоих кушаний!

— Клянусь, я этого не думал! — воскликнул Капелька.— Я ничего не знал. Поверь мне!

Но Смешинка, не слушая его оправданий, выскочила из-за стола и убежала. Царевич грустно смотрел ей вслед. Потом сорвал с себя салфетку и бросил в толстого Судака:

— Какого морского черта! Что за дурацкое блюдо «смеющийся Палтус», я спрашиваю?

Судак упал ниц.

— Я думал... я видел, как приятно царевичу, что все вокруг смеются, вот и решил сделать сюрприз...— бормотал он испуганно.

— Я люблю, чтобы смеялись вокруг, а не на моем столе! — закричал в ярости царевич, и Судак мгновенно исчез.

— Что же делать? — царевич в волнении ходил по залу, ломая пальцы.— Как мне теперь вернуть радость девочке Смешинке?

А Смешинка опять горько плакала в своей комнате.

— Ах, зачем я научила жителей города смеяться? — жаловалась она Мичману-в-отставке, сидевшему в своем кресле.— Прав был Храбрый Ерш: я хуже, хуже Лупибея, его стражников. Я научила всех смеяться, а они по-прежнему страдают. Что сказал бы Храбрый Ерш, если бы узнал, как все получилось? Что бы он сказал?

— Зачем гадать? — усмехнулся мудрый старец.— Надо спросить его самого.

Девочка с недоумением посмотрела на друга.

— Но ведь он сидит в темнице!

— Да, и в самой неприступной — темнице Тридакне. Никто не в силах открыть ее, кроме Лупибея...

Смешинка опустила голову и надолго задумалась.

В двери показался Спрут. Он осторожно нес в щупальцах платье из ресничек медузы.

— Вот... прислал светлейший царевич. Просит надеть его и прийти на бал.

Девочка гневно махнула рукой на Спрута.

— Нет! Неси прочь! Не нужно мне это платье. Не пойду на бал!

Спрут топтался на месте, недоуменно хлопая глазами.

— Но царевич приказал вручить платье... — жалобно пробормотал он. Видно было, что он боялся возвращаться, не выполнив приказания.

— Не хочу платья! — повторяла девочка.

Тут подал голос Мичман-в-отставке.

— Чудесный наряд! — сказал он, осматривая платье. — Будет неразумно его вернуть. Подожди за дверью, Спрут, а девочка в это время подумает.

Спрут обрадованно шмыгнул за дверь. Смешинка с недоумением посмотрела на своего друга.

— Почему ты решил, что я подумаю? — спросила она запальчиво.

— А ты разве совсем отказываешься думать? — удивился Мичман-в-отставке.

— Я буду думать, только не о бале и нарядах!

— Верно. Именно это я и имел в виду. Давай подумаем, например, о Храбром Ерше и его друзьях. О том, как их спасти. Ты согласна подумать об этом?

— Конечно, согласна! — обрадовалась Смешинка. — Но как их спасти? Ты же сказал, что из Тридакны никто не может вырваться. Ее нельзя открыть!

— А мы и не будем стараться ее открывать, — возразил старец. — Мы взломаем ее.

— Тридакну?

— Точнее, не мы, а вот эта маленькая ракушка, — и он показал Смешинке овальный камешек.

— Маленькая, слабенькая ракушка взламывает громадную Тридакну? — воскликнула в изумлении девочка. — Каким образом?

— Ракушка называется «морской финик», — пояснил Мичман-в-отставке. — Перед ней не устоит и гранит. Она легко просверлит дырочку в самой крепкой Тридакне.

— Но она просверлит маленькую дырочку! — покачала головой Смешинка. — В нее не пролезет даже Бекасики!

— Один финик просверлит маленькую дырочку. А сто фиников?

Девочка захлопала в ладоши:

— Сто фиников просверлят сто маленьких дырочек или одну большую дыру! — Она вдруг посерьезнела. — А зачем все-таки ты велел Спруту остаться? При чем здесь платье?

— Ох, маленькая глупая девочка, — покачал головой Мичман-в-отставке. — Задачу с финиками ты решила, а вот о другой задаче даже не думаешь.

— О какой?

— Как нам потихоньку выбраться из дворца. Позови Спрута и скажи, что берешь платье и будешь переодеваться, а он пусть встанет у двери и никого не впускает, да еще кликнет на подмогу других стражей. Мы выберемся в окно, спустимся вниз и незаметно выскользнем за ворота. Поняла?

Упорно размышляя над новыми порядками в городе, Лупибей не забывал и о своих пленниках. Каждый из них сидел в одиночной узкой пещере в скале, которую Спруты завалили тяжелыми камнями. Лупибей таскал пленников к себе на допрос, чтобы узнать, какое восстание в городе они готовили, кто из жителей дружил с бунтарями. Но пленники держались стойко и ничего ему не говорили.

Тогда он приказал перевести друзей в одну большую темницу — раковину Тридакну и приставить к ней самого чуткого Дракончика-шпиончика 13-13, чтобы слушал не переставая днем и ночью. «Наверняка при встрече они разговоятся и назовут хоть одно имя,— думал Лупибей.— И тогда я уж разделаюсь с ними!»

Но Храбрый Ерш разгадал хитрость Спрута. И как только друзья встретились в темнице, он сделал им знак: «Тс-с!» И глазами указал вверх, на потолок раковины. Друзья все поняли и замолчали. Слабое фосфоресцирующее сияние от стенок Тридакны едва освещало их.

Так сидели они долго-долго, тесно прижавшись друг к другу.

Вдруг они услышали где-то вдалеке непонятный глухой шум. Он все нарастал, приближался. Храбрый Ерш напряженно прислушивался, закипая от ярости. Колючки на его спине встали дыбом.

— Что с тобой? — не выдержала Барабулька.

— Вы слышите? — возмутился бунтарь.— Они смеются! Хохочут во все горло, как будто нет ни Спрутов, ни Пузанков, Ротанов и Горлачей! Как будто их не отправляют в пещеры! Как будто им живется лучше некуда!

Он выкрикивал это, не обращая внимания на то, что Дракончик-шпиончик наверху слушает и запоминает каждое его слово. Пусть! Все равно сегодня последняя ночь...

— Значит, Смешинка все-таки научил их смеяться,— тихо сказала Барабулька.

Раздались шаги — осторожные, крадущиеся.

— Кто бы это мог быть? — Храбрый Ерш напряг слух. — Стражники так не ходят, топают изо всей силы. Шпиончики ползают...

Жужжание продолжалось. То один, то другой узник прислонился к стенке Тридакны и чувствовал едва заметное дрожание, но понять, откуда оно и зачем, не мог.

Вдруг на голову Бычка-цуцика посыпались легкие крошки. Он поднял глаза и увидел светлую точку.

— Что это? — он приник к точке и почувствовал свежую струю. — Братцы, кажется, кто-то продырявил Тридакну!

Толкая друг друга, узники рассматривали маленькую дырочку, сквозь которую струился слабый свет морских Звезд.

— О, еще одна появилась! — завопил Бекастик. — Смотрите!

— И здесь! И здесь! — наперебой кричали узники.

Дырочки возникали одна за другой, как будто кто-то невидимый нанизывал жемчужное ожерелье. Все новые и новые жемчужины укладывались одна возле другой. Они образовали большой кружок. Снаружи кто-то изо всех сил топнул, кусок раковины, обсерленный со всех сторон точками-дырочками, легко отвалился и упал на дно темницы, а в образовавшееся отверстие хлынул свет.

— Выходите, друзья! — воскликнул звонкий голос, и узники увидели склонившуюся над отверстием Смешинку. — Быстрее, пока не пришли Спруты!

Барабулька, Бекастик и Бычок-цуцик кинулись к девочке и принялись нежно благодарить ее. Она, смеясь, отбивалась:

— Это не я вас спасла, я только помогала... Это он! — и Смешинка указала на Мичмана-в-отставке, который заботливо собирал свои финики. — Он придумал, как спасти вас!

— А где шпиончик? — Храбрый Ерш, сердито встопорщив колючки, рыскал вокруг, и глаза его горели яростным огнем. — Сейчас я расправлюсь с ним!

— Увидев нас, он бросился улепетывать к дворцу, — улыбнулась девочка.

— Давайте и мы, братцы, разбежаться, — мрачно сказал Храбрый Ерш. — Дракончик поднял уже, наверное, всех на ноги.

Он кизнул на прощание своим друзьям и исчез во мраке. Смешинка и Мичман-в-отставке направились в другую сторону.

— Свободны! Свободны! — крикнула Барабулька и поспешила вслед за Бекасином.

Но для Храброго Ерша эта радостная ночь освобождения оказалась тяжелой и мрачной. Когда беглецы разделились, чтобы легче было идти через город, кишачий Спрутами и Каракатицами, к старым развалинам, где они обычно прятались, Храбрый Ерш направился к дворцу, куда двигались все жители города. Они смеялись и шутили на ходу, плясали и радовались. С горечью смотрел бунтарь на непонятное веселье.

На площади перед Голубым дворцом бурлила громадная толпа. Все перемешалось здесь: крупные Чавычи и Белухи двигались степенно, юрко сновали Гольцы, Ласточки, Сайры, Кильки, Караси. Рядом с плоскими неповоротливыми Камбалами мелькала быстрая Корюшка.

Морская толпа — это была стихия Храброго Ерша. Он сразу же нырнул в нее, но — странное дело! — не почувствовал здесь прежнего яростного напряжения. Раньше повсюду он видел только озлобленные, мрачные глаза, и стоило ему, проплывая мимо, бросить какое-нибудь едкое слово о дворцовых прихвостнях или жестоких стражниках, как глаза вспыхивали гневом и вся толпа устремлялась за ним. А сейчас, как он ни изощрялся, как ни подстрекал, шепча жителям города разные призывы к бунту, никто не слышал его.

— Да брось ты! — хлопнул его по спине какой-то Карась-Ласкирь. — Не хотим мы сегодня думать о плохом. Жизнь и без того довольно тяжелая штука. Сегодня будем все веселиться!

— Да, веселиться! — загорланил какой-то бесшабашный Минтай. — Хватит нам все думать и слезы лить по каждому пустяку. Пришел и на нашу улицу праздник!

— Он еще не пришел, глупцы! — заорал изо всех сил Храбрый Ерш и этим на минуту привлек внимание окружающих. — Рано еще говорить о празднике, рано плясать и веселиться! Запомните: праздник наш будет тогда, когда выкинем из города всех Спрутов.

— Ну а пока мы все равно будем веселиться! — крикнул кто-то из толпы.

— Нет! — рявкнул Храбрый Ерш. — Мы не будем веселиться! Вспомните убогие лачуги, в которых вы живете! Вспомните о наших братьях, которые томятся в морских пещерах!

— Еще не хватало на празднике об этом думать! Гоните его в хвост и в жабры, — крикнула какая-то Собачка.

Из распахнутых окон дворца полилась чудная мелодия. Храбрый Ерш с отчаянием увидел, как редеем вокруг толпа. Все закружилось перед его глазами... нет, это кружатся пары. Они танцуют, они веселы, они не слушают его, бунтаря и бывшего узника Тридакны.

— Пойдем с нами в хоровод! — пригласила его толстая рыба-Кабан.

Но Ерш раздраженно оттолкнул ее и бросился прочь...

ТАИНСТВЕННОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

Бал уже был в разгаре, когда в зал ворвались два Спрута:

— Беда! Грязный Ерш сбежал! Бунтарь на свободе!

Лупибей, стоявший посреди зала и наблюдавший за порядком, вздрогнул.

— Как сбежал? Ведь он в Тридакне!

— Только что видели его в толпе... мутил воду.

— Почему не схватили? — Лупибей так потряс обоих Спрутов за пояса, что цветочки посыпались из их щупалец.

— А как... мы схватим... у нас ор-ружия нет... — лязгали клювами Спруты.

— Прекратить бал! Тревога! Всем вооружиться! Из темницы Тридакны сбежал преступник грязный Ерш!

К нему подошел царевич, ведя под руку Смешинку.

— Зачем ты прекратил бал? — Капелька был очень недоволен: только-только девочка снова стала веселой, а тут бал прекратился. Ему стоило больших трудов добиться у Смешин-

ки прощения. И то после того, как царевич торжественно поклялся, что он ничего не ест, кроме салатов. А Смешинка думала: «Надо убедить его, чтобы он приказал Спрутам тоже перейти на салаты, а морские пещеры закрыть».

— Сбежал грязный Ерш! — выкатывая глаза, сообщил Лупибей. — Его не могли задержать... Вот они, ваши цветочки!

— Экая беда, — пожал плечами царевич. — Твое дело — ловить его, а наше дело — веселиться.

— Но преступник мутит воду на площади перед дворцом! Вон те доблестные стражи видели его.

Двое Спрутов, заискивающе кланяясь, подтвердили, что грязный Ерш мутит воду и подбивал жителей ворваться во дворец, напасть на стражников.

— Пока они безоружны, — многозначительно добавил Лупибей.

— А жители что? — полюбопытствовала Смешинка.

— Они не стали слушать мутильщика. Заиграла музыка, и они пошли танцевать.

Если бы царевич наблюдал за Смешинкой, то его удивило бы, как она внезапно опечалилась.

— Ну вот видишь! — сказал Капелька начальнику стражи. — Нет причин тревожиться. Продолжаем бал!

Лупибей с недовольным видом ушел. За ним поспешили «доблестные стражи». Опять заиграла музыка. О недавнем переполохе быстро забыли, и веселье продолжалось.

Пронзительный визг Плотвички-Гимнастки заставил всех вздрогнуть и разом остановиться. Стихла музыка. В наступившей тишине, замерев, все смотрели на одно распахнутое окно. А там на подоконнике стоял Храбрый Ерш, держа черную гимнастиду. Вид у него был зловещий и решительный.

Храбрый Ерш пережил ужасный вечер. Куда бы он ни направился, везде видел веселье, пляски, радость. «С чего это они радуются? — думал он с горечью. — Ведь все в городе осталось по-прежнему: Спруты и Каракатицы не выпустили власти из своих щупалец».

Потом им овладел гнев. «Это все подстроила Смешинка! Она заставила жителей смеяться вместо того, чтобы прокли-

нать грабителей и бороться с ними. Пока она в городе, нам не удастся прогнать Спрутов и Каракатиц. Но из города девчонка не хочет убраться. Ей хорошо во дворце, вместе с царевичем разъезжает в карете...»

И Храбрый Ерш решил расправиться за это со Смешинкой. Правда, его очень угнетала мысль, что именно она помогла ему и его друзьям освободиться из темницы.

«Но я должен думать прежде всего о жителях Кораллового города! Уничтожив Смешинку, я подниму всех на борьбу с угнетателями!»

С этого момента все сомнения отпали. Храбрый Ерш действовал, как всегда, дерзко и решительно.

Никто не заметил, как он проник в зал. Видимо, зараженная общим весельем, дворцовая стража утратила бдительность. Этим и воспользовался бунтарь. Он появился в окне в тот момент, когда рядом с ним оказались, проплывая в танце, царевич Капелька и девочка Смешинка.

— Теперь-то я рассчитаюсь с вами за все! — сказал Храбрый Ерш, не сводя с них глаз. — Как раз вы-то мне и нужны!

Он выразительно поигрывал гимнотидой, и никто, даже стражники, не посмели к нему приблизиться, зная, что бунтарь бросает рыбу-Нож без промаха. Только какой-то Пузанок стал суетливо пробираться к выходу, оставив танцевавшую с ним Плотвичку.

— За страдания морских жителей, за их обман, за грабеж! За издевательский смех! — голос бунтаря повысился. — Получайте!

Все переполошились, бросились к дверям, началась давка. Орали Горлачи, пыхтели Ротаны, визжали Миноги. И только царевич и девочка стояли неподвижно, бесстрашно глядя в глаза опасности.

Брошенная Храбрым Ершом плоская и острая гимнотида неминуемо пронзила бы обоих, если бы не Мичман-в-отставке, молниеносно заслонивший их собой. Гимнотида смертельно ранила его, отскочила и косо унеслась вверх.

— Мой друг! — воскликнула Смешинка, бросаясь к несчастному, который медленно опускался к ее ногам.

Она встала на колени. Глаза Мичмана-в-отставке уже мутнели. Он с трудом шевелил губами:

— Проведи по ране... перьями... старого аиста,— услышала девочка еле слышный шепот и вскочила.

— Быстрее, быстрее отнесем его ко мне! — закричала она.— Перья у меня в комнате.

Вдвоем с царевичем они осторожно перенесли раненого в комнату Смешинки и положили на кровать. Девочка достала из двухстворчатого шкафчика пучок перьев, которые она хранила с тех пор, как подобрала в развалинах, и бережно приложила их к зияющей ране на груди у Мичмана-в-отставке. Но он даже не пошевелинулся.

— Ох! Он погиб! Мой Мичман-в-отставке умирает!

— Не расстраивайся,— утешал ее Капелька.— Я прикажу, и завтра у тебя будут десятки Мичманов, и не в отставке, а молодых, жизнерадостных...

— Не нужны они мне! — Смешинка заплакала.— Как ты можешь так говорить? Он единственный...

— Надо найти Хирурга!

Но тщетно искали они Хирурга по всему дворцу — трусишка где-то надежно спрятался от передраг. Печальные возвращались они к умирающему...

Смешинка в изумлении остановилась на пороге. Мичман-в-отставке исчез. Вместо своего друга Смешинка увидела пестрое желто-красное создание с длинными черными плавниками. Над большими выразительными глазами незнакомца нависали пушистые белые брови. Он сидел в любимом кресле Мичмана-в-отставке и задумчиво теребил зеленый «галстук гостя», повязанный кокетливым пышным бантом.

— Кто вы такой? — спросила Смешинка.— Где Мичман-в-отставке?

— Какой Мичман-в-отставке? — удивился незнакомец.

— Он был здесь!

— Ах, этот белый... старый,— незнакомец пожевал губами.— Смешнее я не видел существа... Да. А я много повидал, много... Садитесь,— привстав, он вежливо пододвинул Смешинке второе кресло.— Вы, я вижу, волнуетесь.

— Прекратите болтовню! — вскричала в отчаянии девочка. — Где мой друг?

Незнакомец устроился поглубже в кресле и, кажется, заснул. Царевич, стоявший у двери, подошел и грубо встряхнул его.

— Вас спрашивают! Где Мичман-в-отставке?

Незнакомец вздрогнул и несколько раз, привстав, почти тельно поклонился царевичу, потом Смешинке.

— Ох, простите... Проклятая привычка виновата. Я ведь по ночам работаю, наблюдаю Звезды, а днем сплю. Очень интересно, знаете ли, наблюдать Звезды. Они такие... смешные и милые. И разные. У каждой свой характер. Есть Звезды добрые, есть злые, есть равнодушные, сообразительные, коварные, тупые, но есть и благородные и честные! Да, да.

— Нет, это становится невыносимым! — всплеснула руками Смешинка.

— Так вы Звездочет? — оборвал его Капелька. — В жизни не видел такого болтливого Звездочета! И почему вы так необычно окрашены? Ведь все Звездочеты серо-черного цвета!

— Видите ли, — пояснил Звездочет, — серо-черные тона угнетающе действуют на Звезды. Созвездия их распадаются, а сами они становятся раздражительными, капризными и часто закатываются... в истерику. А когда они видят меня, то становятся веселыми и радостными. Я их развлекаю. Как-то я подслушал, что за глаза они называют меня... клоуном. Да, клоуном.

Смешинка умоляюще сложила руки:

— Я сейчас стану перед вами на колени, только скажите мне, куда делся Мичман-в-отставке? Прошу вас!

— А разве я еще не сказал? — удивился Звездочет. — Простите, простите... Общаясь со Звездами, поневоле становишься таким рассеянным и невнимательным к другим, хотя мне-то уж нельзя быть рассеянным... Так вот, — он заметил нетерпеливый жест девочки. — Мичман вышел.

— Куда? — изумилась Смешинка.

— В отставку. Да, кстати, вы ведь сами это прекрасно знаете. Просто нехорошо терзать меня расспросами в то время,

как ответы давно известны вам,— укоризненно сказал Звездочет.

Смешинка долго молчала, раздумывая. Искоса она посматривала на зеленый «галстук гостя», и догадка рождалась в ее душе вместе с надеждой.

— А говорил ли он что-нибудь?

— Не помню. Впрочем, кажется, говорил... Он сказал, чтобы вы сохранили вот это,— и Звездочет-Клоун жестом фокусника извлек откуда-то как будто букет диковинных цветов.

Но взяв их, девочка увидела, что это перья старого аиста. Она порывисто прижала их к груди.

— Эти перышки я приложила к его ране! Значит, он все-таки ожил... Но вот уже второй друг мой исчезает неизвестно куда. Зачем, зачем пришла я в это подводное царство?!

Звездочет-Клоун задремал, сидя в кресле. На его груди поблескивал переливчатый «галстук гостя».

МЕСТЬ КРЫЛАТОК

— В городе объявлено тревожное положение,— сказал Смешинке царевич Капелька.— Лупибей рвет и мечет: грязный Ерш до сих пор не найден. На поиски бунтаря брошены все наличные силы Спрутов и Каракатиц. В самое ближайшее время шайка будет поймана. Но пока Лупибей предложил, чтобы мы отправились к моему отцу, Великому Треххвосту, потому что может снова быть покушение. Ты согласна?

— Ну что ж... Я давно хотела повидать твоего отца и его таинственный замок.

— Тогда я велю запрячь карету и взять еду на двоих.

— Нет, на троих,— поправила Смешинка.

— Кто же поедет с нами?

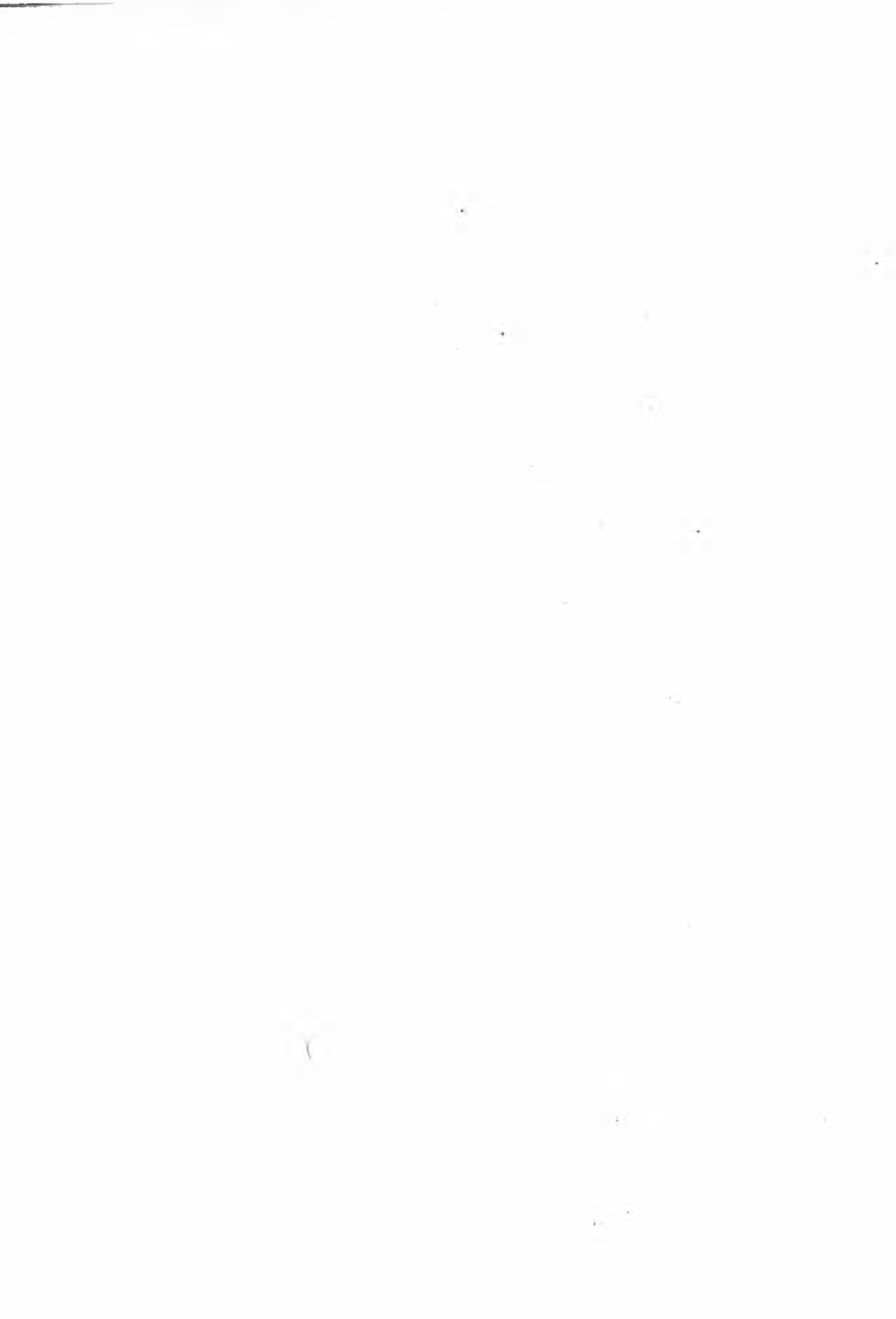
— Этот смешной Звездочет-Клоун.

— Как? Он еще не убрался из дворца? Зачем тебе этот не-носный болтун?

— Он будет напоминать мне о бедном Мичмане-в-отставке,— тихо сказала девочка. И вдруг оживилась: — Ты знаешь,

он рассказал мне, что у морских Звезд по пять сердец, пять ног, а желудок один!

— Вон у осьминогов тоже по восемь ног, а желудок один, — отмахнулся царевич. — Что же удивительного?

— Осьминогам приходится столько бегать и хватать, чтобы набить свой единственный желудок, а Звезды... о, они спокойны. И даже, если желудок им слишком надоедает, они выбрасывают его — пусть ищет пропитание сам. Звездочет столько знает о них!

— Сплетник он, твой Звездочет, — усмехнулся Капелька. — Ладно, пусть едет. Раз он напоминает тебе о Мичмане-в-отставке... А тот напоминал тебе о ком-нибудь?

— О старом аисте, — задумчиво сказала девочка. — Звездочет-Клоун напоминает мне и о Мичмане-в-отставке и о старом аисте.

— А о ком напоминаю тебе я? — с обидой спросил царевич. Смешинка удивленно взглянула на него:

— Ты напоминаешь о самом себе...

И вот приготовления закончились. Четырехглазка взмахнул длинным бичом, Крылатки плавно тронули карету и понесли ее по улицам города.

У ворот с путешественниками попрощался Лупибей. Он опять был вооружен, и все стражники вокруг него тоже привычно помахивали дубинками. Правда, стража у ворот не отбирала еду, и жители по-прежнему беспрепятственно проходили в город, неся богатые дары моря, смеясь и перебрасываясь шутками. Но Звездочет-Клоун заметил, как алчно и нетерпеливо поблескивают глаза Спрутов.

В это время Лупибей думал: «Поезжайте, поезжайте быстрее, я тут живо наведу порядок. Понюхают они у меня цветочки...»

Он величественным жестом дал Четырехглазке разрешение ехать, и карета оказалась за городом.

Смешинка повернулась к царевичу:

— На этот раз мы, кажется, путешествуем без охраны Каракатиц?

Царевич утвердительно кивнул.

— Вот хорошо! Мне очень не нравятся Каракатицы... Да и зачем охрана? Ведь у тебя есть оружие... — и она посмотрела на острую рыбу-Саблю, висевшую на поясе царевича.

— Ты ошибаешься, — улыбнулся царевич. — Охрана у нас есть.

— Где же она?

— А вот, — и Капелька указал на Крылаток. — Это самая грозная моя охрана.

— Крылатки? — удивилась Смешинка. — Эти нежные, прекрасные и незащищенные создания?

— Их еще зовут Скорпионами моря. Крылатки — опаснейшие существа. Легкий укол их колючек означает мгновенную смерть — настолько они ядовиты.

Смешинка с удивлением и страхом посмотрела на Крылаток.

— В этом и заключена мудрость моего отца. Он дал мне такую охрану — с виду очень безобидную, а на самом деле более могущественную, чем охрана из Спрутов или Каракатиц.

— А что это там висит на передней Крылатке? — спросила девочка. — Какой-то блестящий кружок...

— Пропуск Великого Треххвоста, — с гордостью сказал царевич. — Чтобы никто не задержал нас в пути.

— Кто же осмелится задержать нас?

— О! На пути к замку столько препятствий, что ни одно живое существо не преодолет их без такого знака.

— Какие препятствия? — встревожился Звездочет-Клоун.

— Сначала будет Море Акул — все плавающее находит в нем свою гибель. Потом пойдут Крабы Скалы — ни одно ползающее существо не минует их. Затем мы вступим в Струи Кальмаров — в толще воды так много этих чудовищных существ, что струи от их движения постоянно взвихряют воду. Но сразу же после этого мы попадем в спокойное, очень спокойное пространство, которое называется Стеной Ядовитых Медуз. Там одна над другой висят гигантские Медузы и смертоносные стрекала пронизывают воду до самого дна — мельчайший планктон не просочится сквозь стену. И только после этого мы увидим сказочный несравненный замок моего отца.

— А зачем столько преград перед замком? — удивилась Смешинка. — Ведь к твоему отцу не сможет проникнуть ни один из жителей Кораллового города!

— А что нужно жителю города в замке?

— Не знаю, — пожала плечами девочка. — Но, наверное, Великий Треххвост хоть изредка должен встречаться с подданными?

— Скажем, кто-то захочет пожаловаться на Лупибея или другого Спрута, — вмешался Звездочет-Клоун. — А может, кто-то захочет дать добрый совет.

— Жалоб до сих пор не было, — спокойно улыбнулся царевич. — А советы отцу дают его советчики — Барракуда, Мурена и Щука-Мольва.

— Советчиков этих я хорошо знаю, — заметил насмешливо Звездочет-Клоун. — Они могут советовать только, как побольше проглотить.

Кучер Четырехглазка пошевелился и уставился на него одним из своих четырех глаз. При этом он не забыл вытянуть кнутом сразу всех Крылаток.

— Значит, ни одно живое существо не может проникнуть в замок? — спросила Смешинка.

— Почему же, может! — возразил царевич. — Есть Темная труба, соединяющая Коралловый город и замок. По ней ежедневно путешествуют лучшие жители города.

— Точнее будет сказать, Спруты таскают их, чтобы кормить Прихвостней в замке, — вставил Звездочет-Клоун.

— Чушь!

— Почему же больше мы не видим тех, кто попадает в Темную трубу?

— Просто они не хотят возвращаться обратно. Отправившись в дальние странствия, они видят так много необычного, интересного...

— ...что обратно их и не тянет, — вставил Звездочет-Клоун. — Это, конечно, естественное желание, если учесть, что в городе хозяйничает Лупибей.

— Городом руковожу я! — запальчиво крикнул царевич Капелька.

— Да и ты не лучше. Столько безобразий вокруг, а ты одни балы устраиваешь.

— Я хочу, чтобы всем было хорошо и весело! — воскликнул царевич. — О каких безобразиях ты говоришь? Ведь я привел Смешинку, чтобы никто не грустил.

Кучер внезапно остановил карету и обратился к царевичу:

— Я получил особые полномочия от Лупибея по охране вашей особы и уничтожению преступников. Так вот, заявляю вам, что этот Звездочет-Клоун в разговоре допустил три оскорбления: советчиков Великого Треххвоста, вашей особы и верного царского слуги — начальника стражи Лупибея. По данному мне приказанию я должен уничтожить преступника.

И он показал Осьминожий камень, который светился злобющим зеленоватым светом. Этот камень Лупибей вручал только тем, кто выполнял его особые поручения.

— Как... уничтожить? — со страхом спросила девочка.

— Казнить. Тут же на месте.

— Кто будет его казнить? — брезгливо спросил царевич. — Ты, что ли?

— Нет, Крылатки.

— Мне не хочется омрачать путешествие, — бросил царевич. — Нельзя ли отложить ваши... э-э, дела до прибытия в замок.

— Нет! Я не могу взять преступника в замок, — и Четырехглазка сложил бич в девять раз.

— Но он не совершил никакого преступления! — воскликнула девочка.

— Во всяком случае, я его прощаю, — поспешно заявил царевич. — Поехали дальше.

— Мы не можем ехать дальше, — твердил кучер. — Я должен выполнить приказание Лупибея.

— Что это такое? Кучер приказывает? — нахмурилась Смешинка. — Царевич ты или нет?

— Я царевич! Но, видишь... он не только кучер, но и тайный шпион, судья и представитель Лупибея. А тот отличный специалист во всяких расследованиях. Если он говорит, что старец — преступник, значит, так оно и есть.

— Но ведь он не преступник, ты же видишь! — воскликнула отчаянно Смешинка.

— Да, я вижу, что он как будто не преступник... — нерешительно сказал царевич, взглянув на побледневшего Звездочета-Клоуна.

— Точнее, вы не видите, что он преступник, — поправил Четырехглазка. — А я вижу.

— Ему нужно доверять, — поспешно согласился Капелька, обращаясь к девочке. — У тайных шпионов и зрение по-особому устроено: четыре глаза! Они видят то, чего нам не увидеть никогда.

— Нет, он не умрет! — воскликнула девочка. — Я не позволю!

Тайный шпион даже не посмотрел в ее сторону, а царевич принялся утешать Смешинку:

— Ах! Пусть делает, что хочет. Звездочет-Клоун сам виноват: говорит много лишнего. Из-за него я не буду вмешиваться в дела Лупибея.

— Нет! Нет! Нет! — твердила девочка.

Звездочет-Клоун, выходя из кареты, потрепал ее по плечу:

— Ну что ты волнуешься! Иногда пара старых подслеповатых глаз видит больше, чем две пары шпионских.

Тайный шпион со злобой посмотрел на него и обратился к Крылаткам:

— Скорпионы моря! Вам поручаю важное дело. Готовы ли вы?

— Мы готовы, готовы... — шептали Крылатки. Они всегда говорили только шепотом. — Наши колючки налились ядом, сними же поскорее упряжь...

Кучер, не сходя с места, одним движением снял упряжь. Девять полосатых Скорпионов, выстроившись в ряд, двинулись на Звездочета-Клоуна. Четырехглазка поспешил следом.

На первый взгляд Крылатки казались одинаковыми, но, приглядевшись, можно было заметить, что они чуть отличаются по величине. В голове упряжки находилась обычно самая маленькая Крылатка, которую звали Крошка Ю. Она несла блестящий знак — пропуск Великого Треххвоста, который так

сверкал, что на него нельзя было смотреть даже издали. Вслед за Крошкой Ю двигалось семь Крылаток. На каждой висел маленький колокольчик, издававший одну из семи нот: до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Последней в упряжке была самая большая Крылатка — Ма. Яд ее спинной колючки, поговаривали, мог убить Кашалота, потому что на долю Ма приходилась вся сила ударов бича и от каждого прибавлялась капля яда.

Глаза Крылаток вспыхнули чистым зеленым пламенем, как всегда происходило, когда они нападали. Всякого, кто видел этот зловеющий огонь, пробирала зябкая дрожь. Но Звездочет-Клоун почему-то не обращал на своих палачей ровно никакого внимания. Позабыв обо всем на свете, он наклонился над небольшой Звездой и внимательно рассматривал ее.

— Эй, ты! — повелительно крикнул Четырехглазка. — Приготовься к смерти!

— Ну вот еще! Я и к жизни-то не очень готовился... — пробормотал Звездочет-Клоун и вдруг закричал обрадованно: — Посмотрите! Наконец-то я нашел ее!

— Кого? — спросил Четырехглазка, и строй Крылаток остановился.

— Ее, знаменитую разноцветную Звезду! Посмотрите!

— Действительно, это была удивительная морская Звезда: каждый луч ее был окрашен в свой собственный цвет.

— Я слышал о ней, — взволнованно продолжал Звездочет-Клоун, — но никогда не видел.

— Вперед! — взмахнул бичом тайный шпион. — Выполняйте приказ.

Строй пестрых Скорпионов неожиданно изогнулся так, что Четырехглазка оказался отрезанным от кареты. Он растерянно попятился от наступающих Крылаток.

— Пришла пора! — заговорили они непривычно громко. — Пришла пора нам с тобой рассчитаться, мучитель!

— Что... что с вами? — забормотал Четырехглазка.

— Долгими ночами мы мечтали об этом! — говорили между тем Крылатки наперебой. — Каждый раз, когда на наши спины опускался тяжелый кнут, мы представляли, как ты за все ответишь. За свои издевательства ты прольешь немало слез!

— Что вы хотите делать? — взвизгнул Четырехглазка.

— Не бойся, мы не ужалим тебя. Ты оставишь здесь свой бич и тайный знак шпиона и будешь изгнан в далекие края. К Лупибею ты не посмеешь вернуться — он не простит тебе потерю тайного знака. Ты будешь скитаться в необитаемых скалах или непроходимых зарослях, и все живое будет гнать тебя прочь, как ненавистного слугу Спрутов.

Четырехглазка не смел перечить своим грозным противникам. Покорно оставил он бич и Осьминожий камень и торопливо заковылял прочь озираясь: не передумали ли Крылатки, не гонятся ли за ним?

Звездочет-Клоун поднял бич Четырехглазки и с отвращением далеко отбросил его.

— Как же мы поедem теперь? — растерянно спросил Капелька.

— Без кнута? — насмешливо сказал Звездочет-Клоун. — Не знаю, не знаю...

— Эй, Крылатки! — окликнул царевич совещавшихся о чем-то Скорпионов. — Вы намерены везти нас дальше?

От кружка Скорпионов отделилась Ма и приблизилась к карете:

— Нет. Мы должны изгнать также и тебя.

— Меня?! — изумился Капелька. — Но ведь я не найду дороги обратно. Я погибну! За что вы хотите изгнать меня?

Он невольно положил руку на Саблю, но тут же снял ее: против Крылаток никакая сабля не поможет...

— За наши страдания, — продолжала Ма. — Каждый удар, который падал на наши спины, ты мог бы остановить. Каждое унижение, которому нас подвергали, ты мог предотвратить. Но предпочитал ничего не замечать.

— Я вообще ни во что не вмешиваюсь, — пожал плечами царевич. — Какое мне дело до чьих-то унижений, страданий и преступлений? Не правда ли, Смешинка?

— Не знаю, — побледнев, ответила девочка. — Может быть, они правы. Каждый должен расплачиваться за те удары, которые он мог бы остановить. И я, наверное, сумела бы облегчить их жизнь. Если бы захотела...

— Но как? — развел руками Капелька. — Ты же видела, даже кучер Четырехглазка меня не слушал. Не могу же я вмешиваться во все дела!

Ма молча отплыла. Мгновение Крылатки были неподвижны, потом разом вытянулись в длинный ряд и стали двигаться на карету...

Но на пути Скорпионов вдруг оказался Звездочет-Клоун.

— Пойдите! Ведь вы не одни на белом свете. Может быть, есть в море существа, к которым царевич не был равнодушен, делал им добро и облегчал жизнь? Тогда ваше решение несправедливо.

— Что же нам делать, мудрый Звездочет-Клоун, подскажи скорее!

— Выход один. Отправимся дальше и будем спрашивать всех встречных, может быть, найдем кого-то, кто хорошо отзовется о царевиче.

— Тогда в путь! — вскричали Крылатки.

Вскоре путешественники увидели громадный, несбозримый косяк Сельди, направлявшийся в город.

— Выслушайте меня! — закричала Смешинка.

Сельдяной Король, плывший впереди, остановился. Тотчас замер и косяк.

Девочка рассказала о суровом решении Крылаток и об изгнании, которое ждет царевича Капельку, если никто не замолвит за него доброго слова.

— Мы не знаем, — сказал Сельдяной Король, а все сельди молчали. — Мы ничего такого не знаем. Правда?

И Сельди, как одна, закивали головами.

— Но вы можете помочь Капельке! — разволновалась Смешинка. — Смотрите, как вас много — тысячи и тысячи! Если вы поплывете во все концы и станете искать, то непременно найдете кого-нибудь, кто вспомнит о добром деле царевича.

И тут Сельди заговорили.

— Как это — во все концы? — раздались испуганные голоса. — Мы можем только в один конец. Все вместе, косяком. За нашим дорогим Королем.

— Это верно, — сказал Король. — Мы можем плыть только за мной.

Девочка в отчаянии заломила руки.

— Но может быть, среди вас найдется несколько Сельдей, которые захотят выполнить мою просьбу?

— Может быть, и найдется. Сейчас мы это выясним, — радужно сказал Сельдяной Король. — Мы всегда готовы помочь тому, кто в беде. Слушайте! — обратился он к косяку. — Мы все плывем за мной, а остальные, кто не хочет плыть вместе с нами за мной, пусть остаются и выполняют просьбу Смешинки!

И он поплыл к городу. Сельди повалили за ним. Девочка упрашивала их:

— Останьтесь кто-нибудь, прошу вас! Помогите царевичу!

Сельди испуганно шарахались от нее и отводили в сторону тусклые глаза:

— Мы не остальные. Мы все вместе плывем за своим Королем. Пусть помогают остальные. Как решил косяк, так и будет.

В конце концов девочка замолчала и тоскливо смотрела, как проплывают мимо тысячи Сельдей.

Они отправились дальше. Вскоре карета вошла в Море Акул. В прозрачной воде неслышно скользили длинные хищные силуэты. Акулы сразу же окружили карету. Смешинка во все глаза рассматривала их. Здесь были громаднейшие Китовые Акулы, свирепые Тигровые и Белые, коварные Колючие Акулы и Акулы-Лисицы, лицемерные Морские Ангелы, неповоротливые Бородатые Акулы и суетливые Акулы-Няньки, закаленные Полярные, непонятные Акулы-Катран, Кошачьи Акулы и многие, многие другие. У каждой Акулы под носом крутились пестрые Лоцманы. Они переговаривались между собой на разных языках и очень важничали, но Акулы просто не замечали их. Смотрели прозрачными, ничего не выражающими глазами на Смешинку и слушали ее рассказ.

— Может быть, вы спасете царевича? — спросила она, закончив. — Вы много видели и слышали, так не встречалось ли вам существо, которое высказало бы дружеские чувства к царевичу?

— Дружеские чувства! — заговорили удивленно Акулы. — Обо всем на свете мы слыхали, только не о дружеских чувствах. Что это такое, объясни!

— Ну вот, например, если у кого-то из вас есть друг... — начала девочка.

— Ох, Смешинка, только не смей нас! — сказала, лязгая зубами, Тигровая Акула. — Мы, Акулы, живем уже миллионы лет. А знаешь почему? Потому что у нас никогда не было друзей. Самый большой друг у меня — мой желудок, и все мои мысли о том, чтобы ему было хорошо. Во рту у меня сотни зубов, даже вся шкура усеяна не чешуей, а зубами. Зубы и желудок — вот друзья, благодаря которым ты проживешь миллионы лет.

Акулы загудели в знак одобрения.

— Но, может быть, тебе поможет бабушка Китовая Акула? — ехидно сказал Морской Ангел. — Ведь ее почему-то называют добродушной.

— Не смейтесь надо мной, деточки мои, — улыбнулась Китовая Акула. — Говорят, меня называют Китовой потому, что я питаюсь планктоном, как киты. Но я открою вам тайну. Когда-то я была более свирепой и прожорливой, чем все вы. Однажды, потеряв голову от жадности, я проглотила целого кита! — Акулы изумленно переглянулись. — Я чуть не лопнула — так раздулась. Хирург срочно прописал мне рвотное, но я не пила его, боясь потерять такой большой лакомый кусок. Кое-как мой желудок переварил добычу, но с тех пор он больной. Хирург посадил меня на диету, и вот теперь я питаюсь планктоном. Но я мечтаю о том времени, когда выздоровею и начну глотать всех подряд. О, тогда берегитесь!

Кое-кто из Акул помельче с опаской отодвинулся от алчной громадины.

Миновав Море Акул, путешественники оказались над Крабьими Скалами.

— Привет путешественникам! — крикнул им здоровенный Краб, махая тяжелой черной клешней. — Спускайтесь пониже, потолкуем. Пожму ваши клешни, обниму вас крепко, по-дружески.

— По-дружески! — встрепенулась Смешинка. — Он сказал: по-дружески! Давайте спустимся!

— погоди! — остановил ее Звездочет-Клоун. — С Крабом лучше говорить издали, на расстоянии. А то не успеешь оглянуться, а он уже обнимает тебя, да так крепко, что вскоре трудно разобрать, где ты, а где он. При таком разговоре не знаешь, как сохранить не только собственное мнение, но и себя.

Крылатки парили в воде, поддерживая карету невысоко над скалами, где собралось видимо-невидимо Крабов. Они жадно смотрели вверх и слушали Смешинку.

— Ну что ты, девчушка, так долго рассусоливаешь? — перебил ее Волосатый Краб. — Конечно, мы спасем Капельку. Давай его сюда побыстрее! И тебя спасем, и Звездочета-Клоунишку, и Крылаток! Какие могут быть сомнения?

И Крабы заорали:

— Спасем вас со всеми потрохами! Спускайтесь, не заставляйте ждать! Не сомневайтесь...

Карета незаметно опускалась ниже и ниже, множество клешней нетерпеливо щелкало и тянулось к путешественникам. Крабы полезли друг на друга, началась давка. Кто-то надсаживался:

— На всех хватит, будем спасать по маленькому кусочку...

Полетели оторванные клешни, вода замутилась. Миг — и о путешественниках забыли, внизу кипела драка. И только один Ходульный Краб отошел в сторонку, утвердился на восьми лапах-ходулях, а двумя потянулся вверх, пытаясь ухватить карету. Одна клешня царапнула о днище, и тут Звездочет-Клоун очнулся:

— Ходу! — крикнул он на Крылаток, те рванулись.

Ходульный Краб не удержал равновесия и упал в свалку. Какой-то Крабик-косолапик испуганно бежал к щели...

— Вот они, спасители! — кивнул на побоище Звездочет-Клоун. — Так спасли бы, что клочков потом не осталось бы...

Долго тянулись внизу мрачные скалы, на которых, словно валуны, виднелись там и сям круглые крабы панцири. Крылатки задыхались: вода здесь была тихая, затхлая. Так и хотелось опуститься на дно, отдохнуть, но там поджидали, притаившись и поблескивая глазами, «гостеприимные» Крабы.

Наконец измученные Крылатки почувствовали освежающие струи. Это были Струи Кальмаров! Тотчас карету путешественников захлестнуло длинное щупальце с крючком на конце. Гигантский Кальмар тарасил круглые, с тарелку глаза. Отовсюду мчались другие чудища с развевающимися щупальцами.

Смешинка и к ним обратилась с просьбой помочь царевичу.

— У вас добрые и выразительные глаза,— сказала девочка.— Такие глаза не могут принадлежать тем, кто стремится к злу. Вы летаете в воде, как по воздуху. Вам ничего не стоит облететь моря и океаны и отыскать того, кто хорошо отзовется о царевиче Капельке. Ведь вы хотите этого?

Гигантский кальмар Кракен не спеша расправил щупальца.

— Ты маленькая и глупая, и мы прощаем тебе маленькие глупости, которые ты сейчас сказала. Взгляни не на глаза, а на тела наши, и ты поймешь, чем мы живем — добром или злом. У нас десять рук, и они приспособлены для того, чтобы хватать добычу и больше не выпускать. Мы действительно рас-секаем воду так, что никто не сумеет нас обогнать.

Когда-то мы, Кальмары, владели всем подводным миром. Мы резвились, не зная страха, а нас боялось все живое. Так бы и оставаться нам на вечные времена властелинами подводного царства, ан нет — нас обуяла гордость. Решили и воздух захватить в свои щупальца. Мы стали выскакивать из воды и летать в воздухе. Ловили птиц и пожирали их.

Но уже надвигалась беда. Вверху жили зубастые киты — Кашалоты. Они дышали воздухом, поэтому ловили тех рыб, что плавали у поверхности. Как-то один Кальмар, налетавшись в воздухе, упал прямо в пасть Кашалоту. Добыча тому показалась вкусной. И Кашалоты начали гоняться за Кальмарами и даже ныряли за нами до самого дна. Не стало нам спасения! И вот те, что остались, нашли защиту у Великого Треххвоста. Здесь и несем службу, ожидая того часа, когда Кашалоты уберутся куда-нибудь подальше.

— И что же вы тогда будете делать? — спросил Звездочет-Клоун.

— Опять захватим глубины и будем владеть ими, не нуждаясь в покровительстве. Но действовать станем умно — не полезем ни в воздух, ни на землю...

— Значит, теперь вы стали скромнее — удовлетворитесь такой малостью, как океанские глубины.

— Что поделаешь, — вздохнул Кракен. — Хотелось бы большего... Предки рассказывали, что птицы такие вкусные! Особенно большие, с огромными крыльями...

— Аисты? — быстро подсказал Звездочет-Клоун.

Смешинка вздрогнула.

— Не помню. Может быть, и аисты.

Миновав струйные владения Кальмаров, карета с пассажирами опять очутилась в спокойных водах. Там и сям в воде,

как причудливые цветы, висели разноцветные Медузы. Казалось, они совершенно неподвижны, однако едва появились путешественники, как перед ними сомкнулась прозрачная стена. Они посмотрели назад — там густо наплывали вытянутые обтекаемые Корнероты, между которыми сновали крошечные Обелии, а сверху над головами двигались целые флотилии Парусников и Португальских корабликов.

— Не торопитесь! — сказала путешественникам громадная бородатая Цианея. — Жалка участь того, кто постоянно торопится. Все время на бегу, некогда подумать. И в результате ничего не успевает сделать.

Звездочет-Клоун поклонился Цианее.

— Слышу умные речи! Значит, вы, Медузы, всегда поступаете верно?

— Так, Звездочет-Клоун, — ответила Цианея. — Мы всегда правы. Посмотри: не мы ли самые медлительные создания в мире? И не мы ли настолько мягкотелые и прозрачные, что иногда нас трудно отличить от самой воды? И это в то время, когда каждый стремится одеться в панцирь или спрятаться в надежную нору, каждый стремится плавать быстрее всех, чтобы убежать от врагов и настигнуть добычу! Казалось, мы обречены на гибель. Однако нас так же много, как воды в морях и океанах...

— Почему же?

— Потому что мы не спешим, — самодовольно продолжала Цианея. — За нами всегда последнее слово.

— Да, это верно, — закивал Звездочет-Клоун, глядя на жгучие стрекала Цианеи. — Однако почему вас не побеждает всякий, кто хоть немного тверже вас?

— Потому что не так тверды те, которые кажутся твердыми. Возьми хотя бы устрицу. Снаружи она — камень, а внутри — такая же мягкая, как мы. И так у всех: внутри самого твердого существа есть мягкий студенистый кусочек, который рождает неуверенность и страх. А мы цельные. Мягкость мы сделали своим оружием.

— Если вы настолько мудры, то помогите спасти царевича от гибели, — обратилась Смешинка к Медузам.

Они внимательно выслушали ее рассказ.

— Все это кажется весьма интересным,— пробормотала Цианея.

Остальные Медузы многозначительно молчали.

— Значит, вы можете найти выход? — волнуясь, спросила Смешинка.

— Да,— ответила Цианея, колыхнув бородой.— Но когда мы найдем его, то никому об этом не скажем.

— Вот новость! — удивилась Смешинка.— Почему же?

— Потому что всю нашу мудрость мы храним при себе,— наставительно произнесла бородатая Медуза, и все остальные одобрительно закивали.— Если бы мы делились ею, что осталось бы нам?

Путешественники тут же распрощались с Медузами.

— Ну вот,— сказали Крылатки, когда карета оставила позади Стену Медуз.— Мы честно старались найти того, кто сказал бы доброе слово о царевиче... Теперь ничто не помешает возмездью.

Девочка с горя бросилась к царевичу Капельке, и он нежно прижал ее к своей груди.

— Неужели нет никого, кто спас бы тебя? — вскричала она.

— Есть! — раздался вдруг чей-то пронзительный тоненький голосок.

РАССКАЗ САБИРЫ

Говорила Звезда, которую Звездочет-Клоун захватил с собой и положил в карету.

— Как? Ты заговорила? — изумился Звездочет-Клоун.— Но ведь Звезды ни с кем не говорят.

— Они не говорят, когда им нечего сказать,— ответила Звезда.

Звездочет-Клоун присмотрелся и увидел на конце одного луча круглый рот — не тот рот, в который Звезда обычно отправляет устриц, а говорящий. У основания луча открылся синий глаз и подмигнул Звездочету-Клоуну.

— Почему же ты раньше молчала и заставила нас совершить утомительное и опасное путешествие? — спросил старец.

— Потому что я была занята.

— Чем? — улыбнулся Звездочет-Клоун.

— Делала себе говорящий рот. А заодно и глаз, чтобы видеть того, с кем разговариваю.

— Разве Звезды умеют такое?

— Не знаю, как другие, а я умею, — сказала Звезда. — Меня зовут Сабира. А хочу я сказать вот что. Однажды царевич сделал мне добро, и я должна отблагодарить его. О нем я всегда вспоминаю с признательностью.

— Ох, милая Сабира! Ты спасла Капельку!

И Смешинка снова бросилась на шею царевичу — на этот раз от радости, а он, улыбаясь, крепко обнял ее.

— Спасен, спасен! — повторяла девочка. — Теперь ты будешь с нами!

И царевич смеялся и гладил ее разметававшиеся золотые волосы.

— Расскажи скорее, прекрасная Звезда, какое добро сделал тебе царевич Капелька?

— Охотно, — ответила Сабира. — Ведь не для того я сделала себе рот, чтобы сказать два слова и замолчать.

— Мы слушаем тебя! — сказали все.

— Однажды я нашла прелестное местечко под скалой, где было много устриц и мидий. Вскоре туда пожаловали мои подруги. Мы весело проводили время, лакомясь отборными ракушками. Как вдруг появились царевич Капелька и Лупибей.

«Посмотри, какая подозрительная Звезда, — сказал Спрут, останавливаясь надо мной и помахивая дубинкой. — Эти Звезды нужно уничтожать беспощадно, где только увидишь. От них все зло!»

«Ну что ты, уважаемый Лупибей, — ответил царевич. — Ошибаешься. Звезда как Звезда».

«Знаю я эти Звезды! Не успеешь оглянуться, а они уже подберутся к самым лакомым кусочкам».

«С нее достаточно и этого, — тут царевич ударом ноги отбросил меня далеко-далеко! Я тотчас спряталась за камень так, что Лупибей больше не увидел меня...»

— И ты называешь это добрым делом? — ахнули Крылатки.

— Конечно. Ведь он спас меня от Лупибей. Но мало этого! В тот же день скала обрушилась и похоронила под собой всех моих подруг. Царевич дважды спас меня от гибели! Скажите, разве это не доброе дело?

Капелька покраснел и, пожав плечами, пробормотал:

— Что-то я не припомню такого случая...

А Звездочет-Клоун глубокомысленно добавил:

— Иногда добрый удар оказывается лучше всяких добрых слов.

Крылатки удивленно переглянулись.

— Да, но можно ли считать удар добрым делом? Ведь он наносится обычно не с доброй целью...

Но Звездочет-Клоун рассеял их сомнения:

— Неважно, с какой целью наносится удар, важно, куда летит тот, кто получил его. А потом, если получивший удар считает его добрым делом, то чего же сомневаться другим?

Крылатки долго размышляли и наконец согласились с ним.

— Куда же нам теперь плыть?

— Вместе с нами, — сказал царевич Капелька. — Отвезите карету в замок.

— Чтобы ты передал нас в щупальца стражи? Ведь мы изгнали Четырехглазку, — запротестовали Крылатки, — и хотели изгнать тебя.

Царевич встал и вытянул руку:

— Успокойтесь! Я ни слова не скажу о том, что произошло с нами в пути. Обещаю вам! Можете не бояться!

— Хорошо, — сказала Ма. — Отправляемся в замок. Но предупреждаю тебя, царевич Капелька, что наша Крошка Ю будет сопровождать тебя всюду! И если ты захочешь предать нас, помни: укол Крылатки невозможно предотвратить!

Крылатки впряглись в карету и отправились к мрачным тяжелым стенам замка, видневшегося вдаль.

~ ~ ~ В ЗАМКЕ ~ ~ ~

Сквозь узенькое отверстие в высокой каменной стене наших путешественников долго рассматривал злобный вытаращенный глаз Спрута. Он был такой толстый, что полностью занимал сторожку, предназначенную для трех Спрутов. И имя у него было подходящее: Жуйдавись. Он беспрестанно жевал. Жевал на посту, на ходу, во время обеда, после обеда и даже во сне жевал, правда, немного медленнее, чем обычно. Вот и сейчас он сопел и чавкал, рассматривая прибывших через окошечко.

— Кто такие? — наконец прохрипел он.

— Царевич и сопровождающие его лица! — сказал Звездочет-Клоун, поднимая пропуск Великого Треххвоста.

Стражник судорожно проглотил очередной кусок, распахнул ворота и стал низко кланяться:

— Милости прошу, дорогой и любимый царевич! Все ждут не дождутся высочайшего прибытия...

Карета въехала в узкие ворота, которые сразу же захлопнулись. Путники очутились на большой площади, посыпанной желтым песком. Там и сям по площади маршировали отряды Спрутов. А дальше вздымался серой бесформенной глыбой замок.

— Почему он такой некрасивый? — спросила Смешинка. — И тяжелый.

— Ошибаешься, он очень красив, — возразил царевич. — Просто он вырублен из целой скалы. Смотри, какая мощь в нем! Если закрыты все коридоры замка, никакой враг не в силах взять его штурмом.

Девочка увидела несколько черневших отверстий в стенах замка.

— Это коридоры? А куда они ведут?

— Все коридоры ведут в большой зал, где находится мой отец, Великий Треххвост.

Они вошли в чернеющее отверстие и оказались в просторном высоком коридоре. У стен с обеих сторон стояли пустые клетки из прочнейшего китового уса, тускло освещенные ночесветками. Смешинка уже хотела спросить царевича, зачем эти клетки, но тут они очутились в громадном зале.

О, теперь они почувствовали, что находятся в замке подводного владыки! Три стены зала, в которых виднелось множество чернеющих отверстий других коридоров, были выложены разноцветными ракушками и ярко освещены двойными рядами гигантских звезд Офиур. Четвертая стена была прозрачная, выпуклая. Приглядевшись, Смешинка поняла, что стена сделана из тысяч отполированных раковин-плакун. За стеной виднелся ярко освещенный уютный грот с выступами, по которым вились водоросли, словно стекали изумрудные водопады.

Посреди зала стояла большая клетка. Она была пуста. Дальше виднелись три клетки поменьше. У каждой из них на длинных цепях были прикованы такие свирепые существа, что при одном их виде кровь стыла в жилах. Смешинка сразу узна-

ла их, так как изображения советчиков Великого Треххвоста — Мурены, Барракуды и Щуки-Мольвы, высеченные на стенах Голубого дворца, хорошо запомнились ей. Гибкая, змееподобная Мурена, апатичная с виду Щука-Мольва и беспрерывно скалящая зубы Барракуда сейчас внимательно изучали прибывших, то и дело кланяясь царевичу.

Но тут цепи загремели — советчики разом повернулись к прозрачной стене. Путешественники тоже взглянули на стену и — замерли.

В гроте появилось невиданное чудовище. Откуда-то из мрака медленно выплывало длинное извивающееся туловище. Глаза — во много раз больше глаз Кракена — уставились на путешественников. Острая, вытянутая далеко вперед пасть открылась в улыбке, показывая густые ряды устрашающих зубов — больших, чем у Кашалота. У чудовища оказался поразительный хвост, собственно, не один хвост, а три, выходящих

один из другого: первый, заканчивающийся, как обычно, поперечным плавником, затем второй — точно такой же, только поменьше, из которого вытягивался третий — длинный, голый, блестящий.

Это и был Великий Треххвост. Смешинка во все глаза рассматривала его.

Помахивая тремя хвостами, чудище приблизилось к прозрачной стене, посозерцало некоторое время путешественников, а потом обратилось к царевичу:

— Здравствуй, сын мой! Рад тебя видеть.

При первых звуках его голоса Смешинка невольно закрыла уши ладонями, а Звездочет-Клоун и Сабира вздрогнули. Голос гремел из раструбов громадных витых раковин, расположенных вокруг прозрачной стены. Закончилось приветствие неожиданно — пронзительным высоким свистом, от которого даже царевич поежился.

— Кто это с тобой?

— Мои друзья. Девочка Смешинка, которую я попросил приехать в Коралловый город и научить жителей смеяться...

— Она учит смеяться? — Великий Треххвост уставился на девочку.

— И еще как! Все жители города смеются день и ночь!

— Хорошо... А кто же остальные?

— Звездочет-Клоун, друг Смешинки. А Звезду Сабиру он подобрал по пути.

— Потому что Сабира мой друг, — поспешно добавил Звездочет-Клоун.

Владыка длинно засвистел.

— Гм... Друзья. А что же мне делать с друзьями? Что скажут советчики?

— Мгновенно растерзать! — прорычала Барракуда. — На мелкие клочки!

Щука-Мольва очнулась от дремы и процедила:

— Звездочета... гм, проглотить, Звезду отдать Спрутам на коврики под щупальца.

— Согласна с мнением дорогих коллег, — извиваясь, прошипела Мурена.

От упряжки Крылаток отделилась Крошка Ю и подплыла к царевичу. Она застыла у его правой руки, чуть пошевеливая плавниками. Капелька взглянул на нее и побледнел.

— Отец мой! — воскликнул он. — Не надо губить друзей девочки Смешинки! Они не враги... мне и тебе. Не слушай своих советчиков.

— А кого мне слушать? — изумился Великий Треххвост. — Чужих советчиков?

Звездочет-Клоун стоял рядом с Сабирой и чувствовал, как дрожит она от страха.

— Не бойся! — успокаивал он ее. — Ты хитрая, и я тоже хитрый. Как-нибудь выберемся...

— Ох, д-добрый Звездочет-Клоун! — прошептала в отчаянии Звезда. — Вряд ли поможет вся наша хитрость. Смотри, какие они кровожадные, как горят их глаза. Вот-вот бросятся на нас!

— Слава владыке, они пока на цепи, — возразил старец. Великий Треххвост подозрительно уставился на них.

— О чем вы шепчетесь?

— Мы ломаем голову над одним вопросом...

— Говорите!

— Почему такие достойные советчики, как Барракуда, Мурена и Щука-Мольва, посажены на цепь? Да еще перед каждым находится клетка. Неужели тоже для них?

— Конечно! В замке для каждого жителя имеется своя отдельная клетка. Она защищает от нападения и не дает нападать самому на других. Вечером стражники запирают всех жителей замка в клетки, потом запираются сами и выпускают на свободу ночных Сторожевых Скатов. Если кто-нибудь не будет сидеть в клетке, Скаты расправятся с ним.

Путешественники внимательно огляделись и только тут заметили, что в воде то и дело мельтешат темноватые глаза, которые они принимали за пляшущие тени бликов.

— Вы только что заметили моих Лапшевников, а они уже давно держат вас под наблюдением, и от них не ускользнул ни один жест, ни одно слово. А какая это простая, искренняя рыба! Ее видно насквозь, не то что остальных моих слуг, кото-

рые неизвестно что замышляют, прикрываясь своей защитной окраской. На кого-кого, а на моих тайных наблюдателей Лапшевников я могу твердо положиться, не ожидая от них никакого подвоха. Вот если бы все были такие!

Смешинка заметила, что при этой похвале Лапшевники порозовели от удовольствия и стали заметны... Застенчивые тайные Лапшевники! Но как много их оказалось! Зал был заполнен ими до отказа. Когда они смутились, все вокруг стало нереальным, розовым, расплывчатым.

«Вот почему говорят, что нельзя видеть все в розовом свете,— подумала девочка.— Наверное, имеют в виду слишком большое количество смущенных тайных Лапшевников».

— Понятно,— сказал Звездочет-Клоун, глядя на советчиков.— Конечно, клетки хорошее дело, если кто-то хочет на тебя напасть, но зачем цепи?

— А чтобы советчики не напали друг на друга,— пояснил владыка.— Я очень ими дорожу! А они так волнуются при обсуждении важных вопросов, что иногда могут в запальчивости и... поссориться.

Он замолчал, потом встрепенулся и обратился к Звездочету-Клоуну.

— Ты умеешь играть в шахматы?

— Каждый Звездочет должен уметь играть в шахматы.

— Отлично! Доставьте сюда очередную шахматную партию!

Вода закипела. Очевидно, Лапшевники сломя голову бросились передавать приказание владыки. Вскоре показались четыре дюжих Спрута, несших большую плоскую коробку. Она была разделена на шестьдесят четыре клетушки, дно которых выложено черными и белыми ракушками в шахматном порядке. Еще четыре Спрута волокли объемистую корзину.

Когда коробка была установлена перед прозрачной стеной, Спруты, открыв корзину, принялись запускать в клетушки рыб: пешек — золотую Корюшку на одной стороне и серебряную — на другой, затем Коньков, королей — черного и белого Императоров, ферзей — синюю и пурпурную Корифен, слонов — Карасей-Ласкирей. Наконец, крайние клетушки, пред-

назначенные для ладей, заняли Ласточки, и владыка удовлетворенно вильнул тремя хвостами.

— Удивительно знакомым кажется мне Великий Треххвост,— задумчиво пробормотала Сабира.— Если бы он не был таким устрашающе громадным, то я подумала бы, что где-то уже видела его. Но ведь я никогда раньше не была в замке... А изображений владыки нигде нет.

— Итак, начинаем игру! — объявил владыка.— Только предупреждаю, что съедать фигуры нужно по-настоящему.

— То есть как? — удивился Звездочет-Клоун.

Советчики дружно засмеялись.

— Он не знает, как съедать! — завопила Барракуда.

— Да очень просто — взять и проглотить,— добавила Щука-Мольва.

Только тут Звездочет-Клоун заметил, что все «шахматные» рыбки смертельно испуганы. Корюшек прямо корежило от страха, у Карасей не попадал зуб на зуб, у Коньков тоскливо дрожали гривки, и даже стремительные Корифены стали вялыми. Только Императоры держались важно: им ничто не угрожало.

— Хорошо,— сказал задумчиво Звездочет-Клоун,— допустим, я как-то смогу проглотить «съеденную» фигуру. Но как ты, владыка, будешь глотать их, если находишься за стеной?

— Это сделают мои заместители,— поспешно ответил Великий Треххвост.

А советчики алчно оскаливались, глядя на шахматную доску. Звездочет-Клоун тут же мысленно поклялся себе, что не даст прожорливым тварям поживиться. Но для этого ему придется играть как никогда.

Владыка сделал первый ход. Серебряная Корюшка скользнула вперед, Звездочет-Клоун двинул навстречу ей свою, золотую. Противник думал недолго:

— Эф один — эс четыре! — приказал он своему Ласкирю.

Под угрозу попал левый фланг Звездочета-Клоуна. Но тот пустил в ход ферзя Корифену и принялся гонять Карасей-слонов противника, не давая развернуться пешкам. Однако он не брал ни одной фигуры и прилагал все силы и умение, чтобы не

дать сделать это партнеру. Советчики в нетерпении гремели цепями.

— Похоже, что твои советчики больше думают о том, как бы проглотить какую-нибудь Корюшку, а не о твоих делах,— заметил Звездочет-Клоун, делая длинную рокировку, чтобы избежать угрозы Императору со стороны светлой Ласточки.

— Все важные вопросы сегодня решены,— пробормотал Великий Треххвост, готовя хитроумную западню на шахматной доске.

Но Звездочет-Клоун легко разгадал ее и убрал из-под удара своего Конька.

Некоторое время владыка тупо смотрел на шахматы, потом косо походил серебряной Корюшкой. Звездочет-Клоун сделал вид, что не заметил ошибки и, передвинув своего Императора на клетку Ф2, крикнул:

— Вечный шах! Игра окончена. Ничья!

У владыки все три хвоста опустились. Не веря глазам, он снова и снова просматривал все позиции и наконец сказал:

— Поистине хитер ты, Звездочет-Клоун! Не выиграл, но и не проиграл. Как же это так? Никто еще не мог победить меня. Я посвятил много времени этой умной игре и считал, что добился совершенства... Но я не знал, что бывает «вечный шах». Гм...

Тут произошло неожиданное: взбешенная финалом игры в шахматы Барракуда сорвалась с цепи. Она стрелой метнулась к открытым клетушкам, где дрожали беззащитные шахматные фигурки, но не рассчитав, прошла слишком близко от Щуки-Мольвы. Та не смогла удержаться от искушения и вцепилась ей в плавник. Мгновенно извернувшись, Барракуда щелкнула смертоносными челюстями и перекусила советчицу пополам. Тут ей на глаза попала Мурена, которая извивалась совсем рядом. Но Мурена оказалась изворотливее и встретила врага оскаленными зубами. Они схватились. Вода закипела...

— Остановитесь! — закричал Великий Треххвост так, что все на мгновение оглохли.

Но было поздно: из мутного облака на дно падали мелкие части обоих советчиков...

Раздался режущий пронзительный свист. То свистел владыка. Тотчас во всех коридорах появились уродливые силуэты Спрутов.

— Так вот что ты устроил, коварный старикашка! — загремело треххвостое чудище. — Ты играл так, чтобы перессорить моих советчиков и передрать... передрать... заставить их передаться между собой. За это ты заплатишься!

И обернувшись к Спрутам, приказал:

— Бросить его в подземелье! И Звезду прихватите... я видел, как она подавала ему советы.

Мгновенно друзья были опутаны, связаны и удалены из зала.

Стражники прошли по коридору, потом осторожно спустились по выщербленным ступенькам вниз, и Звездочет-Клоун почувствовал, как навстречу им пахнуло спертым воздухом. В громадном зале с низкими сводами, тускло озаренном ночесветками, стояли длинными рядами тесные клетки. Стражни-

ки, тащившие пленников, долго шли мимо клеток, пока не очутились перед решетчатой дверью. Один из них открыл замок, и пленников свирепо швырнули куда-то в угол.

— Там и сидеть! Попробуйте только выползти!

А Смешинка и царевич стояли перед разгневанным Великим Треххвостом и слушали его страшные проклятия.

— Подумать только, в один миг я лишился всех советчиков! — бушевал владыка. — С кем я теперь буду советоваться, скажите?

— С нами, отец, — сказал Капелька, и владыка удивленно взглянул на него.

— С вами?

— Со мной и Смешинкой, — царевич положил руку на плечо девочки.

Великий Треххвост язвительно рассмеялся:

— Ты еще слишком юн! А что посоветует мне эта девчонка?

— Все, о чем ты спросишь ее.

— Хорошо. Что мне делать со Звездочетом-Клоуном и Звездой?

— Отпустить их! — сразу же откликнулась Смешинка. — Они ни в чем не виноваты.

— Ха-ха-ха! — захохотало чудище. — Вот так совет: «Отпустить!» Просто смешно. Вот мои советчики посоветовали бы...

— Разорвать их на клочки. Проглотить. Разорвать и проглотить, но перед этим пытать, — быстро перечислила Смешинка.

— Правильно! — воскликнул Великий Треххвост. — Именно это они бы и посоветовали. Мне даже показалось, что я вновь слышу их разумные, полные достоинства голоса, — и он с огорчением взглянул на останки советчиков. — Но как ты угадала, что именно такие советы они и дали бы?

Царевич улыбнулся:

— Видишь, Смешинка знает все, что сказали бы тебе советчики. Поэтому не стоит сокрушаться, что их нет. Девочка заменит всех троих.

— Ты так думаешь? — проговорил Великий Треххвост. — И ты предлагаешь назначить ее моим... моими советчиками?

— Конечно! — воскликнул Капелька и ощутил прикосновение пушистых плавников Крошки Ю. — Именно ее нужно назначить вместо советчиков.

— Хорошо. Сегодня ночью я все обдумаю, а завтра сообщу свое решение. Эй! Отведите царевича и девочку в лучшие клетки, а Крылаток — в каретную, где находятся Коньки.

Неуютно почувствовала себя Смешинка, когда осталась одна в клетке. И хотя клетка была роскошная, увитая морскими лилиями, Смешинка едва не заплакала. Но потом легла на мягчайшую постель, подложила руки под голову и постаралась задремать. А перед глазами стояли Звездочет-Клоун с его доброй улыбкой и Сабира с большим любопытным синим глазом. «Что с ними?» — думала девочка. Тяжелые мысли долго не давали ей уснуть...

А в это время Звездочет-Клоун сидел на кадке с мусором и разглагольствовал:

— Жизнь не такая уж плохая штука, если не дрожишь перед каждым, у кого острые зубы или дубинка в здоровенных щупальцах. Ведь мы сами себя губим страхом. Да будет тебе известно, дорогая Сабира, что Акулы, Скаты, Кашалоты и другие хищники чуют свою добычу не по запаху...

— Они видят ее! — сказала Звезда.

— Видят, как же! Многие морские жители имеют такую окраску, что их днем с огнем не увидишь. Камбалу, устроившуюся на песке, не отличишь от песка, Перепелки, Ласточки, Морские Петухи — все маскируются как могут. А Собачки так насобачились скрываться, что в зеленых водорослях они зеленые, в красных — красные. Попробуй разгляди их! Нет, хищники обнаруживают добычу иначе...

— Как же?

— А по страху! Тот, кто испугается, словно бы кричать начинает: «Ай, ай, боюсь! Помогите! Спасите!» И хищник сразу же слышит его, бросается и проглатывает. «А-ам!» — Звездочет-Клоун так свирепо щелкнул челюстями, что Сабира сначала вздрогнула, а потом рассмеялась.

— Как же спастись от них? — спросила она.

— Если уж очень боишься, ничего не можешь сделать, то закрой глаз и не думай ни о чем. Или думай о хорошем, приятном...

Был глубокий вечер. Стражники, лязгая замками, закрывали в клетках слуг замка: музыкантов — Крокеров, Дорадо, Барабаничиков, Сциен, зубочистильщиков — Карасиков, мусорщиков — Бобырей, почесывальщиков — Колюшек, убиральщиков — Топырчиков, посудомоек — Присосок.

Потом все стихло.

— Что это там? — воскликнула вдруг Сабира.

Стремительные тени скользнули по проходу между клетками. Широкие крылья взмахивали медленно, от их движений колебались ночесветки на прутьях клеток.

— Сторожевые Скаты, — прошептал Звездочет-Клоун.

Скаты неслышно проплывали один за другим, пристально осматривая все вокруг.

Сабира вздрогнула и прижалась к своему другу.

— Ой, как я боюсь! — прошептала она. — Они такие страшные!

Словно услышав ее шепот, Скаты встревоженно остановились. Двое стремительно бросились к решетке, но ударились о нее так, что решетка затряслась.

— Вот видишь, — спокойно сказал Звездочет-Клоун. — Они чуют тех, кто боится. Будь смелее, и ты увидишь, что чудовища не страшны тебе.

Звезда закрыла глаз и замерла так. Скаты успокоились, снова поплыли неслышными тенями. Сабира не выдержала, открыла глаз, увидела Скатов и чуть задрожала. Стражи немедленно повернули к решетке, взмахивая крыльями. Сабира закрыла глаз — они успокоились.

— Слушай, не беспокой слуг владыки, — засмеялся Звездочет-Клоун. — Они друг друга перекусают.

— А я виновата? — протянула Сабира. — Если я боюсь их!

Но усмешка друга действовала, — она уже не боялась, и Скаты перестали бросаться из стороны в сторону.

— Они уплывают. Значит, ты преодолела свой страх.

— Неужели, кроме меня, никто здесь их не боится?

— Все спят. А потом жители замка привыкли к тому, что в клетках им не грозит никакая опасность. Вот они и спокойны.

Звездочет-Клоун нашел у двери свободное местечко и пригласил Сабиру.

— Давай отдохнем. Впереди — новый день, новые волнения.

Так и заснули они, прижавшись друг к другу. Сабира нежно обнимала своего мудрого наставника.

~ ~ ~ ИСПЫТАНИЕ СМЕШИНКИ ~ ~ ~

Некоторое время за прозрачной стеной никого не было. Но вот опять, как и вчера, из мрака стал выплывать Великий Треххвост, и девочка Смешинка, хотя и ждала его, не смогла не ужаснуться.

«Теперь мне понятно, почему он отгородил себя стеной, — подумала она. — Ведь это чудище может случайно, просто вздохнув, проглотить всех, кто находится в зале».

А в зале собралось много обитателей замка. Вокруг большой клетки в центре двумя рядами стояли откормленные вооруженные Спруты, дальше за ними толпились остальные жители, напирали из коридоров, клубились вдоль стен. А уж Лапшевников было столько, что не повернешься — сдавили Смешинку со всех сторон, и она слышала даже, как они сопели.

Девочка стояла на возвышении у клеток бывших советчиков, а рядом, у самой прозрачной стены, стоял царевич Капелька. Едва появился Великий Треххвост, царевич поднял вверх руки:

— Внимание! Внимание! Начинаем посвящение девочки Смешинки в советчики!

Все замолчали. Только слышно было, как шуршат боками тайные Лапшевники.

— Сейчас будет первое, самое важное испытание нового советчика.

Царевич помолчал, оглядывая толпу. Один из коридоров был ярко освещен. Смешинка заметила, что из коридора сквозь толпу тянулся узкий проход прямо к большой клетке, дверца которой была распахнута.

— Мой отец,— Капелька кивнул на прозрачную стену,— уже давно и упорно ищет высшую справедливость,— при этих словах по толпе прокатился восторженный гул.— И он найдет ее! Тогда все заживут хорошо и счастливо, в мире и согласии.

Ему пришлось замолчать, так как все завопили, задвигались, замахали.

Царевич поднял руку, подождал, пока утихнет шум.

— Но многие хищники не хотят жить в мире и согласии. Они постоянно гонятся за кем-то, хватают, кусают,— вообще ведут себя плохо. Мой отец, владыка подводного царства, задумал пробудить у этих несчастных стыд и совесть.

Улыбки погасли. Жители недоуменно переглядывались.

— Совесть? Разве она есть у хищников?

— Есть,— уверенно ответил царевич.— Мой отец каждый день ставит опыты. В клетку хищника — ну, скажем, Акулы, впускают какого-нибудь жителя замка. Если Акула набросится на него, то мы начинаем ее стыдить.

Он подал знак, и хор Рачков-Богомоллов тоненько запричитал:

— Как не стыдно? Как тебе не совестно, ненасытная утроба? Зачем ты проглотила этого маленького Карасика? Ведь он мог стать твоим другом...

Они выли и причитали так жалобно, что у многих навернулись слезы на глаза.

— Вот, вот! — крикнул царевич.— Одна Акула тоже заплакала. Значит, у нее есть совесть.

— Но заплакала она после того, как съела Карасика,— угрюмо сказал кто-то в толпе. Царевич на миг смутился, потом продолжал: — И когда мы пробудим совесть у хищников, они не посмеют никого трогать. Наступит мир и...

— Чем же они будут питаться? — опять прервал его чей-то голос.

Царевич нахмурился, Лапшевники усиленно зашмыгали в толпе. Но царевич снова поднял руку.

— Сегодня будет поставлен опыт в присутствии всех вас, чтобы вы поняли, какое это нелегкое дело — поиски высшей справедливости и прекратили всякие нехорошие разговоры.

Он подал знак, и где-то вдалеке в пустом коридоре раздался свирепый рык Акулы. Он все нарастал, и вот показались десять Спрутов, с трудом удерживающих голодную Акулу. Она рвалась вперед с горящими от ярости глазами. Узкий проход в толпе сразу стал широким. Кто-то из невидимых Лапшевников, наверное, зазевался и не успел посторониться, потому что Акула вдруг зачавкала. Но несколько постных Лапшевников лишь усилили ее голодные муки, и в клетку ворвалось чудовище, готовое проглотить все, что попадется на пути.

— Хороша Нелия! — пробормотал Великий Треххвост.— Мы держали ее без еды много дней, и теперь желудок у нее чист, как эта прозрачная стена. Сейчас очень трудно пробудить

у нее совесть. Тем почетнее будет победа, если это нам удастся. Решай же, мой новый советчик, кого впустить в клетку к этой хищнице, потерявшей совесть и стыд.

Все взгляды разом устремились на Смешинку. Она похолодела: западня! Великий Треххвост приготовил ей западню, и царевич, сам того не подозревая, помог ему в этом.

«Если я не выдержу испытания, мне уже никогда не удастся спасти моих друзей! Но если выдержу... Всякий, на кого я сейчас укажу, будет моментально растерзан свирепой тварью! Жители замка никогда не простят мне этого. Да и я никогда не прощу себе... Что делать?»

Она повернулась к собравшимся, и все в ужасе отшатнулись от нее, стали прятаться за спины друг друга, пытались улизнуть из зала.

— Не двигаться! Куда напираете, трусы? — раздавались голоса Спрутов.

Неожиданная мысль пришла в голову девочке. Она повернулась к Великому Треххвосту и спросила:

— Те, на кого я укажу, должны будут войти в клетку к Акуле?

— Конечно! — ответил владыка.

— А они не посмеют ослушаться? И ты не станешь отменять мое решение?

— Ни за что!

— Хорошо, — девочка повернулась к жителям, затаившим дыхание, минуточку помедлила. — Я знаю, кто должен войти сейчас в клетку. О, я вижу, это достойные подданные владыки! Они даже сейчас показывают свою беззаветную храбрость.

Она замолчала, как бы собираясь с духом, а затем воскликнула:

— Слушайте! Пусть в клетку к Акуле войдут все Спруты, находящиеся здесь! И без оружия, потому что только вид безоружного может пробудить совесть.

Наступила гнетущая тишина. Все застыли, вытаращив глаза. Даже у Великого Треххвоста отвисла челюсть. И в полной тишине какой-то Барабанщик от удивления пустил частую трель.

Тотчас зал словно взорвался! Крики, шум, отчаянная ку-терьма... На Спрутов жалко было смотреть. Они то багровели, то белели, то чернели...

Кое-как царевичу удалось установить тишину. Он смотрел на Смешинку сияющими от радости глазами.

— Все решение не отменяют? — спросила девочка. — Пусть стражники покажут свою храбрость там, в клетке, и сумеют пробудить совесть у Акулы.

— Да, конечно, не отменяют... — замялся владыка. — Но...

— А кто же будет поддерживать порядок? — вдруг тонким голосом закричал один стражник, которого все называли за чрезмерное рвение Служитьрад. — Позвольте хоть мне остаться.

— И мне! И мне! — закричали со всех сторон Осьминоги такими жалобными голосами, которых никто из жителей замка никогда у них не слышал. Многие Спруты побежали прочь от клетки, думая, что хоть это избавит их от жестокой участи. Но теперь сами жители не выпускали их из зала.

— Да, да, — облегченно подхватил Великий Треххвост. — А кто же будет поддерживать порядок?

— Сами жители замка. Правда? — повернулась Смешинка к залу.

— Правда! — закричали все. — Порядок будет! Сами поддержим!

Служитьрад бросился к прозрачной стене и умоляюще сложил щупальца:

— Жители сами не смогут... они даже не знают, как поддерживать порядок. Он упадет! Его не будет...

Исчерпав все доводы, он завопил:

— У них даже дубинок нет!

Смешинка улыбнулась.

— Пусть все стражники отдадут жителям дубинки.

Служитьрад хотел сказать еще что-то, но владыка хмуро отвернулся от него и махнул последним хвостом:

— Выполняй!

В молчании стражники стали снимать с себя каски, пояса с пистолетами, отдавать жителям дубинки. Спруты дрожали и все время озирались на клетку, где нетерпеливо кружила го-

лодная Акула, то и дело испускавшая грозное рычание. Некоторые громко стучали клювами от страха. Другие плакали. Среди жителей раздавались иронические восклицания:

— Вот так смельчаки!

— Герои!

Служитьрад нашел новое занятие: подталкивал вперед других Спрутов. Но они не шли, упирались:

— Сам иди вперед! Покажи пример!

— Не разговаривать! — надсаживался Служитьрад. — Шагать в клетку!

Он ухватил одного из Спрутов — самого толстого, и Смешинка сразу узнала его: то был Жуйдавись, который встретил их при въезде в замок. Сейчас он чуть не подавился чем-то от страха и, хрипя, таращил глаза. Служитьрад энергично толкнул его к дверце, распахнул ее и почти втиснул в клетку необъятное тело Жуйдавись, но Акула стрелой метнулась к ним, и

оба так поспешно отпрянули, что отлетели от дверцы. В толпе засмеялись.

— Они храбрые, когда на безоружных да слабых...

Стражники опять сгрудились у клетки, подталкивая друг друга, но никто не решался первым открыть страшную дверцу.

— Что же вы? — рассвирепел Великий Треххвост. — Труссы! Сейчас же лезьте в клетку! Ну?

Стражники теснее столпились около дверцы и начали медленно приоткрывать ее. Смешинка, не выдержав, отвернулась. Даже ей стало жалко трусливых Спрутов. Замерев, она ждала крика. И когда он раздался, вздрогнула.

Но крик неся совсем не из клетки, а из главного коридора, который вел к воротам.

— Бунт! Бунт! — вопил кто-то и с грохотом приближался.

Голос показался Смешинке знакомым, она взгляделась в приближающийся силуэт...

— Лупибей!

Да, то был начальник стражи, но в каком виде! Потрепанный, осунувшийся, ремешок каски оторван, пояс с пистолетом потерян, а в щупальцах обломок дубинки. Опираясь на него, Лупибей поспешал по коридору.

— Бунт! — закричал он еще издали. — Коралловый город охвачен бунтом! Стражники выброшены! Грязный Ерш во главе бунтовщиков! Караул!

От неожиданности Великий Треххвост испустил оглушающий свист и исчез. Все оторопело смотрели на пустую прозрачную стену.

Но вот владыка появился снова. Он испуганно озирался по сторонам.

— Где бунтовщики? — спросил он Лупибея.

— В городе... Сидят там... закрылись. Никого не пускают.

— Хорошо, — облегченно вздохнул владыка. — То есть хорошо, что они сидят, а плохо, что стражники сбежали. Почему сбежали?! — вдруг заорал он.

— Так ведь бунтовщиков много, — пояснил Лупибей, отдуваясь. — И с ними грязный Ерш.

Великий Треххвост пожевал челюстями.

— Как же ты допустил, что стражу выбросили из города, что не стали подчиняться? Что с ними оказался этот... немый Ерш?

— Грязный Ерш,— поправил царевич.— Он в общем-то не грязный. И, между прочим, смелый, отлично бросает рыбу-Нож.

— Я спрашиваю, как допустили бунт? — орал владыка.

— Я не виноват! — угрюмо оправдывался Лупибей.— Это все она... она, хитрая и коварная девчонка Смешинка. Она виновата!

У Смешинки широко-широко раскрылись глаза.

— Что ты мелешь, несчастный? — воскликнул царевич.— Девочка все время находилась в замке.

— Вот из-за того, что она находилась в замке, и произошел бунт,— сказал Лупибей.— Если бы она осталась в городе, все было бы спокойно.

— Почему? — спросил владыка.

— Потому что после ее отъезда смех в городе стал затихать. Но жители хотели веселиться. Они требовали, чтобы Смешинка снова и снова учила их смеяться. А когда они узнали, что это невозможно, потому что девочка уехала в замок, начались волнения. Жители требовали, чтобы она вернулась.— Лупибей умолчал, что волнения в городе начались из-за того, что Спруты стали притеснять и грабить жителей еще с большим рвением, чем раньше.— Этим воспользовался бунтарь Ерш. Он, как всегда, принялся мутить воду и подбивать жителей города напасть на Спрутов. Мы отступили за ворота и укрепились в скалах вокруг города, а я отправился сюда.

Он повернулся к дрожащей у клетки гурьбе стражников.

— Надеюсь, что доблестные и не знающие страха стражники замка помогут нам усмирить бунтовщиков.

В толпе раздался смех. Лупибей, ничего не поняв, продолжал:

— Вы поведете всех стражников на приступ, и мы в два счета расправимся с презренными мятежниками.

Смех прокатился по залу. Это не понравилось Лупибею. Он нахмурился.

— Я вижу, что и здесь кое-кто научился смеяться... Прости меня, о Великий Треххвост, но если бы я был твоим советчиком, то посоветовал бы тотчас бросить проклятую Смешинку вон той голодной Акуле, что кружит в клетке. Этим ты навсегда избавил бы нас от угрозы нового бунта.

— Нет, никогда! — воскликнул царевич. — Да я скорее бросил бы Акуле тебя, чем ни в чем не повинную девочку!

Великий Треххвост хмуро посмотрел на него.

— Сын мой, — сказал он, — возьми двух стражников и приведи сюда Звездочета-Клоуна и его спутницу... эту Звезду. А остальным вновь взять свое оружие!

Царевич и два Спрута ушли. Стражники с радостным гомоном снова взялись за пистолеты.

— Что такое? — спросил Лупибей. — Почему Стражники оказались без оружия?

— Потому что мой советчик девочка Смешинка посоветовала бросить их в клетку Акуле, — буркнул владыка, отводя глаза.

— Девчонка твой советчик? — ахнул начальник стражи. — А где же Барракуда, Мурена и Щука-Мольва?

— Звездочет-Клоун играл со мной в шахматы, но не дал им съесть ни одной фигуры. Из-за этого они разволновались и... гм...

— О! — всплеснул щупальцами Лупибей. — Горячие и доверчивые друзья мои! Вы пали жертвой гнусного заговора!

— Какого заговора? — спросил владыка.

— Мне теперь все понятно! — шумел Спрут Лупибей, ковыляя взад-вперед и постукивая обломком дубинки. — Они сговорились погубить тебя.

— Да кто сговорился, кто?

— Бунтарь Ерш, Смешинка и Звездочет-Клоун.

— Ты так думаешь? — с сомнением спросил владыка.

— Это же яснее и прозрачнее Медузы! — Лупибей стал фиолетовым. — Грязный Ерш поднимает бунт в городе, Звездочет-Клоун губит твоих советчиков, а Смешинка — всех стражников. И тогда бунтари овладевают замком и врываются за прозрачную стену!

Все увидели, как Великий Треххвост вздрогнул.

— Тогда я их... проглочу,— неуверенно сказал он.

Лупибей поперхнулся, но тут же продолжал:

— Да, но они успеют разрушить замок, разогнать слуг, погубить твою верную стражу!

— Что же мне делать? — владыка заметался за стеной.

— Я знаю! — Спрут оперся на обломок дубинки и указал на девочку щупальцем:

— Это она всему виной! До ее появления в Коралловом городе и замке было спокойно. Нужно бросить ее Акуле!

Великий Треххвост злобно уставился на Смешинку. Толпа вздрогнула, по ней словно пронесся единый глубокий вздох.

— Пусть будет так,— сказал владыка и отвернулся.

Лупибей сделал знак, и несколько Спрутов подскочили к девочке, намереваясь схватить ее и бросить в клетку. Глаза их сверкали злобной радостью: теперь-то они отомстят ей за все страхи и переживания! Но Смешинка отстранила протянутые щупальца и громко сказала:

— Не трогайте меня! Я сама войду в клетку!

Стражники отшатнулись. А девочка, гордо подняв голову, пошла к клетке твердым шагом. Замерев, затаив дыхание, все следили за ней. Даже Осьминоги оцепенели.

Смешинка подошла к дверце и взялась за ручку. На миг она замерла, а потом, не дрогнув, не побледнев, спокойно открыла дверцу и вошла в клетку.

— Назад! Назад, дорогая Смешинка! — раздался отчаянный крик.

В коридоре появился царевич с двумя Спрутами, которые тащили узников. Но было поздно: девочка стояла уже в клетке. Царевич бросился к ней, но Звездочет-Клоун остановил его:

— Стой, несчастный! И молчи. Иначе погубишь девочку.

Смешинка стояла, прислонившись спиной к дверце. Потом оторвалась и шагнула на середину. Остановившись, она посмотрела прямо в глаза Акуле.

Но та словно не замечала ее. Она кружила по клетке, время от времени задевая решетку хвостом и приглушенно рыча. Все

знали, что многие Акулы делают так, когда уверены, что добыча не уйдет. Потом молниеносный бросок, щелчок челюстями...

— Зачем, зачем он это сделал? — царевич с укором и отчаянием посмотрел на владыку. — Почему я ушел, надо было остаться и убедить его...

— Как можно убеждать того, кто не знает сам, что делает? — раздался голос Звездочета-Клоуна. Царевич бросил на него недоумевающий взгляд, и тот пояснил: — Если бы он знал, что делает, то никогда не решился бы всенародно убить Смешинку...

Акула все кружила, глухо рыча. Напряжение в толпе росло.

— Выпустите ее! — закричали голоса. — Она не виновата! Даже Акула не трогает ее...

— Тихо! — устрашающе гаркнул Великий Треххвост и добавил задумчиво: — Действительно, почему Акула не трогает девочку?

— Они вступили в заговор! — завопил Лупибей.

— Ты, наверное, помешался на заговорах, — пренебрежительно махнул хвостами владыка. — Акулы не вступают в заговоры ни с кем, кроме собственного желудка. Эй, Нелия!

— Я голодна! — заревела та в ответ. — Когда ты дашь мне поесть?

— Тебе дали. В клетке девочка Смешинка. Съешь ее!

— Я не вижу и не слышу ее! — прорычала Нелия. — Где она?

— Ты что, ослепла? Стоит посреди клетки.

Разинув пасть, Акула бросилась на середину клетки и прошла рядом с девочкой, не задев ее.

— Меня обманывают! — захныкала Нелия. — Никого здесь нет...

— Ты промахнулась! — Лупибей подскочил к клетке. — Возьми чуть правее, и сразу проглотишь ее.

Нелия распахнула пасть и кинулась прямо на Смешинку. Но та проворно отскочила, и хищница опять уплыла не солоно хлебавши.

— Она отскакивает! — рявкнул начальник стражи. — Несносная девчонка, не вертись, стой на месте!

Смешинка показала ему нос. Лупибей густо посинел.

— Сейчас зайду в клетку и суну тебя прямо в пасть Нелии!

— Попробуй! — презрительно улыбнулась Смешинка. — Куда уж тебе, трусу несчастному... Да ты побоишься и за дверцу взяться!

Лупибей даже почернел от злости, кинулся к дверце, но, схватившись за ручку, нерешительно остановился. В толпе заулюлюкали, раздался смех.

— А ну давай!

— Посмотрим, какой ты храбрец!

Лупибей подергал дверцу и сделал вид, что она не открывается. Тогда Смешинка сама открыла дверцу и жестом пригласила его.

— Заходи! Места хватит и здесь, и в желудке у Нелии.

Толпа разразилась оглушающим воем и свистом. Лупибей мгновенно менял окраску и, наконец, став мутно-грязным, шагнул в клетку.

— Берегись, девочка! — крикнул Звездочет-Клоун.

Спрут метнулся и двумя щупальцами успел ухватить ничего не подозревавшую Смешинку.

— Вот она! — завопил он. — Нелия, сюда, я держу ее!

Сверкая зубами, Акула кинулась к ним. Но в последнюю секунду Лупибей не выдержал вида приближающейся пасти и выпустил девочку. Покачнувшись, она упала. Нелия пронеслась над ней и с маху отхватила щупальце у Спрута. Он, правда, успел выскочить и захлопнуть дверцу, но сразу же упал и забился в судорогах.

— Помираю! — вопил он. — Ко мне, спасите!

Над ним захлопотали два Хирурга, перевязали обрубок прозрачной коричневой полосой морской капусты.

— Спокойно, — утешали они Лупибей. — Сейчас йод ламинarii прижжет рану и все будет в порядке.

— Ой! У-ю-юй! Кто вернет мне щупальце? Проклятая Нелия, надо было хватать не меня... Она проглотила мое любимое пятое щупальце! Им я подписываю приказы...

— Ничего, при вас осталось еще семь.

Его перенесли и поместили в клетке, где жила раньше Барракуда. Охая и стеная, он кое-как расположился там и злобно уставился на Смешинку.

— Она еще жива? Нет, это невыносимо. Почему ты не проглотить ее, Нелия?

Акула, рыча, металась по клетке, но Смешинка легко увертывалась, спокойно отходя в сторону.

— Все объясняется просто, — тихо говорил между тем Звездочет-Клоун царевичу и Сабиру. — Смешинка не знает, что такое страх за себя. Она беспокоится за царевича, может волноваться за друзей, но за себя она никогда не боится. Поэтому она невидима для Акулы и других хищников. Чем трусливее существо, тем лучше враги видят его.

— Да, да, — подтвердила Сабира. — Теперь я хорошо знаю это.

— Но Акула смогла бы увидеть Смешинку,— развивал дальше свою мысль Звездочет-Клоун,— если бы в ту же клетку пустили того, кто Смешинке дорог. Скажем, царевича...

— Молчи! — воскликнула Звезда.— Сogleдятаи слышат... Тут Звездочет-Клоун спохватился.

— Что я наделал!

Он насторожился, надеясь, что Лапшевники не услышали или не придали значения его словам. Но они все слышали и ничего не упустили. Звездочет-Клоун увидел, что Лупибей приподнялся в клетке, к чему-то напряженно прислушиваясь, и тут же закричал:

— Нашел, нашел, о Великий Треххвост!

— Что ты нашел? — спросил владыка.

— Нашел способ, как погубить Смешинку! Нужно в клетку посадить еще и царевича.

— Сегодня ты поистине обезумел,— оборвал его повелитель.— Чтобы я отправил на смерть своего сына Капельку?

— Акула его не тронет,— возразил Спрут.— Выслушай меня, владыка. Смешинка невидима для Акулы, потому что она ее не боится. Но если посадить туда царевича, который тоже будет невидим для Акулы, потому что, конечно, наш царевич беспредельно смел,— Лупибей с издевкой поклонился,— девочка станет бояться за царевича, и тогда Акула увидит ее!

— Отец! — воскликнул Капелька.— Не слушай его!

— Может быть, я ошибаюсь,— промямлил Лупибей.— Если у царевича не хватит смелости последовать за девочкой...

— Замолчи! — гневно крикнул царевич.— И добавил, нежно глядя на девочку: — За Смешинкой я пойду куда угодно...

— Не нужно! — воскликнула Смешинка, и тотчас Акула бросилась на нее.

Раздался тысячеголосый рев, который спас девочку: Акула от неожиданности остановилась, и пленница успела ускользнуть. Она отвернулась от царевича. А он снял со своего пальца перстень и протянул мудрецу.

— Возьми это. И сохрани, если я не вернусь.

— Останови его, останови! — тормошила Сабира своего друга.

— Его нельзя остановить,— грустно покачал головой тот. Царевич решительно направился к клетке.

— погоди,— сказал Великий Треххвост и обратился к Лупибею.— Ты сам придумал это?

— Нет, я лишь повторил неосторожные слова Звездочета, которые подслушали наши тайные Лапшевники...

— А-а... Ему я верю,— оживился владыка и махнул царевичу.— Можешь идти.

— Вся трагедия в том,— сказал Звездочет-Клоун,— что погибли оба. Потому что Капелька так же боится за девочку, как и она за него.

— Но если ты предупредишь Великого Треххвоста о том, что и царевичу грозит гибель, он не разрешит ему войти в клетку! — встрепелась Сабира.

— Царевич не послушается его: ведь он хочет показать Смешинке свою храбрость.

— Но владыка просто прикажет Спрутам не впускать его!

— Спруты тоже не послушаются его, потому что их взгляды преданно устремлены на своего начальника Лупибея. Тот даст им тайный сигнал, и они словно бы случайно замешкаются. Мне кажется, что ему нужна гибель царевича...— добавил он так тихо, что Сабира еле услышала его.

— Не может быть!

— Да вот доказательство: наш разговор Лапшевники передают Лупибею, а он даже не шевельнет щупальцем...

— Но Великий Треххвост может распахнуть стену и сам спасти сына! — воскликнула Сабира.— Предупреди его!

Мудрец только улыбнулся печальной улыбкой.

Царевич подошел к дверце и взялся за ручку. Смешинка широко раскрытыми глазами смотрела на него. Акула Нелия, будто почувствовав наконец ее беспокойство, уже дважды скользнула совсем рядом, чуть оцарапав девочке руку. Лупибей приподнялся в своей клетке с горящими от радости глазами. Еще миг, и...

Словно стон пронесся по толпе. Все повернулись, все глаза уставились в одну точку.

В коридоре появился Храбрый Ерш.

Он был, как и Лупибей, изрядно потрепан, но вид у Храброго Ерша был по-прежнему такой задиристый и боевой, что начальник стражи, побелев от страха, быстро захлопнул дверцу своей клетки.

— Бунтовщик явился даже сюда! — завопил он. — Хватайте его!

Стражники, видя, как испугался их начальник, затоптались в нерешительности. К тому же они помнили, что Храбрый Ерш мастерски владеет гипнотизмом, и это основательно влияло на их храбрость.

— Можешь не беспокоиться, я пришел не за твоей никчемной жизнью, — презрительно посмотрел на Лупибея бунтарь. — Я пришел, чтобы поговорить с Великим Треххвостом.

Владыка вздрогнул.

— Выслушай меня, о повелитель! — торопливо закричал Храбрый Ерш. — Я безоружен и пришел один, чтобы рассказать тебе, как мы живем, а также потребовать...

Но тут по знаку Лупибея несколько Спрутов набросились на бунтаря и мигом скрутили его так, что затрепали оставшиеся колючки. Крепко опутав его, они подтащили к клетке, из которой вылез осмелевший Лупибей.

— Вот теперь мы будем разговаривать, — и он надменно принял фиолетовую начальническую окраску.

Но пленник даже не смотрел на него. Он уставился на Великого Треххвоста.

— Что же ты молчишь, повелитель? — спросил он с горькой усмешкой. — Я пришел к тебе с мирным разговором, а меня связали, как последнего... злодея. Прикажи развязать меня!

Владыка уже оправился от непонятного испуга перед бунтарем и выглядел даже сердито.

— А ты не указывай, что мне приказывать! — загремел он. — Выкладывай, что там у тебя за мирный разговор. Да побыстрее, мне некогда разговаривать с бунтовщиком, которого сейчас бросят в подземелье.

Храбрый Ерш задумался.

— Испугался? — захихикал начальник стражи. — А когда воду мутил да призывал бунтовать, тогда не боялся, а?

Храбрый Ерш медленно поднял голову, и все увидели, как грозно сверкают его глаза. Лупибей попятился.

— Ты слизняк! — с отвращением проговорил бунтарь. — Я не желаю слушать тебя!

— Хватит болтать! — оборвал его Великий Треххвост. — Говори!

— Нет! — сказал бунтарь. — Разговора уже не получится. Я пришел требовать... нет, теперь, пожалуй, я могу только просить тебя...

— Конечно, конечно! — проквашал Лупибей. — Только просить!

— ...я пришел просить тебя, — продолжал Храбрый Ерш, — чтобы ты казнил Смешинку! Хотя бы вместе со мной... — добавил он еле слышно в полной тишине, наступившей в зале.

Даже Лупибей растерянно заклокотал что-то...

— Казнить Смешинку! — воскликнул в изумлении Великий Треххвост. — Я и пытаюсь это сделать, но видишь, ничего не получается.

Храбрый Ерш посмотрел на клетку с Акулой и только теперь увидел в углу девочку Смешинку, которая с неменьшим удивлением глядела на него.

— Ага! — оживился бунтарь. — И Акула ее не трогает! Значит, она и Акулу научила смеяться!

Нелия презрительно фыркнула:

— Глупец! Акулы смеются только тогда, когда у них плотно набито брюхо. А я голодна, мне сейчас не до смеха...

— Значит, она сумела и тебя околдовать, — покачал головой бунтарь. — Нет, казнить Смешинку нужно в кипящем котле! Уж его не рассмешишь, не околдуешь...

— Очень правильная мысль! — оживился Великий Треххвост. — Оказывается, ты умеешь соображать. Если бы ты не был бунтовщиком, то я, может быть, освободил бы тебя... Гм... Пусть нагреют огнем подводного вулкана главный котел! Я окажу особую милость, бунтарь: выполню твою просьбу. Тебя казнят вместе с девочкой Смешинкой.

Царевич в отчаянии вскрикнул. В тот же миг Акула бросилась к нему, но ударились о решетку — Капелька еще не успел войти в клетку и стоял снаружи.

— Вот видишь,— сказал Звездочет-Клоун своей подруге Сабире.— Он испугался за Смешинку и стал виден Нелии. Сейчас он был бы уже проглочен, если бы не Храбрый Ерш.

— Но он, кажется, сделал положение нашей девочки еще более безнадежным,— печально заметила Звезда.

— Наоборот! Все идет как нельзя лучше...

Он выступил вперед и обратился к Великому Треххвосту:

— Позволь и мне сказать слово, владыка.

— Говори,— повернулся тот.

— Здесь я много слышал о заговорах, но не видел ни одного раскрытого. Поэтому, узнав о настоящем злодейском заговоре против царевича и Великого Треххвоста, я решил раскрыть его.

— О каком заговоре ты ведешь речь? — Лупибей и Великий Треххвост тревожно переглянулись.

— Даже сейчас в этом зале вам грозит смертельная опасность. Но прежде чем сообщить о заговоре, я хочу попросить выпустить Смешинку из клетки...

Владыка сделал знак, и девочка вышла из клетки. Она тут же пошатнулась и упала бы, не подхвати ее Капелька. Толпа облегченно загудела, как только дверца захлопнулась за ней.

— Что еще? — бросил владыка нетерпеливо, видя, что мудрец медлит.

— Я скажу это лишь Лапшевникам, чтобы заговорщики не слышали,— и Звездочет-Клоун зашептал так тихо, что даже Сабире, находившаяся рядом, ничего не услышала.

Но Лапшевники моментально передали все Лупибею, тот так же неслышно отдал распоряжение, и через минуту по залу важно прошествовали три Спрута, несущих что-то зажатое в щупальцах. Один из них остановился возле царевича, другой рядом с девочкой Смешинкой, а третий застыл около Звездочета-Клоуна. Все они протянули над их головами щупальца — и в одно мгновение царевич, Смешинка и мудрец были окутаны легкой серебристой кольчугой.

— Это противоземная кольчуга,— как ни в чем не бывало продолжал Звездочет-Клоун,— она предохраняет от укусов Морских Змей, укулов ядовитых Крылаток, Скорпен...

— Но зачем эта кольчуга? — спросил Великий Треххвост.— Здесь, в замке, без моего разрешения никто не смеет укусить друг друга, точнее, враг врага...

— Видишь ли,— ответил Звездочет-Клоун,— расправляя свою кольчугу,— многие жители моря так воспитаны, что сначала укусят, а потом идут за разрешением. Если их самих не укусят... Как мы видели на примере советчиков. Но тут другое. Сейчас вы узнаете, зачем нужна кольчуга: здесь, в зале, находится тот, кому приказано в любой момент уничтожить царевича, если такой момент наступит.

— Кто? — загремел владыка.

— Кто, кто? — провизжал Лупибей, незаметно втягиваясь опять в спасительную клетку.

— Это маленькая Крылатка по имени Крошка Ю! — И Звездочет-Клоун указал на полосатую рыбку, неподвижно стоявшую рядом с царевичем.

Крошка Ю в отчаянии ударила царевича ядовитой колючкой, но тщетно: кольчуга отразила удар. Молниеносно она метнулась к Звездочету-Клоуну, но тот бросил на нее кольчугу, и Крошка Ю запуталась в ней. Тотчас два Спрута схватили ее и сунули в приготовленную клетушку. В отчаянии Крошка Ю забилась о решетку.

— Теперь можно снять кольчугу. И пусть девочка Смешинка расскажет, как в пути Крылатки угрожали царевичу, но она спасла его.

В удивлении посмотрел Великий Треххвост на девочку.

— Почему ты раньше молчала?

Но Смешинка только растерянно хлопала глазами, глядя на Звездочета-Клоуна.

— Рассказывай, милая девочка! — ободрил ее тот.— Верь мне! Теперь тебе нечего бояться, и ты можешь все рассказать. Верь мне! Или ты больше не веришь?

— Я верю,— ответила Смешинка.— Но ведь для кое-кого эта история очень плохо кончится...

— Верь мне,—повторил мудрец еще раз и повернулся к Великому Треххвосту.— До сих пор девочка не говорила об этом из скромности и потому, что боялась за царевича. Ведь Крылатка день и ночь не отходила от него.

— Гадкая Крылатка! — воскликнул владыка.— И как я сразу не обратил внимания на нее...

— Рассказывай, дорогая Смешинка!

И девочка, еще раз пытливо посмотрев на мудреца, поведала, как Крылатки изгнали кучера Четырехглазку (Лупибей воздел вверх щупальца: «Мой лучший шпион!»), потом обвинили Капельку в равнодушии, как они плыли по морям и разыскивали того, кто мог бы рассказать о добром деле царевича.

— И если бы не старания девочки Смешинки, которая так долго опрашивала всех, то Звезда не успела бы вырастить свой говорящий рот и сказать слово в защиту Капельки,— добавил Звездочет-Клоун.

— Значит, все вы вместе спасли царевича? — воскликнул владыка.— Это правда, Капелька?

— Правда,— и царевич с сожалением посмотрел на Крошку Ю, словно прося у нее прощения.— Это правда, но Крылатки поступили со мной честно.

— Мы тоже поступим с ними честно и сварим всех заговорщиков в котле,— захихикал Лупибей.

— Не надо казнить их! — попросил царевич, но владыка отрицательно покачал головой.

Крошка Ю забилась в ловушке и крикнула:

— Ты, Капелька, лучше, чем я думала! А с заговорщиками еще посчитаются, не беспокойся!

— Именно таких слов я и ожидал от нее,— повернулся мудрец к прозрачной стене.— И они доказывают, что за этой Крошкой Ю стоят другие заговорщики. Нет, не только ее сестры, Крылатки, но и бунтарь Ерш с сообщниками. Ведь он уже совершал однажды покушение на царевича Капельку и Смешинку. Помните, на балу? Когда оно не удалось, бунтарь подговаривал Крылаток, а узнав, что и этот заговор провалился, лично явился сюда, чтобы пронюхать, как можно осуществить свой коварный замысел. И едва только его схватили, он не на-

шел ничего лучшего, как просить казни Смешинки, боясь, что если девочка останется жива, то остальным заговорщикам не удастся убить царевича.

— Да, да, да! — подскочил Великий Треххвост. — Как хорошо ты раскрыл все их замыслы! Конечно, ни в коем случае нельзя казнить Смешинку.

— А если ты снова возвысишь ее и назначишь своим советчиком, — вкрадчиво продолжал мудрец, — то этим оградишь себя от новых заговоров.

— Я вижу, старец, что говоришь ты чистую правду. Слушайте, мои слуги! Девочка Смешинка назначается моим советчиком! А Звездочет-Клоун и Звезда отныне будут называться моими друзьями. Враги мои — бунтарь Ерш и девять ядовитых Крылаток будут казнены, как только вскипит большой котел.

Две Прилипалы, усиленно виляя хвостами, подплыли к девочке Смешинке, подхватили ее под руки и вознесли на пьедестал перед прозрачной стеной. Важный Генерал, пыхтя, пове-

сил на ее грудь личный знак советчика. Лупибей с недовольным видом следил за церемонией.

— Что же ты мне посоветуешь, мой советчик? — спросил владыка.

Девочка помедлила немного — казалось, она уже все обдумала.

— Я советую получше запереть всех преступников, чтобы они не убежали до казни, — сказала она решительно. — Я сама сделаю это: они могут вступить в сговор с кем-нибудь.

— Запереть их могут и Спруты! — быстро вмешался Лупибей.

— Они слишком трусливы, — прищурилась Смешинка. — Если какая-нибудь Крылатка вырвется, они разбегутся.

Лупибей, побагровев, пытался что-то возразить, но владыка прикрикнул:

— Сегодня мы видели доблесть твоих Спрутов! Да и твою собственную...

Лупибей метнул на Смешинку злобный взгляд. Но она спокойно продолжала:

— А еще я сама закрою все клетки жителей, чтобы никто не помог преступникам бежать.

— Клетки закроют Спруты! — опять выкрикнул Лупибей и даже посинел.

— Я закрою и Спрутов! — холодно отрезала Смешинка.

— Может быть, и меня закроешь? — потряс обломком дубинки Лупибей.

— Конечно, — кивнула Смешинка. — Тебе нужно отдохнуть, подлечить боевые увечья...

Все захохотали. Даже владыка ухмыльнулся.

— Да, советчик имеет право закрывать все клетки или любую на выбор, — сказал он. — Это правило принято давно, и ты знаешь о нем, Лупибей. Помнится, ты сам подписывал его.

Спрут поперхнулся. Если бы Смешинка внимательно посмотрела на него, то непременно насторожилась бы — такая бешеная злоба была в его глазах.

— Ага! — процедил он. — Кажется, я начинаю кое-что понимать. Может быть, и Сторожевых Скотов не будем выпус-

кать? И дежурного снимем с ворот? А ворота распахнем пошире?

Но советчица спокойно отвела удар.

— Нет, зачем же. Сторожевых Скатов выпустим как обычно. И стражник пусть охраняет ворота — да получше!

— Он будет хорошо охранять ворота, можешь не беспокоиться, — с угрозой сказал Лупибей, и Звездочет-Клоун пристально поглядел на него.

Великий Треххвост заулыбался:

— Ну вот и отлично! А то ссоритесь непонятно из-за чего... Я устал от сегодняшних неожиданностей. Советчица Смешинка, можешь запирайте клетки! Всем выполнять распоряжение советчицы! Это мой полноправный заместитель, вы знаете... — Он зевнул.

Заметив, что владыка хочет спать, все жители замка потихоньку стали покидать зал.

~ ~ ~ ДАРЫ ЖИТЕЛЕЙ ПОДЗЕМЕЛЬЯ ~ ~ ~

— Как ты думаешь, — спросил Звездочет-Клоун свою синеглазую подругу Сабиру, — зачем царевич носил этот перстень?

Они сидели в большой просторной клетке советчицы Смешинки и рассматривали перстень, который Капелька в суматохе забыл взять обратно у Звездочета-Клоуна.

— Я думаю, перстень напоминал ему о чем-то...

— Или не напоминал.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он часто смотрел на перстень и хмурился так, будто пытался вспомнить что-то важное, но не мог. Мне кажется, он берег перстень для того, чтобы вспомнить о давно забытом.

Звездочет подплыл к ночесветке.

— О, здесь что-то написано! — воскликнул он. — И написано какими-то странными знаками. Посмотри, ты сумеешь их прочесть?

— Нет, не сумею, — Сабира замолчала.

Вообще она была обижена. Звездочет-Клоун не пожелал рассказать ей, зачем выдал Крылаток, и теперь она неохотно разговаривала с ним.

Старец, качая головой, спрятал перстень и примостился в углу. Советчица пригласила их к себе, а сама отправилась запирать клетки.

Вернулась она глубокой ночью. Лязгнула дверца. Звездочет-Клоун сразу же зашевелился в своем углу.

— Что сказал Лупибей? — спросил он.

Девочка растерянно посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь? Можно подумать, что у тебя свои Лапшевники...

— Об этом потом, — нетерпеливо перебил ее мудрец. — Что сказал Лупибей, когда ты закрывала его клетку?

— Ничего особенного, — зевнула Смешинка. — Какие-то непонятные угрозы...

— Какие же?

— Он сказал, — стала припоминать девочка, — он сказал, что ночью часто побеждает тот... кто потерпел поражение днем... потому что у ночи свои законы. В общем ерунда!

Но мудрец покачал головой:

— Плохо! Значит, Лупибей уже разгадал твои ходы. И сделал свои...

— Какие ходы?

— К выходу, — загадочно произнес Звездочет-Клоун. — Лупибей говорил что-нибудь еще?

— Да, я вернулась потом к его клетке и слышала, как он давал наставления Сторожевым Скатам.

— Скаты не тронули тебя?

— Нет. Они словно не видели меня.

— Они действительно не видели! Значит, моя догадка верна. Но что говорил им начальник стражи?

— Чтобы они усиленно охраняли клетку с Храбрым Ершом. «Поступили сведения от Лапшевников, — сказал он, — что они видели подозрительных бродяг внизу, в подземелье». Считают, что это сообщники Храброго Ерша.

— Почему?

— Видели их после того, как все жители подземелья были закрыты в клетках. А сегодня никто не был наказан лишением клетки.

— Значит, то были действительно сообщники Храброго Ерша,— проговорил в раздумье Звездочет-Клоун.

— Но как они проникли в замок? Как добрались до замка? Звездочет-Клоун покачал головой.

— Не знаю. Наверное, скоро мы их увидим.

— Как? — удивилась Смешинка.

— Они придут к тебе за ключами от клетки Храброго Ерша. И попытаются выкрасть или отобрать их.

Смешинка улыбнулась.

— Будем ждать? А когда выступим?

Звездочет-Клоун посмотрел на нее выразительно, и она замолчала. Но тут вмешалась Сабира.

— Они не пройдут сюда! — уверенно сказала она. — Ведь Сторожевые Скаты охраняют все проходы!

— Ну, это такие смельчаки, что не побоятся ничего, — заметил мудрец.

— Тогда оставим клетку Храброго Ерша открытой, пусть заходят, — решила девочка.

— Чтобы и их предать? — возмущенно воскликнула Сабира.

— Да, — небрежно бросил Звездочет-Клоун. — В одной клетке им будет веселее. А то Храбрый Ерш среди Крылаток чувствует себя, наверное, неуютно. Ведь он плохой кавалер.

— Не хочу я больше здесь оставаться! — воскликнула Сабира. — Я немедленно уйду!

— Уходи, — мудрец жестом остановил пытавшуюся вмешаться девочку. — Мы тебя не держим.

После этого наступило долгое молчание.

— Что же ты не уходишь? — спросил мудрец.

— Я уйду! — с обидой ответила Звезда. — Но ведь ты знаешь, что расстояние до выхода из клетки я могу пройти только за два дня...

— Значит, еще два дня после того, как ты ушла от нас, мы должны терпеть твое присутствие? — воскликнул Звздо-

чет-Клоун. — Ну что ж, тогда займемся опять перстнем. Послушай, Смешинка, ты сможешь прочитать эту надпись?

— Нет, — с огорчением покачала головой Смешинка. — Может быть, Сабира сумеет прочесть?

— Да, сумею, — с достоинством отвечала Сабира.

— Как?! — изумился Звездочет-Клоун. — Ты солгала мне?

— Я никогда не лгу! — фыркнула та.

— Но ведь ты сказала, что не знаешь этот язык!

— Когда ты меня спрашивал, я действительно не знала.

— А теперь изучила его? — язвительно улыбнулся старец.

— Нет, просто я вырастила язык, который знает этот язык, — невозмутимо пояснила Сабира.

— Ты и это умеешь? — мудрец и Смешинка переглянулись в сильнейшем удивлении. — Скажи, как ты это делаешь?

— Хорошо. Пока я ухожу, есть время. У нас, Звезд, есть такая способность выращивать оторванные ноги. Если у Звезды оторвут ногу, то она приказывает себе вырастить новую. И через некоторое время у нее появляется новая нога.

— Да, да, я знаю это!

— А когда меня нашел ты, я решила вырастить говорящий рот и видящий глаз.

— Тогда прочитай, пожалуйста, надпись! — И Звездочет-Клоун протянул ей перстень.

— Ну, что ж, я уйду, есть еще время, — Сабира пристально взгляделась в надпись и с усилием прочла: — «Смеясь... будь... мудрым». А ниже: «Досточтимому и любимому сыну моему Капельке, Каппа пруда Тарусава». Все.

— Все? — с горечью воскликнул Звездочет-Клоун. — Но надпись не стала яснее.

— По-моему, здесь все ясно, — возразила Сабира. — «Смеясь, будь мудрым». Не мешало бы кое-кому усвоить эту истину.

— Согласен, — мудрец не намерен был сейчас спорить. — Но кто такой Каппа и где находится пруд Тарусава? Я повидал много прудов за свою жизнь... — тут он спохватился и посмотрел на девочку Смешинку, но она была погружена в какие-то свои мысли и ничего не заметила. — Где же находится пруд Тарусава? И кто такой Каппа? — еще раз повторил он.

— Язык мой может описать Каппу, хотя я сама никогда не видела его, — сказала Сабира.

— Знаешь, а ты бы лучше не уходила, — улыбнулся Звездочет-Клоун.

— Нет! Я быстро иду к выходу. Но пока я уйду, есть еще время... Каппа живет обычно в прудах и озерах. У него большие глаза, широкий рот, есть руки и ноги с перепонками между пальцами.

— Это же лягушка! — оживился Звездочет-Клоун.

— Что ты! Лягушку я тоже никогда не видела, но могу описать ее. Это отвратительное скользкое существо с выпученными глазами и прожорливой пастью. А Каппа прекрасен и трогателен. Его рот постоянно улыбается, но в выразительных глазах скользит грусть, легкая скорбь или тоска. Он маленький, но никто не смеет обидеть его, ибо все поднимаются на его защиту, и сам он вооружен оружием, которое называется юмор. Говорят, что злые бегут от него без оглядки, а добрые

собираются вокруг Каппы и подолгу слушают веселые и поучительные рассказы, на которые он никогда не скупится. Они готовы слушать еще и еще, но приходит ночь, и Каппа тихо, без всплеска погружается в воду, направляясь к себе домой, где он отдыхает и раздумывает о том, что происходит на свете.

— Гм... — вздохнул Звездочет-Клоун. — Ты так описала Каппу, что мне очень захотелось познакомиться с ним. Но как найти пруд Тарусава?

— Этого я не знаю, — ответила Сабира.

— А может быть, ты вырастишь у себя еще один язык, который расскажет, как добраться до пруда Тарусава? Ведь пока ты уходишь, есть еще время.

Но Сабира опять надолго замолчала.

Утомленная событиями дня, девочка Смешинка вскоре заснула.

В открытую дверцу осторожно и бесшумно скользнули три тени. Они крались вдоль решетки — там, где потемнее, но когда оказались под ночесветкой, в тусклом свете что-то блеснуло. Передний держал гимнотиду! Вот они подкрались к кровати Смешинки...

— А вот и гости, — раздался из угла спокойный голос Звездочета-Клоуна, и три темные фигуры застыли от неожиданности. — Вы, кажется, испугались хозяев, гости?

— Не дожدهмся, чтобы мы испугались, — процедил один из гостей, многозначительно помахивая гимнотидой. — Выкладывай, что тебе надо.

— Видишь ли, тот, кто держит в руках нож, почему-то чувствует себя более уверенным перед тем, у кого ножа нет. Поэтому разговор между ними обычно какой-то неискренний, незадушевный.

— Ага! Может быть, ты хочешь сказать, что я трус? Так возьми нож, чтобы чувствовать себя уверенно.

Звездочет-Клоун небрежно принял от злоумышленника гимнотиду и, удобно расположившись в кресле, принялся подравнивать ею свои плавники.

— Но может быть, мы сначала разбудим хозяйку? — заметил он. — А то как-то неудобно... Вдруг она проснется и уви-

дит, что здесь ведется беседа? И она захочет принять в ней участие.

— Нам не о чем с ней разговаривать!

— А мне показалось, что вы направлялись именно к ее постели.

— Да, направлялся! Но не для разговора.

— А зачем?

— Нам нужны ключи от клетки Храброго Ерша. И мы не уйдем без них!

— Тем более хозяйку надо разбудить,— невозмутимо продолжал Звездочет-Клоун.— Ведь нельзя брать что-то без ее разрешения.

И он, наклонившись, потормошил девочку. Она тотчас села, протирая глаза.

— Это же Бекасик, Барабулька и Бычок-цуцик! Здравствуйте, какое приятное пробуждение!

— Оно было бы не таким приятным, если бы я замешкался,— пробормотал Звездочет-Клоун. И громко сказал: — Эти приятные знакомцы пришли за ключами.

— От клетки Храброго Ерша? Но у меня нет этих ключей.

— Что?! — крикнул Бычок-цуцик.— Не хочешь отдать ключи?

— Но если их действительно нет! — Смешинка так искренне развела руками, что Бычок-цуцик растерялся.— Ведь я повесила на клетку узников старый замок, ключ от которого давно затерялся.

Бекасик, Барабулька и Бычок-цуцик переглянулись: они были в недоумении.

— Это... правда?

— Я подумала, что ночью Крылаткам или Храброму Ершу захочется, может быть, погулять по замку, и в клетке будет скучно. Вот и повесила такой замок. Они могут в любой момент открыть клетку и выйти наружу. Если не побоятся Сторожевых Скатов.

Друзья заулыбались. Они бросились к девочке Смешинке и принялись ее благодарить.

— Как вы попали в замок? — спросила Смешинка.

— А очень просто,— затараторила Барабулька,— по Темной трубе. Когда мы захватили город, то многие стали удирать по трубе в замок. Храбрый Ерш решил, что это удобный случай для того, чтобы проникнуть в замок и рассказать обо всем Великому Треххвосту.

— Зачем? — спросил Звездочет-Клоун.

— Он думал, что владыка ищет высшую справедливость и не знает о том, что творится в Коралловом городе. Храбрый Ерш боялся, что Лупибей обманет владыку, и тот двинет свое войско на город. «Я обо всем расскажу Великому Треххвосту,— мечтал он,— расскажу ему, в чем заключается высшая справедливость».

— Так думал Храбрый Ерш? — усмехнулся Звездочет-Клоун.— Эх, простак! Он считает, что зло хищника в его зубах, а оно гораздо глубже — в желудке. Вырви у Акулы зубы, она станет хвостом глушить рыбу и глотать ее не жуя. Впрочем, так делает, кажется, Акула-Лисица. Но почему Храбрый Ерш хотел казни Смешинки?

— Потому что жители города перестали его слушать: Смешинка научила их веселиться, плясать и смеяться. А Храбрый Ерш говорил всем, что смеяться рано, что на помощь Лупибею может прийти войско владыки и не оставить от города камня на камне.

— Так-так-так,— протянул Звездочет-Клоун.— Значит, вызволите из клетки Храброго Ерша, а потом опять будете просить Великого Треххвоста?

— Нет, Храбрый Ерш сказал, что обманулся. Больше он не верит владыке. Он понял, что свободу нужно завоевать, а не выпрашивать.

— Передайте Храброму Ершу и Крылаткам, чтобы они немедленно явились сюда,— приказала Смешинка.

— Ну? — не очень приветливо буркнул Храбрый Ерш, вваливаясь в клетку Смешинки.— Какой выход ты предлагаешь?

— Вот уже второй раз Смешинка вызволяет тебя из заточения, но так и не услышала слов благодарности,— укоризненно заметил Звездочет-Клоун.

— За что благодарить? — оцетинился бунтарь.— За преждевременный смех?

Смешинка подняла руку:

— Некогда спорить! Лучше хорошенько уясните себе то, что я скажу. Вы уже, наверное, поняли, что Звездочет-Клоун все сделал для того, чтобы дать мне возможность стать советчиком Великого Треххвоста, захватить власть в замке, а значит, и всех спасти. Я заперла Спрутов и даже самого Лупибя в клетки, но ворота все-таки охраняются. Сейчас мы сядем в карету и отправимся туда. Если охраняющий ворота Осьминог не пропустит нас подобра-поздорову, придется его... припугнуть. Но впереди нас ждут еще многие препятствия. Нужно хорошенько подумать, как преодолеть их. Ведь теперь у нас нет пропуска Великого Треххвоста.

— Да, тяжелая задача...— призадумался даже Храбрый Ерш.

— Мы будем жалить каждого, кто попытается задержать нас! — заговорили Крылатки.

Звездочет-Клоун посмотрел на них неодобрительно:

— Нескольких Акул или Кальмаров вы действительно можете убрать с пути. Но что будем делать, когда перед нами встанет Стена Ядовитых Медуз, которым не страшны ваши уколы?

Долго и горячо обсуждали в клетке девочки Смешинки план побега. Вдруг в углу прозвучал голосок:

— Смешинка! Девочка Смешинка!

— Кто-то зовет меня...— насторожилась девочка.

— Это я, Морская мышка! — Из угла выскользнула маленькая рыбка с широкими растопыренными плавниками.

— Альмина! — Обрадовалась Смешинка.— Та самая мышка, которая предупредила меня во дворце о похищении старого аиста. Ах, Остроклюв, где же он! — вздохнула девочка.

— Нет, то была моя сестра. А меня зовут Альвина. Но мы так похожи друг на друга, что даже мать не различала нас...

— Что же ты хочешь сказать, Альвина?

— Жители там, внизу, волнуются. Они узнали, что ты собираешься бежать из замка.

— Откуда они узнали об этом? — встревожился Звездочет-Клоун. — Уж не от Лапшевников ли?

— Нет, мы узнаем все гораздо раньше, чем презренные Лапшевники, — усмехнулась Альвина. — Повсюду находятся маленькие ракушки Морские Уши. Они все слышат и постоянно переговариваются друг с другом. Так мы мгновенно узнаем обо всем, что происходит в замке. А Лапшевники пока ничего не подозревают. Они спокойно сидят в своей общей клетке.

— Почему же волнуются слуги? — спросила Смешинка.

— Они не хотят с тобой расставаться. Но раз ты так решила, они просят, чтобы ты пришла проститься.

— Хорошо, я сейчас приду к ним! — Смешинка была расстроена.

— Времени и так мало... — проворчал Храбрый Ерш.

— Ты предлагаешь не идти? — возмутилась Смешинка. — А что посоветует Звездочет-Клоун?

— Иди. Не заставляй ждать, — строго сказал тот. И когда девочка шагнула к дверце, он повернулся к Храброму Ершу:

— Неужели тыпустишь ее одну?

— И мы! И мы пойдем с девочкой! — запросились Бекасик, Барабулька и Бычок-цуцик.

— Нет. Не нужно зря рисковать.

Смешинка и Храбрый Ерш двигались молча. Навстречу скользили плоские хищные силуэты Сторожевых Скотов, и каждый раз бунтарь решительно хватался за гимнотиду, но никто не замечал их. Один из Скотов даже задел Смешинку крылом, но так и не понял, что за помеха ему встретилась. Он тупо кружился на одном месте.

Это происшествие немного развеселило спутников. Храбрый Ерш неуклюже придержал Смешинку, когда она поскользнулась, спускаясь по выщербленным ступеням.

Подземелье встретило их сдержанным гулом. Никто из жителей не спал. Слабые лучи ночесветок освещали множество глаз, жалобно глядящих на Смешинку.

— Зачем ты покидаешь нас, смелая девочка? — пронеслось, как стон, по клеткам. — Кто защитит нас от злобных Спрутов, коварных Лапшевников-шпионов... Не уходи от нас!

Смешинка остановилась посреди прохода и подняла руку.

— Я уйду, но знайте, скоро вернусь! Мы защитим Коралловый город, а потом придем сюда и освободим вас!

Крики восторга раздались в клетках. Но вскоре наступила тишина.

— Слушайте, слушайте, что скажет Дряхлый Горбыль!

В одной клетке раздалось кряхтение, и на свет медленно выплыл большой Горбыль. Он таращил слепые глаза.

— О-ох, много я потрудился на своем веку! — вздохнул он. — От тяжелой работы вырос у меня костяной горб и ослабли глаза. Но я все ждал, когда мы вместе поднимемся и сбросим иго Великого Треххвоста. И вот, кажется, дождался... Только скажу я вам, детки, тяжело будет победить Великого Треххвоста и его войско, и одним вам это не под силу...

Он замолк и долго жевал белыми губами. А потом добавил:

— Но будет под силу, если помогут Справедливые Дельфины.

— Правильно, правильно! — раздались голоса.

— Если они возьмутся...

— Даже Акулы боятся Дельфинов.

Дряхлый Горбыль продолжал:

— Они, быстрее из быстрых, храбрее из храбрее морских жителей и самые справедливые и разумные, помогут вам победить Великого Треххвоста. Живут они далеко, в Море Счастья. Нужно, не теряя времени, мчаться туда и просить их о помощи. Потому что Морские Уши слышали, как Великий Треххвост приказал своему сыну, царевичу Капельке, готовиться к сражению.

— Он не станет сражаться! — возразила Смешинка. — Я попрошу его...

— Нет, не делай этого! — сказал Дряхлый Горбыль. — Могут случиться с вами новые беды. Пока он сын Великого Треххвоста, он будет сражаться за него.

— Пока он... сын? — удивилась девочка. — Как странно ты выражаешься, дедушка! Разве может он перестать быть его сыном?

— Я многого не знаю, Смешинка, поэтому и говорю так странно. Эту тайну долго разгадывать, а времени у вас нет. Спешите к Дельфинам, в Море Счастья!

— Хорошо, поспешим.

— Мы знаем, что за стенами замка вас ждут большие препятствия. Но мы поможем вам. Обойди клетки, девочка, и возьми то, что тебе дадут.

Она обходила клетки и гладила сквозь решетки головы морских жителей, их спины с опущенными колючками, почесывала бока и пожимала дружеские плавники.

— Возьми с собой его, — сказали в клетке носильщиков Бентозавров и мусорщиков Бобырей, выводя спящую плоскую рыбу с маленькими мутными глазками. Она во сне шевелила плавниками и плыла туда, куда ее вели.

— Кто это?

— Обыкновенный Морской Язык. Только не совсем обыкновенный... Он так ругал Спрутов, что его хотели схватить и отправить в морскую пещеру. Но мы спасли его и спрятали в мусоре. Долгими ночами он рассказывал нам чудесные истории и смешные побасенки. Он может говорить беспрерывно. И он сказал, что поможет вам пройти Стену Ядовитых Медуз.

— Но почему он спит?

— Мы усыпили его соком актиний, чтобы он пока молчал. Иначе вас услышат. Но когда вы окажетесь за стенами замка, разбудите его.

В следующей клетке Смешинке вручили большую изогнутую раковину.

— Прими дар музыкантов — Крокеров, Барабанщиков, Дорадо и Сциен. Эту раковину мы обработали так, что ее звук спасет вас, когда вы приблизитесь к Струям Кальмаров. Только нужно сильно дунуть в нее ровно шесть раз, не меньше и не больше.

— А это поможет вам избавиться от жестоких Крабов, — из клетки убиральщиков, зубочистильщиков и почесывальщи-

ков Смешинке передали маленький комочек.— Как только поднимется перед вами Завеса Крабов, дерни тоненькую ниточку и брось в ближайшего Краба. Десять тысяч раковин Пинна дали нам свою крепкую биссусную нить, чтобы мы сплели это.

— А маленькая губка, которую мы, посудомойки Присоски и поварята Ошибни, дарим тебе, не менее чудесна. Мы держали ее над всеми кушаньями, которые когда-либо готовились у нас на кухне, и губка впитала их запахи. Как только увидишь Акул, сдави губку изо всех сил.

Так, сопровождаемые наставлениями и добрыми пожеланиями обитателей подземелья, Смешинка и Храбрый Ерш отправились обратно. У клетки к ним бросился Звездочет-Клоун.

— Видели Бекасика, Барабульку и Бычка-цуцика?

— Нет... а куда они делись?

— Отправились за вами. Морские Уши передали, что в проходы по приказу Лупибея вышли электрические Скаты Торпе-

до. Они убивают все живое своими разрядами. Друзья отправились предупредить вас...

Храбрый Ерш рванулся было назад:

— Я выручу их!

Но Звездочет-Клоун остановил его:

— Сначала мы узнаем, где они.

Все вошли в клетку, и мудрец обратился к темному углу:

— О, слышащее все Морское Ухо! Спроси своих братьев, где сейчас находятся Бекасик, Барабулька и Бычок-цуцик.

— Хорошо, я спрошу, — тихо прошелестел голос. И только очень сильно напрягая слух, можно было услышать, как тихо-тихо застучала раковина Морского Уха. Вдали ему ответили тоже чуть слышно — и тревожные, еле различимые удары понесли через весь замок. Вскоре пришел ответ.

— Ваши друзья находятся в надежном укрытии, — сообщило Морское Ухо. — Они просят вас не задерживаться, так как Скаты Торпедо отрезали уже все ходы в подземелье...

Минуту смельчаки смотрели друг на друга.

— Едем! — твердо сказал Звездочет-Клоун. — А за ними еще вернемся. И не только за ними.

Храбрый Ерш потряс гимнотидой, глаза его сверкнули:

— Ничего, мы посчитаемся за все!

Крылатки, запряженные в знакомую Смешинке карету царевича, нетерпеливо подрагивали плавниками. Путешественники разместились в карете.

— Вперед! — тихо сказал Звездочет-Клоун, и тотчас они услышали сзади сильный удар. То приближался, стреляя смертоносными зарядами, Скот Торпедо.

Карета быстро заскользила по коридорам. У одной из клеток Смешинка сказала:

— Пойдите! Здесь живет Капелька.

— Некогда! Ты слышишь, сзади идут Торпедо?

— Я только взгляну на него, — девочка приникла к прутьям клетки. Царевич безмятежно спал на голубой полупрозрачной перине. — Что за мрачный замок! Все заперты в клетках, даже царевич... Он спит, и я не смею разбудить его. Прощай, Капелька!

Вблизи опять раздался громовой удар. Царевич вздрогнул и пошевелился.

— Прощай! — повторила Смешинка и быстро побежала к карете. — Может быть, еще увидимся...

— Увидитесь! — процедил Храбрый Ерш. — Когда он придет со своим войском брать наш город.

— Не говори так! — нахмурилась Смешинка. — Ведь ты слышал, что сказал Дряхлый Горбыль?

— А что он сказал? — Звездочет-Клоун внимательно выслушал рассказ девочки, пока Крылатки несли карету к воротам. — Любопытно! Это навело меня на некоторые мысли...

Крылатки вдруг резко остановились. Карета проплыла еще немного и плавно опустилась на песок прямо у щупалец здорovenного Спрута. Девочка подняла глаза и похолодела...

~ ~ ~ ПОГОНЯ ~ ~ ~

У ворот замка стоял ряд отборных Спрутов, вооруженных пистолетами и дубинками. Но мало того: все они были одеты в серебристую противозмеиную кольчугу. Если раньше Смешинка надеялась, что Спрут будет один и Крылатки в случае сопротивления припугнут его, то теперь все надежды рухнули. Она взглянула на своих спутников. Сабира закрыла глаз и съежилась. Храбрый Ерш ошетинился и взялся за гимнотиду, а Звездочет-Клоун... улыбался. Да, да, именно улыбался.

— О, какой почетный караул нас встречает! — воскликнул он с радостным удивлением. — Я не думал, что мой друг Лупибей будет настолько точен...

— А ну слезайте! — оборвал его Служитьрад. — Приехали. Жуйдавись захихикал.

— И ведь как точно предвидел все наш дорогой начальник! Едва мы выпустили Торпедо, как беглецы тут как тут.

— И насчет того, кто бежать собирается, не ошибся, — с мрачным самодовольством добавил Служитьрад. — Эта девочка-советчица, старикашка Звездочет-Клоун, коварная Звезда, немытая рожа-бунтарь Ерш и вся упряжка ядовитых Скор-

пионов. Не зря нам приказали надеть кольчугу... Эге, да тут еще болтливый Морской Язык, которого мы давно разыскиваем! Ну и шайка собралась! Слезайте! Котел скоро вскипит...

Спруты загоготали. В это время заговорил Звездочет-Клоун:

— Да, досточтимый Лупибей предупреждал меня, что тут, у ворот, я наслушаюсь разных гадостей. «Не обращай на них внимания, дорогой мой друг! — сказал он мне. — Чего можно ожидать от этих болванов и трусов? Они не знают сути дела и потому должны вести себя, как обычно».

Осьминоги с выпученными глазами переглянулись и начали медленно зеленеть.

— Что ты мелешь, презренный? — пробурчал Служитьрад и направился к карете. — Сейчас я вышибу из тебя...

— «...Но, — продолжал невозмутимо Звездочет-Клоун, повышая голос, так что Служитьрад в нерешительности остановился, — но представляю, как вытянутся и почернеют они, когда узнают, что вся эта поездка была задумана для проверки этих глупцов, которые ни на что не способны, кроме как прятаться за плотно закрытыми воротами». Так сказал мне дорогой Лупибей. И добавил: «Надо же узнать, держат ли они ворота плотно закрытыми или только спят, едят и играют в камешки?»

— Да кто ты такой? — взвизгнул Служитьрад.

— «Поезжай с проверкой, мой полномочный представитель, строгий судья и тайный соглядатай», — сказал мне Лупибей и отправил в путь. Теперь я вижу, что он не ошибся: ворота охранять вы можете, — Звездочет-Клоун с удовлетворением оглядел сомкнутый строй Спрутов.

— Ты представитель Лупибей? — заревел во все горло Служитьрад. — Так мы тебе и поверили! Предъяви Осьминожий камень!

Звездочет-Клоун небрежно извлек откуда-то небольшой камень, горевший зловещим огнем, и протянул Спруту. Но едва тот коснулся камня щупальцем, как весь передернулся.

— Ударило! — завопил он. — Точно, Осьминожий камень... Ну-ка, притронься ты, Жуйдавись.

Толстый Спрут робко протянул щупальце и скрючился, получив сильнейший удар. Теперь Спруты поверили, что перед ними тот самый Осьминожий камень, который ни один Спрут не может взять в щупальца, и поэтому Лупибей использовал его исключительно для опознавания своих самых тайных и самых преданных соглядатаев, выполняющих его личные распоряжения.

— Что прикажете? — изогнулся в подобострастном поклоне Служитьрад, словно перед ним был сам грозный Лупибей.

— Открыть ворота! — приказал Звездочет-Клоун, и Спруты бросились со всех восьми ног выполнять его распоряжение.

Ворота протяжно заскрипели и распахнулись.

Крылатки с места рванули карету. Старец важно махнул Спрутам, и через мгновение беглецы очутились далеко в море. Избежав смертельной опасности, они свободно вздохнули.

— Где ты взял этот камень? — подозрительно спросил Храбрый Ерш.

— Его потерял, удирая, тайный соглядатай Четырехглазка, — ответил мудрец.

— Да, это верно! — подтвердили Крылатки, мерно взмахивая плавниками.

Смешинка забеспокоилась:

— Скоро покажется Стена Ядовитых Медуз! Нужно будить Морского Языка.

Они долго тормозили и толкали бесчувственное тело. Наконец Язык со стоном приподнялся и схватился за голову.

— О-ох! Как будто Акула-Молот колотит по моей бедной маленькой голове... Ну и ядовит же этот проклятый сок!

Звездочет-Клоун остановил карету и исчез в зарослях морских лилий. Через некоторое время он вернулся, неся полную раковину густого оранжевого напитка.

— Это нектар морских лилий. Выпей, и тебе станет легче. Язык жадно хлебнул.

— Ух как вкусно!

Он то и дело прихлебывал из раковины, так что когда карета приблизилась к первым дозорным Медузам, Язык болтал без умолку и остановить его было невозможно.

— Эй, Медузы! — закричал он, едва заведя белые купола. — Приветствую вас! Мое сердце переполнено печалью из-за того, что везде только и говорят: Медузы, Медузы! Ах какие мягкие создания! Если кто слабоволен, не умеет добиться своего, всем подчиняется, то о нем говорят: он как Медуза! Ваше имя стало обозначать всякое дряблое, безвольное тело. Но ведь это не так!

Собравшиеся вокруг Медузы одобрительно зашумели.

— Медузы могут любому показать пример целеустремленности и деловитости! — закричал Язык, хлебнув из раковины. — Когда-то они носили твердые непробиваемые панцири, но потом сбросили их. Почему? Да потому что они настолько сильны, что не нуждаются ни в каких панцирях! Вспомните подвиги Медуз, которые окружали и уничтожали даже Китов, Акул, Кальмаров — всех, кто под стрекало попадетс...

Он долго еще говорил о достоинствах быстроходных Португальских корабликов, о гибкости Венериных поясов, о красоте светящихся Полярных и Тропических Медуз, о грозной неустрашимости Цианей, о многочисленности Аурелий и Обелий, о коварстве Крестовиков. Беглецы и сами заслушались его, а когда посмотрели вокруг, в глазах засверкало: мириады Медуз собрались у кареты, слушая речь Языка и млея от восторга.

— Так давайте же докажем миру, что Медузы способны быть не только студенистыми и мягкими, но и твердыми, как скала! Давайте сосредоточимся в едином усилии, соберем волю в кулак, сожмемся, подберем под себя стрекала и окаменеем! Раз-два-три! — Язык отбросил пустую раковину и упал на дно кареты.

— Все... Готово, — сказал он слабым голосом. — Теперь эти твари окаменели до самого вечера. Я... заговорил их.

И действительно. Медузы на глазах уменьшались, съеживались в маленькие комочки и камнем шли на дно. Они легли одна на другую толстым слоем, который блестел и переливался в утреннем свете. Даже Португальские кораблики и Парусники выпустили из своих парусов воздух и погрузились в воду. Путь впереди был свободен.

— Вот когда и Язык бывает полезен, — сказал Звездочет-Клоун.

— Ура Языку! — крикнули беглецы.

Но Язык спал мертвецким сном. Только язык его тихонько и невнятно бормотал что-то.

Крылатки с новой энергией несли карету вперед. Дно, усеянное комочками «заболтанных» Медуз, казалось выстеленным прозрачной зернистой икрой. Сначала путешественники улыбались, глядя на эту диковинную картину, потом всеми овладела озабоченность.

— Кальмары — это не Медузы, — пробормотал Звездочет-Клоун, скептически осматривая раковину, которую подарили им музыканты из замка. — Их трудно чем-то пронять... Ну что ж, Храбрый Ерш, играть придется тебе, только не знаю, какую музыку...

Бунтарь взял раковину и приложил к губам:

— Духу у меня хватит!

— погоди, — сказала Смешинка. — Они наказывали: играть только в Струях Кальмаров.

Ждать им пришлось недолго. Уже чувствовались водовороты и завихрения, и вот карета въехала в Струи Кальмаров. Тотчас она была опутана многочисленными щупальцами.

— Ага! — сказал Гигантский Кальмар Кракен. — Мы видим на передней Крылатке лишь знак советчика. А где пропуск Великого Треххвоста?

— Сейчас покажем тебе пропуск, — буркнул Храбрый Ерш, поднимая раковину. Он напыжился изо всех сил и...

Низкий басовитый рев разнесся далеко вокруг. Кальмары мгновенно стали белыми от ужаса — то был рев нападающего Кашалота. Все, как один, головоногие выстрелили чернильными бомбами, которые напоминали своих владельцев: маленькие кальмары выстрелили маленькими бомбами, большие — большими, а гигантские — огромными. Они надеялись, что Кашалот схватит одну, вторую бомбу, разозлится и уйдет на поверхность глотнуть свежего воздуха. Но нет — рев прозвучал с новой, устрашающей силой. И снова Кальмары выстрелили чернилами, прячась от врага. Правда, теперь бомбы

оказались поменьше первых. Но рев раздавался снова и снова — шесть раз подряд. Это трубил в чудесную раковину Храбрый Ерш.

Вода кругом почернела. Шестые бомбочки были совсем маленькими — на них головоногие истратили последние чернила. Теперь Кальмары висели в крошечной тьме, совершенно обесиленные. Крылатки медленно пробирались вперед, то и дело задевая щупальца, но ни одно из них не шевелилось.

— Протрубую-ка я еще разок, — прозвучал голос Храброго Ерша. — Пугну их как следует, чтобы помнили.

— Не смей! — крикнула Сабира. — Иначе будет беда. Разве ты не знаешь, что на седьмой раз они впадут в бешенство и мгновенно бросятся на нас?

— Нет, не знаю... — пробормотал Храбрый Ерш.

— Они всегда бросаются на Кашалота, когда у них кончаются чернила для маскировки. Я не раз видела.

Когда карета оказалась в чистой воде, путешественники посмотрели друг на друга и рассмеялись: они стали чумазыми-чумазыми! Почернели Крылатки и карета, и спавший на дне кареты Язык, у которого изо рта при каждом выдохе выбивалась черная струйка. Но вот вода постепенно смыла чернила, и все снова приняло свой обычный вид, только казалось более ярким и свежим после тяжелого мрака, а вода вокруг синела, переливалась голубоватыми и зеленоватыми оттенками. У беглецов на душе тоже было радостно: позади два препятствия, все пока идет хорошо. Они шутили и смеялись, глядя на спавшего мертвецким сном Языка.

— Тише! — сказала вдруг Сабира. — Я слышу какой-то стук.

Все замолчали и прислушались. Действительно сзади раздавалось чуть слышное постукивание. Звездочет-Клоун сразу узнал:

— Это Морское Ухо!

Бросились осматривать карету, и на самом задке обнаружили прилепившуюся раковину.

— Ты чего здесь?

— Я просил, чтобы вы взяли меня с собой, но никто не

слышал,— объяснило Морское Ухо.— Тогда я соскользнул вниз и прилепился к карете.

— Ты любишь путешествовать?

— Люблю. И я хотел уехать подальше от замка. Спруты, как только находят Морское Ухо, так бьют в ухо. И вообще, они очень не любят нас, потому что мы разоблачаем их козни.

— Ну хорошо, оставайся. Ты хочешь что-то сказать?

— Да. За нами гонится Лупибей.

Беглецы онемели.

— На чем он гонится? И далеко ли?

— Он едет в громадной карете из раковины Тридакна. Вместе с ним еще пять Спрутов. В упряжке самые быстрые Меч-рыбы. Сейчас я послушаю еще и скажу, далеко ли погоня.

Наступила тишина. Потом Морское Ухо сказало:

— Они остановились над «заболтанными» Медузами. Лупибей ругает Медуз, но те не шевелятся... Вот он снова сел в ка-

рету, крикнул «Вперед!». Меч-рыбы со страшной скоростью мчатся за нами.

Беглецы переглянулись.

— Если нас задержат Крабы или Акулы...— проговорил Звездочет-Клоун.— А вот уже и поселок дозорных раков Альфеусов!

— Возьмите, возьмите кто-нибудь меня в рот, иначе я навсегда перестану слышать!— закричало Морское Ухо.— Скорее!

Звездочет-Клоун раскрыл рот — Морского Уха как не бывало. В это время первый рак, увидевший, что на Крылатках только знак советчика, поднял вверх толстую уродливую клешню и сильно щелкнул ею. Гулкий звук пронесся над морским дном. И тотчас множество Альфеусов выскочило из укрытий и защелкало своими клешнями. Казалось, тысячи камней оглушительно стучат друг о друга. В ушах у беглецов зазвенело и загудело.

Из-за угрюмых скал, быстро работая клешнями, стали подниматься Крабы-Стригуны. Они всплывали один за другим на равном расстоянии, словно привязанные, и образовали сплошную завесу, усеянную острыми клешнями, готовыми схватить каждого, кто попытается проникнуть сквозь нее.

— Откуда они взялись? — закричала Смешинка.— Ведь их не было, когда мы ехали в замок!

— Завеса поднимается только по сигналу раков Альфеусов,— объяснил Звездочет-Клоун.— А тогда Альфеусы молчали...

По дну к завесе ползли другие Крабы, надеясь поживиться тем, кто упадет на дно, сраженный острыми клешнями Стригунов.

Крылатки, подгоняемые Храбрым Ершом, смело мчались к завесе. Уже совсем близко смертоносные цепкие клешни, ясно видны красноватые неподвижные глаза Стригунов. Еще немного, еще...

Но вот Крылатки круто повернули перед самой завесой, и Храбрый Ерш, приподнявшись, швырнул прямо в Крабов мягкий комок, что подарили Смешинке в подземелье. Он был

такой крошечный, этот комочек, по сравнению с необозримой Завесой, что беглецы слабо верили, будто он принесет какую-то пользу.

Ближайший Стригун быстро схватил комочек, который сразу же расплылся в темное облачко, и Краб беспомощно забарахтался в нем. На выручку ему бросились другие — в Крабовой Завесе не должно быть ни малейшей бреши. Но и они, попав в тонкую, едва заметную глазу сеть, немедленно запутывались клешнями и ногами. Биссусная нить оказалась необычайно прочной. Все новые и новые пленники попадали в сеть — под их тяжестью она стала постепенно опускаться на дно, захватывая с собой и тех, кто всплывал снизу на помощь попавшим в беду.

И вот перед беглецами снова чистая вода! А внизу на скалах шевелилась гора запутавшихся в сети Крабов, и каждый спешивший на помощь вояка оставался здесь. О том, чтобы задержать карету, никто и не помышлял: не до того было...

Звездочет-Клоун открыл рот и выпустил Морское Ухо.

— Теперь слушай, — сказал он.

— Лупибей находится в полосе чернил, — сообщило Морское Ухо. — Он уже догадался, в чем дело, и из всех сил попускает свою упряжку. Вот он выбрался на чистую воду... Он совсем недалеко. Я слышу, как режут воду своими рылами Меч-рыбы.

— Даже если нас Акулы не задержат, то скоро настигнет Лупибей, — грустно сказала Смешинка.

— Тогда постараемся, чтобы Акулы задержали нас, — глубокомысленно заметил Звездочет-Клоун, поглядывая на губку, которую держала в руке девочка.

Та удивилась:

— Зачем?

Но мудрец не ответил на ее вопрос:

— Как тебе сказали, в этой губке собраны запахи всех кушаний. Смешинка, смотри на меня: как только я махну тебе первый раз — ты чуть стисни губку, во второй раз — вполсилы, а в третий — дави что есть силы!

Акулы кровожадно зарычали, заметив, что на упряжке

нет пропуска Великого Треххвоста. И Крылатки разом остановились перед их сердитыми мордами.

— Как смеее вы путешествовать без пропуска? — рявкнула Тигровая Акула, оскалив зубы. А лицемерный Морской Ангел вздохнул:

— Придется прервать вашу приятную прогулку...

— Пожалуйста, не задерживайте нас, — попросил Звездочет-Клоун плаксивым жалобным голосом. — За нами гонится Лупибей...

— Что он говорит! — загудели Акулы. — За ними гонится начальник стражи? Да мы просто обязаны задержать вас!

— Что ты наделал? — шепнула Сабира. — Пусть бы мы лучше погибли в их зубах, чем под пытками Лупибей...

Но Звездочет-Клоун тихонько погладил ее, успокаивая.

— О несчастные! — вперед пробилась Китовая Акула. — Вы посмели убежать от Лупибей?

— А что же нам было делать? — жалобно спросил мудрец.

При этом он подал незаметно сигнал, и Смешинка послушно сдавила губку. Акулы сразу же заволновались.

— Какие запахи! Откуда эти чудесные запахи?

— Что нам оставалось делать? — повторил Звездочет-Клоун. — Если мы не убежим от Лупибей, то погибнем.

— Ага! Погибнете!

— Мы просто лопнем, — Звездочет-Клоун икнул. — Мы невероятно... объелись!

— Где вы объелись и чем? — глаза Акул заблестели. — Расскажи!

— На пиру, который устроил владыка. Лупибейу взбрело в голову самому готовить кушанья. Он сказал, что все мы от его блюд будем в восторге. Действительно кушанья получились вкусные, и все гости объелись. Но Лупибей все-таки продолжал всех кормить. «Что ж, пропадать таким блюдам?» — кричал он. Чтобы не погибнуть, мы потихоньку сели в карету и кинулись бежать. До сих пор не можем прийти в себя после такого обеда и вон как отдуваемся, — тут Звездочет-Клоун снова сделал знак, и девочка посильнее сжала губку.

Акулы застонали:

— О, какие прекрасные яства приготовил Лупибей! Даже их запахи сводят с ума!

— Эти запахи несутся из кареты Лупибей,— продолжал мудрец,— он набил всю ее разнообразными яствами и поклялся, что, как только поймает нас, заставит все съесть. Но ведь там столько снеди, что даже Акулы с ней не справятся!

— Не говори так! — сердито закричали Акулы.— Мы можем съесть все, что можно есть.

— И еще столько же! — рывкнула Китовая Акула.

В это время Морское Ухо сказало:

— Лупибей совсем близко. Он рядом!

Звездочет-Клоун посмотрел назад и увидел поблескивающие лезвия Меч-рыб. Они быстро увеличивались, росли на глазах.

— А вот и он! — крикнул мудрец.— Лупибей с целой каретой превосходных кушаний! Слышите, как чудесно они пахнут?

Он махнул в третий раз, и Смешинка сдавила губку изо всех сил обеими руками. Невыразимое благоухание разлилось в воде, как будто распахнули двери огромной кухни, где одновременно готовились тысячи и тысячи вкуснейших обедов.

Что сделалось с Акулами! Они взревели. Закипела вода от ударов мощных хвостов. Крылатки проворно опустились на дно, и беглецы смотрели, как, разинув пасти, над ними проносились Акулы. Неслись они навстречу начальнику стражи, чтобы урвать хоть кусочек из его чудеснейших кушаний.

— Думаю,— сказал Звездочет-Клоун,— что они надолго задержат Лупибей. Точнее сказать — навсегда.

И Крылатки поднялись, торопясь как можно быстрее оставить позади Море Акул, чтобы разгневанные обжоры, обнаружив обман после того, как слопают сгоряча Спрутов и упряжку Меч-рыб, не погнались за ними. Но опасения были напрасны: Морское Ухо, прислушавшись, объявило, что погони больше нет.

Все препятствия остались позади.

— Теперь придется мне вас покинуть,— сказал Звездочет-Клоун.— У меня срочные дела. Я не могу их отложить.

— Но как же мы найдем без тебя Море Счастья? — спросила Смешинка.

— С вами остается Сабира, — улыбнулся он. — О, она тоже многое знает и умеет. Как я подозреваю, ты уже вырастила язык, который доведет тебя до Моря Счастья?

— Вырастила, — ответила Сабира смущенно.

— Тогда я спокоен. Прощайте, мои друзья, мы скоро увидимся!

— Я не спрашиваю тебя ни о чем, — крикнула ему вслед Звезда, — но думаю, что тебе нужно направиться на юг, к островам! Это говорит мой новый язык, знающий все страны света...

— Спасибо! — Звездочет-Клоун был уже маленькой точкой над их головами и продолжал подниматься все выше и выше. Девочка, запрокинув голову, следила за ним, потом вздохнула:

— Ах добрый друг! Мне показалось, что это старый аист опять улетает от меня...

ТАЙНА ДОЛГОПЕРА

И что же? Она не ошиблась.

Звездочет-Клоун, достигнув поверхности моря, так разогнался, что выскочил в воздух, расправил плавники, которые вдруг превратились в широкие красивые крылья, и стал знакомым нам старым аистом. Взмахнув крыльями, Остроклюв радостно крикнул:

— Как долго я не летал! Как долго я не дышал свежим воздухом! Как долго я не видел неба!

Он подсчитал, что сегодня миновало тридцать и три дня с той ночи, когда ведьма наложила на него проклятие. Чары старухи отныне были бессильны!

Остроклюв сделал круг над водой, пристально вглядываясь, но ничего не увидел в сгустившейся синеве. И тогда он решительно повернул на юг, в направлении островов, как советовала ему Сабира.

Он летел целый день, и крылья его с непривычки устали. Внизу по-прежнему расстилалось море, не было видно ни одного островка, где бы он мог сесть и отдохнуть.

Наступила ночь. Остроклюв летел, мерно взмахивая крыльями, глядя на звезды и тяжело вздыхая. Иногда он бормотал:

— Как не хотелось мне... ради этого несносного мальчишки. Но если разобраться, то вовсе не ради него, а ради девочки Смешинки и жителей Кораллового города... Вот только не знаю, согласится ли Каппа пруда Тарусава... и где находится этот пруд.

— Каппа пруда Тарусава? — повторил рядом чей-то то-ненький голосок, и Остроклюв вздрогнул от неожиданности. — Кто осмелился говорить о Каппе?

— А почему нельзя говорить о нем? — удивился старый аист, разглядев в сумерках летевшее рядом странное существо. То была рыба не рыба, птица не птица, а рыба с крыльями. — Кто ты?

— Я Долгопер, летающая рыба. Нас много летает здесь над волнами, и все мы боимся говорить о Каппе пруда Тарусава. Если кто-нибудь услышит и донесет Великому Треххвосту, он погубит нас всех до единого. Но тайна мучает нестерпимо, и хочется поделиться ею с кем-нибудь. — Долгопер понизил голос: — Я вижу, ты не рыба, и тебе можно довериться. Но прежде скажи, откуда ты узнал о Каппе пруда Тарусава?

— Ха! — воскликнул старый аист, напуская на себя равнодушие. — Да я много раз отдыхал в окрестностях этого пруда после дальних перелетов, ловил там лягушек...

— И ты видел Каппу? — воскликнул Долгопер.

— Конечно. Мы часто беседовали с ним.

— О чем?

— О... том о сем.

— А о сыне, о сыне его вы ни разу не разговаривали? — задышавшись от волнения, спросил Долгопер.

— Как же, говорили и о сыне, — осторожно ответил старый аист. — А почему это тебя так беспокоит?

— Наверное, Каппа очень тоскует о нем? — выспрашивал Долгопер.

— Иногда...

— Значит, он уже стал забывать его! — с горечью сказал Долгопер. — А раньше, говорят, он очень, очень тосковал! Сидел и звал его по ночам, высунувшись из воды и горько плача. Но потом он снова становился веселым, как обычно, и только грусть в глазах выдавала его...

— Наверное, у него плохой сын, — осуждающе сказал Старый аист. — Не откликнуться на зов отца! Да он просто непереводный!

— Нет, — возразил живо Долгопер. — Если бы сын мог откликнуться... Но он не может. Он даже не знает, что он сын Каппы!

— Ты говоришь удивительные вещи. Как это сын Каппы не знает, что он сын Каппы? Нет, не могу этому поверить. Расскажи такую историю кому-нибудь более легковверному.

Но Долгопер не отставал и летел рядом, жалобно прося вас слушать его.

— Что ты пристал? Смотри: вон вдаль другая птица. Летит за ней и выкладывай ей свою тайну!

— Не могу, — простонал Долгопер. — Она наверняка ничего не знает о Каппе пруда Тарусава. А какой толк рассказывать тайну тому, кто выслушает ее без всякого интереса? Тайна отскочит от него, как луч солнца от темной поверхности воды. И снова будет жечь меня. Я впервые встретил птицу, которая знает о Каппе пруда Тарусава...

— Хорошо, говори. Почему сын Каппы не знает о своем отце?

— Потому что его напоили волшебным зельем и он забыл отца! Совсем забыл. Он думает, что он сын... — Долгопер нырнул и, вынырнув, очутился у левого крыла старого аиста.

— Чей сын?

— ...что он сын Великого Треххвоста — царевич Капельника! — выпалил Долгопер и резко пошел на снижение. — Ну вот я поведал тебе тайну, которая мучила меня, и теперь я чувствую себя легко-легко!

Но старый аист заложил крутой вираж и поймал Долгопера у самой воды.

— Отпусти! Что ты делаешь? — завопил Долгопер. — На помощь!

Остроклюв быстро летел вперед. Наконец показался пологий берег, старый аист снизился и положил пленника недалеко от воды на влажный песок.

— Вот теперь поговорим.

— Что тебе от меня нужно? — возмущенно взвизгнул Долгопер.

— Продолжения рассказа. Выложив тайну, ты почувствовал облегчение, зато стало тяжело мне, и я захотел узнать, как попал сын Каппы пруда Тарусава к Великому Треххвосту.

— Ты очень любопытен, — проворчал Долгопер, потирая плавники, помятые старым аистом.

— У меня длинный нос, и я люблю совать его во все тайны.

— Великий Треххвост не простит тебе этого.

— Если узнает. Но ведь ты сам заинтересован в том, чтобы он ничего не узнал.

— Все равно, я ничего не скажу тебе.

— Скажешь. Или я оставлю тебя здесь на песке, с которого ты не сможешь взлететь, а утром тебя изжарит солнце и съедят муравьи.

И Долгопер покорно принялся рассказывать.

— Сына Каппы похитили мы, летучие рыбы. Великий Треххвост созвал нас и приказал это сделать. Сначала на разведку вылетели рыбы-Бабочки. Они долго кружились над прудом Тарусава и высмотрели, когда сын Каппы выходит гулять и где он любит лежать, греясь в лучах солнца. Потом отправились Летучки. А вслед за ними большой отряд Долгоперов появился над прудом и стал неслышно снижаться. Но Летучая мышь заметила нас и крикнула Капельке: «Беги!» Ночной Сверчок прервал свою песню, которую он пел для него. Светлячки выстроились вдоль тропинки, освещая ему путь. Но мы схватили Капельку и взмыли в воздух.

На рассвете мы доставили пленника в замок владыки. Лупибей насильно дал ему выпить волшебного зелья, и он забыл отца и место, где родился. «Ты мой сын, царевич», — сказал

ему владыка, и Капелька послушно кивнул головой. Довольный повелитель отпустил нас, строго-настрого приказав никому ничего не говорить. «Иначе ни одного Долгопера не останется в море!» И мы молчали... до тех пор, пока я не проговорился. О, горе мне!

— Ты думаешь, — холодно сказал Остроклюв, — о преступлениях становится известно только благодаря преступникам? Как видишь — не всегда. Иди же! — он поднял его, готовясь швырнуть в море, но передумал. — Нет, погоди... Сначала ты укажешь мне, где находится пруд Тарусава.

— Но ты говорил, что не раз бывал там!

— Я очень забывчив. Вот и теперь я забыл дорогу к пруду.

И они снова полетели — на этот раз впереди Долгопер, а за ним старый аист, который зорко следил, чтобы коварное существо не вильнуло в сторону и не попыталось удрать. Он не верил ему, и когда Долгопер сказал, что там, внизу, поблескивает пруд Тарусава, старый аист объявил, вздохнув:

— Ну вот, наконец-то я могу проглотить тебя, а то давно ничего не ел...

— Не надо глотать меня! — закричал Долгопер. — Я невкусный! В пруду Тарусава ты наловишь много жирных лягушек и славно поужинаешь.

— Но я не слышу ночного кваканья лягушек, — сказал старый аист. — А сейчас как раз их пора.

Долгопер понял, что попался, и занял:

— Я приведу тебя к настоящему пруду Тарусава, клянусь!

— Твоим клятвам я не верю, но помни, что я узнаю, тот ли это пруд, и если ты меня обманул, то пеняй на себя.

Долгопер испугался так, что его плавники задрожали:

— Будь уверен, не обману!

Они поднялись снова высоко, и Остроклюв из любопытства спросил:

— Что же за пруд был там внизу?

Долгопер смущенно пробормотал:

— Пруд Тысячи Выдр...

— И они принимают каждого аиста не очень любезно, правда?

Долгопер промолчал и вскоре стал снижаться.

— Теперь я привел тебя к настоящему пруду Тарусава. Верь мне.

— Я верю не тебе, а себе. Можешь убираться и больше не попадайся мне на глаза.

Обрадованный Долгопер кинулся наутек.

Старый аист неслышно опустился между деревьями и замер, осматриваясь.

Он стоял на тропинке, а над головой шелестели могучие кроны. Там и сям в траве чернели валуны, поодаль стояла легкая беседка с позеленевшей чешуйчатой крышей, от нее вверх на холм вела лестница со стершимися каменными ступенями и белеющими бамбуковыми перилами.

Тропинка привела его к пруду, где басами неумолчно кричали лягушки-быки и рогатые лягушки. Пруд зарос листьями кувшинок. Кое-где белели цветы водяных лилий. Посреди пруду

да на замшелых валунах росли карликовые сосны. А у самой воды на берегу красивейшим цветком блистал маленький домик из чистого золота. Блики от его стен ложились на воду, и она светилась. Там нежились в лучах золотые и серебряные толстогубые карпы. От воды поднимались нежные белесые нити тумана и растворялись вверх.

Старый аист трижды взмахнул широкими крыльями и очутился на маленьком островке. А едва опустил, увидел: крошечный человечек, нежно розовея обнаженным телом, лежал на замшелом камне животом вниз. Он чуть приподнялся, настороженно глядя на пришельца и готовый в любой миг скользнуть в воду.

— Не бойся меня,— сказал Остроклюв.— Мы, аисты, любим младенцев.

— Я не младенец,— ответил человечек, поправляя повязку на бедрах.— Уже много-много лет я живу на свете. Я стар, как этот пруд, и эти деревья, и эта земля...

— Тогда, значит, ты очень счастлив. Только счастливые выглядят всегда молодыми.

— Да, я счастлив, потому что люблю свою судьбу, хотя иногда она бывает горька.

Остроклюв огляделся и вздохнул:

— Какой красивый пруд!

— Да. В такие ночи, созерцая красоту, примиряешься даже с горем, ибо красота будет жить вечно...

— В твоей речи настойчиво звучит нотка печали. А мне рассказывали о Каппе пруда Тарусава, как о самом веселом существе. Его шутки так смешны и остры, что поневоле забываешь о всех своих бедах и печалях,— говорили мне.

— Тот, кто сам не знал горя, не сумеет заставить других забыть о нем,— вздохнул Каппа.

— Расскажи о своей беде, может быть, я помогу тебе.

— Нет! Прохожий может лишь снять соринку с чужой головы или сдвинуть с дороги мешающий камень. Но он не может врачевать сердце.

— Но прохожий может извлечь песчинку из глаза или кость, застрявшую в горле,— возразил старый аист и поло-

жил перед Каппой тоненький золотой перстень.— Тебе сыновний привет от Капельки...

И показалось ему, что солнце осветило лицо Каппы — так оно просияло от радости. Он схватил перстень и прижал его к груди.

— О сын мой! Наконец-то я услышал о тебе! Ты жив, ты подаешь знак!

— Да, он жив, Каппа,— ответил Остроклюв.— Но он не свободен.

— Я знал, что его держат в заточении, иначе он давно убежал бы и вернулся ко мне. Скажи, где эти решетки?

— Они не простые,— вздохнул Остроклюв.— Это решетки зла.

И он рассказал, как встретил по пути Долгопера и тот проговорился, рассказав о похищении Капельки.

— До сих пор меня удивляло, почему царевич при кажущемся его благородстве так легко уступает Лупибею, Великому Треххвосту и старается не вмешиваться в их злодеяния. Теперь я понимаю: ядовитое зелье отуманило его душу.

Каппа поник головой.

— Чего ты хочешь от меня? — произнес он.

— Помощи. Горюя здесь, на этом камне, не вернешь сына Капельку. Садись ко мне на спину, и мы полетим туда, где он томится, чтобы освободить его. Но томится он не один, и освободить его можно, только освободив жителей замка и Кораллового города.

— Понимаю,— сказал Каппа.— Если упавшее дерево придавило пять птенцов, нельзя вытащить одного, не приподняв дерево и не освободив всех.

— Но птенцов можно освободить одной силой,— добавил Остроклюв,— а для того чтобы освободить морских жителей, нужна не только сила, но и ум, смелость, отвага... Так не теряй времени. Садись и летим! Ведь и на земле люди ждут, когда я верну им утерянную радость.

Через минуту над старым парком и чудесным прудом взмыл вверх чеканный силуэт старого аиста. На его спине, крепко вцепившись в перья, сидел Каппа пруда Тарусава.

— Если вокруг мрачного замка Великого Треххвоста столько сторожевых поясов, то сколько же их должно быть вокруг Моря Счастья? — сказала Смешинка. — В замке жить несладко, но как его охраняют! А уж в Море Счастья все хотят попасть, наверное. Отбоя нет!

— Да, видать, там охрана поставлена что надо, — поддакнул Храбрый Ерш. — Не прорвешься... Но где оно?

И он с сомнением посмотрел на Сабиру, которая уверяла их, что плывут они правильно.

Крылатки устали, и карета опустилась на дно. Путники сошли прогуляться.

— Надо спросить кого-нибудь, туда мы плывем или нет, — Храбрый Ерш ухватил пробежавшего мимо Шримса-Медвежонка.

— Скажи нам, где Море Счастья?

— О-о! В Море Счастья не каждый попадет! — Шримс-Медвежонок хитро улыбался.

— А кто же? — придвинулись к нему путники.

— Узнаете... В ту сторону поезжайте и узнаете, — Шримс-Медвежонок вырвался и проворно нырнул в какую-то щель.

— Я же говорила, — сказала Смешинка, — там охрана — ого!

Они сели и задумались. Что же делать? Вдруг раздался то-ропливый стук Морского Уха.

— Тревога! Тревога! Я опять слышу погоню!

Все вскочили.

— Какую погоню? Кто гонится?

— Лупибей.

— Но ведь Акулы растерзали его.

— Значит, не растерзали. Я слышу его голос... он кричит.

Ох, плохи наши дела! Горе нам!

— Что такое? — переполошились беглецы.

— Он напал на наш след.

— Да как же он сумел? — удивился Язык. — Море такое большое!

— В его карете находятся три Угря-сыщика. Их носы учуют в воде даже прошлогодний след крохотной Пандаги — рыбы-Муравья. А уж по нашим следам они идут, нигде не сворачивая. Меч-рыб в упряжке теперь вдвое больше, и несутся они, не останавливаясь ни на миг.

— Тогда и нам нельзя задерживаться. В путь! В путь!

Со стонами впряглись Крылатки в карету и потащили ее. Храбрый Ерш поплыл рядом, чтобы не перегружать карету, и заставил Языка сделать то же.

— Сколько дней пути до Моря Счастья? — спросила Смешинка.

— Три, — грустно ответила Сабира.

— А скоро ли нас догонит Лупибей?

— Он догонит нас за один день, — печально прошелестело Морское Ухо.

— Веселее смотрите, друзья! — воскликнула Смешинка. — Нам осталось жить целый день. Большой прекрасный день!

Карета плыла над угрюмыми скалами, на которых там и сям виднелись воротники актиний. Потом скалы кончились. Потянулся ровный желтый песок. Путешественники увидели, как впереди вырастает какая-то голубая гора. Они подъехали поближе и оказались перед лежавшим на песке большим синим Китом. Он заговорил, глядя на них помутневшими от страдания глазами:

— Сжальтесь надо мной, проплывающие! Замучили меня прилипалы, присоски и баланусы. Не могу дальше плыть, опустился на дно и задыхаюсь. Если вы не поможете, не снимете с моей шкуры паразитов, то я погибну.

— А если мы остановимся, то тоже погибнем...— возразил было Язык, но Смешинка оборвала его:

— Ну и пусть! Зато спасем Кита! А так и мы погибнем, и он,— какая же от этого будет польза!

— Верно,— согласился Храбрый Ерш.— Неужели мы так боимся Лупибей, что откажемся помочь Кита и пустимся удирать?

— Это будет большое дело нашего последнего дня,— добавила Сабира.

Они остановили карету и принялись обдирать с кожи Кита присосавшихся противных паразитов. Их было видимо-невидимо.

— Чего пристали к бедному Кита? — кричал Храбрый Ерш.— Обрадовались, что можно жить на дармовщинку? Нет, поползайте по дну, потрудитесь, собирая корм, нечего на чужой спине ездить!

На удивление, они довольно быстро закончили работу. Кит облегченно взмахнул хвостом и сказал:

— Спасибо вам от всего сердца! И счастливого пути!

Он не знал, что беглецов вот-вот догонит свирепый Лупибей. А они не стали ему говорить об этом, чтобы не расстраивать доброго Кита. Ведь он выглядел таким счастливым!

— Погоня совсем близко,— сказала Морское Ухо.— Мы даже и до вечера не доживем.

Но почему-то Лупибей не догнал их до вечера. Ночь застала беглецов на дне. Обессиленные Крылатки тащили каре-

ту, а Храбрый Ерш и Язык помогали им. Смешинка подталкивала карету, толком не зная, зачем она это делает. Ведь скоро уже никакая карета не будет нужна им.

Потом они свалились и тут же заснули. На рассвете Звезда разбудила всех:

— Эй, вставайте! Или вы хотите попасть в щупальца Спрутов сонными?

Они вскочили, растерянно озираясь. Лупибей до сих пор не догнал их! А ведь его упряжка не останавливается и ночью!

— Карету Лупибей засосал песок,— пояснило Морское Ухо.— Я слышу, как Меч-рыбы выкапывают ее, а Спруты тащат.

Крылатки с новыми силами замахали плавниками.

— Значит, мы неожиданно-негаданно получили в свое распоряжение еще один большой-большой день! — закричала Смешинка.

Все радостно рассмеялись.

— Осторожнее! — предупредил Язык.— Впереди заросли. Как бы нам не запутаться в них...

— И тут они услышали тоненькие испуганные голоса:

— Спасите! Помогите!

— Кто кричит? — насторожился Храбрый Ерш.

Из зарослей толстой травы zostеры высунулись остренькие мордочки:

— Это мы кричим, Карасики! За нами гоняется зубастый Окунь. Он хочет погубить нас. Спасите!

— А вот мы сейчас ему покажем!

Храбрый Ерш распряг Крылаток, приказал им спрятаться в траве и стал с важным видом прогуливаться у зарослей.

Долго не пришлось ждать. Из-за толстых стеблей выскочил Окунь с выпученными побелевшими глазами и распахнутой пастью, усеянной острыми зубами.

— Ага, попался! — заорал он и, не разобравшись, бросился было на Храброго Ерша, но тот выставил свои колючки, свистнул, и девять грозных ядовитых Крылаток-Скорпионов выскочили из зарослей. Увидев их перед собой, Окунь побелел от страха и задрожал:

— Я... я ошибся, простите! Не буду-у! — и с воплем бросился наутек.

Храбрый Ерш крикнул вслед:

— Смотри, не ошибайся впредь!

Обрадованные Карасики выскочили из травы и устроили целый хоровод вокруг путников...

Карета отплыла уже далеко, а сзади доносились звонкие голоса:

— Спасибо вам! Счастливого пути!

Вечером Смешинка сказала:

— Вот и второй день минул, а Лупибей так и не догнал нас. В чем дело, Морское Ухо?

— Теперь его задержали водоросли. Он въехал прямо в них, туда, где прятались Карасики, и запутался там. Меч-рыбы рубят зостеру.

— Вот видите! — сказал Язык. — Я вовремя предупредил Крылаток, чтобы они держались подальше от зарослей.

Он с удовольствием потянулся и тут же заснул.

Едва только рассвет стал пробиваться сквозь толщу воды, Сабира опять разбудила путешественников.

— Если мы сегодня поднажмем, то, может быть, выскользнем из лап Спрутов. Скорее, скорее, друзья!

— До Моря Счастья остался лишь день пути, но почему-то мы до сих пор не встретили ни одного дозорного! — недоумевала Смешинка.

— Еще, наверное, встретим! — сказал Храбрый Ерш.

Но за весь день им никто не встретился, если не считать рыбу-Рохлю, кружившую на одном месте. У нее был такой растерянный вид, что Смешинка сразу же остановила карету и окликнула Рохлю:

— Вы что-то потеряли?

— Представьте себе, потеряла! — всплеснула та плавниками. — Несла моим ребятам и вот выронила...

— Что?

— Раковину! Красивую такую раковину. Вот бы игрушка была моим детишкам! Да жаль, выронила... Слепая я, не вижу... Если бы вы помогли...

— Что ты! Что ты! — ужаснулся Язык. — Только мы оста- новимся — нас сцапает Лупибей.

— Да, он уже близко, — подтвердило Морское Ухо.

Но Смешинка вышла из кареты.

— И вчера, и позавчера он гнался за нами, а мы, несмот- ря на это, помогали всем. Так неужели в последний день мы струсим и не поможем Рохле отыскать игрушку?

При слове «струсим» Храбрый Ерш встрепнулся:

— Конечно, поможем! Что мы, Лапшевники, что ли? — И он энергично бросился шарить между камней.

— Какая она с виду, эта раковина?

— Розовая внутри, с жемчужными переливами, а снару- жи красивые серо-голубые завитки. Детишки играли бы с ней не наигрались!

Долго искали они пропавшую раковину. Смешинка пора- нила колени об острые камни. Храбрый Ерш ободрался, а Язык нервничал и тыкался без толку то в одну щель, то в другую.

Вдруг Рохля обрадованно вскрикнула:

— Вот она! Нашлась! Оказывается, и не терялась раковина вовсе, а тут, рядом со мной, лежала. Вы уж простите меня, милые.

— Что ты! — сказала Смешинка. — Хорошо, что она наш- лась. Ну-ка, посмотрим, какая раковина.

Рохля с гордостью показывала им игрушку. Действитель- но она была очень красива.

— Такую стоило поискать! — одобрил Храбрый Ерш. — Будет детишкам потеха.

А Рохля все извинялась и крикнула вдогонку:

— Хорошие вы ребята! Другие заругали бы меня за на- прасные поиски... Спасибо вам! Счастливого пути!

Когда они отъехали подальше, Храбрый Ерш спросил:

— Ну, Морское Ухо, сколько счастливого пути нам оста- лось? Наверное, скоро уж драка с Лупибеем?

— А знаете, — сказала Морское Ухо, — произошло что-то странное. Кажется, карета застряла опять. В камнях возле Рохли. Лупибей на чем свет стоит ругает ее за то, что задер- жала их, и грозитя расправиться с ней...

- Бедная Рохля! — встревожилась Смешинка.
- Вот он слез... направился к ней. Кричит!
- Что кричит?
- «Дельфины! Дельфины! Спасайся, кто может!»
- Дельфины? — удивилась Смешинка. — Но ведь мы были там и не видели никаких Дельфинов. Может быть, ему помешалось?
- Слышен шум битвы между дельфинами и Меч-рыбами, — продолжало Морское Ухо. — Треск! Они гонят прочь упряжку!
- Ура-а-а! — закричали беглецы. — Мы спасены! Ура!
- И обнявшись, они принялись танцевать.
- Смотрите, смотрите, — заговорили Крылатки. — Какая чистая здесь вода! Как легко дышится! Как радостно плыть!
- Где же мы? — удивленно воскликнула Смешинка. — Куда мы попали?

И множество смеющихся звонких голосов донеслось сверху:

— В Море Счастья! Приветствуем вас, дорогие гости!

Они подняли глаза и увидели, как скользят к ним грациозные улыбающиеся Дельфины...

— А как же охраняется Море Счастья? — задала Смешинка мучивший ее вопрос, когда Дельфины подробно расспросили ее и спутников, зачем они прибыли к ним. — Мы нигде не видели охрану.

— От добрых охрана не нужна, — отвечали Справедливые Дельфины Сольдий, Фригий и Эллий. — Пожалуйста все, будьте гостями или оставайтесь у нас жить! Главное, чтобы злые не проникли, потому что здесь живут в мире и дружбе, никто никого не обижает.

— А как же вы отличаете добрых от злых? Ведь с виду он, может, и добрый, а в душе — злой-презлой! — заметила Сабира. — Вот, например, Морской Ангел. С виду Ангел, а на самом деле — та же Акула.

— И наоборот, — сказала Смешинка. — Посмотрите на Храброго Ерша, какой он сердитый. Но я знаю: он очень добрый.

— Да ну тебя! — проворчал бунтарь.

— Наших стражей никто не обманет, — сказали Дельфины. — Вас тоже проверили и убедились, что можно пропустить в Море Счастья.

— Стражей мы не видели... Кто же проверял нас?

— Замученный паразитами Кит, маленькие испуганные Окунем Карасики, растеряха Рохля — все, кто просит о помощи проплывающих и проползающих мимо, проверяют, насколько они добры. И вы, несмотря на то, что спешили уйти от погони, все же нашли время и силы помочь им избавиться от беды.

Беглецы растерянно переглянулись.

— Но так должен сделать каждый...

— Да, должен, а делает только добрый и великодушный: с теми же просьбами Кит, Карасики и Рохля обращались к Лупибею, и в ответ слышали лишь брань и угрозы.

— А что случилось с Лупибеем и Спрутами?

— Их прогнали. Они получили по заслугам.

Путешественникам показали Море Счастья. Жизнь здесь была сплошным праздником: обитатели играли на богатых подводных лугах, выискивали пищу, отдыхали — и все это без страха, ссор, без тени недружелюбия. Все, кого встречали путешественники, разговаривали с ними спокойно, открыто, с достоинством. Даже пугливые Креветки и скрытные Устрицы здесь никого не боялись и неспешно занимались своим делом. Было удивительно видеть нежных Креветок, спавших прямо на лугу, а не съжившихся под листочками, или Устриц, распахнувших свои створки и делающих внутри уборку...

А когда карета проплывала над колонией Жемчужниц, на них нельзя было смотреть — так нестерпимо они блестели. Почти в каждой раковине сияла прекрасная жемчужина.

Дельфины выбрали самую лучшую жемчужину, отливающую шелковистым лунным светом, и подарили ее девочке Смешинке.

— Помни, — сказал Сольдий, — внутри каждой, самой удивительной жемчужины — простая песчинка.

Путешественникам очень нравилось Море Счастья, но нужно было торопиться. Коралловый город в опасности!

Дельфины согласились помочь его жителям.

— Мы будем сражаться с вами против Треххвоста и Лупибей, — сказал Сольдий.

Дельфины Сольдий, Фригий и Эллий впряглись вместо Крылаток, которые важно расположились в карете вместе со всеми.

— Держитесь крепче! — крикнули Дельфины и так понеслись, что вода загудела вокруг.

По пути Дельфины всплывали наверх, чтобы глотнуть свежего воздуха, а потом мчались еще быстрее. Тяжелые неповоротливые Киты уступали им дорогу, стаи рыб приветствовали их, тюлени прощально махали ластами.

Не успели наши путешественники оглянуться, как оказались у стен Кораллового города. И вовремя: жители ничего не знали о надвигающейся опасности.

В городе с утра до вечера звучал веселый смех, который заставлял быстрее биться сердца и зажигал весельем глаза. Все смеялись!

Но Храбрый Ерш был по-прежнему серьезен и озабочен. Целыми днями он носился по городу и защитным стенам, призывал жителей готовиться к бою.

Однажды он появился во дворце и спросил Смешинку и Сабиру:

— Где Морское Ухо?

Морское Ухо они нашли глубоко в подвале под защитной стеной.

— Здесь никто не мешает слушать,— пояснило Морское Ухо.— В городе сейчас слишком шумно, и я попросил Крылатку Фа перенести меня сюда. Хорошо, что вы пришли. Есть важные новости.

Смешинка и Сабира тревожно переглянулись.

— На город надвигается войско Великого Треххвоста, которое ведет царевич Капелька. Вместе с ним начальник стражи Лупибей.

— Ох! — Смешинка закрыла лицо руками.— Неужели царевич будет воевать с жителями Кораллового города...

Как только Храбрый Ерш узнал о том, что войско Великого Треххвоста скоро должно быть у стен города, он сразу же объявил военное положение и созвал совет, в который входили полководцы Белуха, Чавыча, Палтус и Морской Петух-Тригла.

— Я, главнокомандующий силами города Храбрый Ерш, объявляю заседание совета открытым! — торжественно сказал он.— Итак, получено чрезвычайно важное сообщение от всезнающего Морского Уха. На нас движется армия. Кроме того, не нужно забывать, что в скалах у города засели Спруты и Каракатицы, которые в любой момент могут напасть на город.

Прошлой ночью силами добровольцев Колюшек, Кузовков и Гольцов мы пытались атаковать их, но оказалось, что на подходах затаились Лягвы — Морские Черти. Добровольцы падали на них и отступили...

Он перевел дух и торжественно оглядел полководцев. Все слушали серьезно, никто не смеялся и не улыбался. Было не до смеха — такая силища движется на город!

— Враг силен, — глаза командующего сверкали. — Но мы будем биться до победы! Мы им покажем!

— Может быть, лучше сдаться? — испуганно предложила толстая Чавыча.

— Сдаться? — гаркнул Храбрый Ерш. — Никогда! Кто не согласен сражаться, может уйти с совета. Ну?

Чавыча робко поглядела на всех и боком-боком двинулась к двери...

— Кто же будет пятым полководцем? — спросила Белуха.

— Войдите! — крикнул Храбрый Ерш, и в зале дворца появилась Девятиглая Колюшка. — Вот кто будет полководцем! Она храбро билась во время ночной вылазки.

Девятиглая Колюшка важно заняла свое место.

— Силы явно неравны, — продолжал Храбрый Ерш. — Но мы для того и собрались, чтобы обсудить, как отстоять свободу. Дельфины обследовали город и подступы к нему и предложили план обороны...

До глубокой ночи длился совет полководцев в Большом зале дворца. Было решено встретить первых же нападающих тучей Игл и Морских Стрелок, а потом обрушить с защитных выступов груды камней, которые погребут не только первые ряды Акул, но и ворота — таким образом вход в город будет наглухо закрыт.

— А потом пусть пролезают сквозь бойницы по одному. Мы устроим каждому хорошую встречу.

Никто не заметил, как чуть шевельнулся бугорок в дальнем углу зала. Дракончик-шпиончик 13-13 только одному ему известными ходами проник во дворец и теперь подслушивал все, что говорилось на совете. А когда полководцы покинули зал, 13-13 неслышно скользнул в коридор. Оттуда он пробрал-

ся в подземелье и через некоторое время уже был в скалах за городом и докладывал обо всем Спрутам.

В это время у Смешинки шел другой совет, о котором не только Дракончик-шпиончик, но и главнокомандующий Храбрый Ерш не знал. Тут были Сабира, Морское Ухо, Альмина, Ласточка, Чернобровка и Черноспинка, Плотвичка-Гимнастка и Кузовок. Этот совет кончился тоже далеко за полночь.

— Итак, Великий Треххвост остался в замке,— говорила Смешинка.— Поэтому я думаю, наше дело увенчается успехом.

— Придется крепко поработать,— сказали Чернобровка и Черноспинка.— В городе насчитывается сто тысяч раковин Пинна. Они дадут нам нити. Пятьдесят тысяч раковин Мурекс дадут краски. Две тысячи Морских Ежей снабдят нас иглами для шитья, а тысяча Коньков-Тряпичников сошьют за два дня то, что нужно.

— При условии, что все мы будем дружно помогать Конькам,— добавила Плотвичка-Гимнастка.— Я и мои подружки готовы.

— Тогда за дело!

Было ясное солнечное утро, когда войско Великого Треххвоста подошло к стенам Кораллового города.

Первыми, как всегда, приближение врагов заметили Телескопы. Они круглосуточно несли дозор и пристально следили за каждым подозрительным движением. Так, еще с рассвета они заметили необычное оживление в скалах вокруг города. Вскоре оттуда поднялся отряд Каракатиц и стремительно удалился навстречу войску. Защитники города не знали, что Каракатицы поспешили передать Лупибегу сведения о готовящейся обороне.

Развернувшись широким фронтом, двигались кровожадные Акулы. Впереди всех, чуть пошевеливая хвостом, медленно рассекала воду громадная Китовая Акула, на которой восседал царевич Капелька, закованный в перламутровый пан-

цирь, с лицом, закрытым серебристой кольчугой. Вокруг него расположились рыбы-военачальники — Адмиралы, Генералы, Капитаны. Был даже один Кардинал.

Рядом, то обгоняя, то отставая, в окружении личной охраны носился в своей карете Лупибей. Он без конца выкрикивал призывы покончить с мятежниками.

— После победы вы будете пировать в городе три дня и три ночи! — орал он. — Город будет ваш!

От этих обещаний глаза Акул наливались кровью, Крабы еще быстрее перебирали ногами, Кальмары то бледнели, то темнели от жадности, а Медузы усиленно накапливали яд.

Каждая Акула была окружена Лоцманами и Прилипалами, которые сутились изо всех сил. Лоцманы то и дело подплывали к Капитанам, чтобы сверить курс своих хозяек, а Прилипалы нежно щекотали Акул под плавниками. Все они надеялись, что на пиру победителей им перепадут лакомые куски.

Множество Крабов, снятых с мрачных скал, шли по дну, сметая все живое. Над ними молниеносно проносились Кальмары с развевающимися щупальцами. Их было так много, что казалось, будто надвигается сплошная туча из щупалец.

Войско встало у города, и от него отделилось десять больших Акул-Молотов. Они выстроились вереницей, разогнались и помчались к воротам, намереваясь с ходу разбить их своими тяжелыми орудиями.

По сигналу Храброго Ерша ударила из амбразуры пушка. И тотчас туча Игл вылетела из бойниц навстречу Акулам. Но что это? Иглы со звоном отлетают в стороны, а Молоты все так же неудержимо и грозно мчатся дальше.

Главкомандующий понял, что кто-то проведал об их замысле, предупредил врагов, и Молоты надели серебристые кольчуги. Точно: вот блестят чешуйки в солнечных лучах. У него вырвалось проклятие.

— Камни! — закричал он во все горло.

И едва Молоты приблизились к воротам, сверху обрушились тяжелейшие глыбы, которые таскали всю ночь жители на защитные выступы. Вот-вот попадут Акулы под гранитные обломки и будут похоронены под ними. Это устрешит других нападающих.

Но Молоты резко свернули в сторону, и удар пропал зря: камни лишь завалили ворота, но никто из врагов не пострадал.

А из скал лезли Спруты. Они принялись деловито разбирать завал. Пущенные в них остатки Игл не причинили вреда: Спруты тоже были надежно защищены кольчугами.

— Эй, все сюда, к воротам! — закричал главкомандующий. — Закроем их своими телами!

— Зачем телами? — раздался откуда-то сверху знакомый голос. — Разве нет другого способа защиты?

Осажденные подняли головы. Сверху, откуда приходили солнечные лучи, быстро спускались двое.

— Это Звездочет-Клоун! — крикнула громче всех Сибиря.

Второго не знал никто. Маленький, стройный, в узкой набедренной повязке и с небольшой сумочкой на боку, он сколь-

зил рядом со Звездочетом-Клоуном. Его большие выразительные глаза с любопытством рассматривали окружающих.

— Зачем же своими телами? — повторил мудрец, опускаясь рядом со Смешинкой. — Вой только начался, и тела пригодятся нам...

Он крепко обнял девочку Смешинку, погладил Сабиру, поздоровался с Храбрым Ершом. Тот угрюмо рассматривал незнакомца:

— Уж не лазутчик ли это Великого Треххвоста?

— Нет, это мой друг Каппа. Лазутчики не появляются в разгар битвы. Они заранее выведывают тайны врагов... Кажется, именно это у вас и произошло.

Храбрый Ерш кивнул:

— Они разнюхали все, что мы говорили на совете!

— А где проходил совет? Ах, в Большом зале дворца? Нужно было перед советом пошарить по углам, помнится, там были любимые гнездышки Дракончиков-шпиончиков...

Полководцы Палтус и Тригла наперебой рассказывали Звездочету, как расположилось войско вокруг города.

— Значит, там, на Китовой Акуле, сам царевич? — мудрец переглянулся с Каппой. — А нельзя ли его оттуда выкрасть? Наверху я видел трех Дельфинов. Они сказали мне, что ждут задания...

Но главнокомандующий уже умчался к воротам, на ходу отдавая распоряжения. Там плотной стеной, приготовившись к смертному бою, стояло его храброе войско: Ерши, Ерши полосатые, Ерши-носари, Ерши тихоокеанские, Ерши-задиры, Ерши-попробуй-тронь. За ними теснились самые отчаянные Ошибни, Бычки, Рябчики, Кузовки. Гольцы.

А по другую сторону ворот завал из камней был уже разобран, и Молоты снова ринулись на штурм. Разгоняясь с громадной скоростью, они ударяли в ворота так, что раздавался треск. Створки подавались... и вдруг распахнулись настежь.

С диким гиканьем, пронзительными криками вырвался из города летучий отряд, предводительствуемый самим главнокомандующим. Вооруженный двумя гипнотизидами, он поднырнул под первую Акулу-Молот и полоснул ее так, что она тут

же перевернулась кверху брюхом. Вторая Акула была атакована тремя Ершами-задирами. Она взвыла от ударов и бросилась наутек. Остальные в панике повернули обратно.

Со стены ударила пушка — сигнал к отступлению. И вовремя. К воротам уже мчались Кальмары. Едва успел последний Ерш нырнуть в ворота, как створки их захлопнулись, придавив чье-то ретивое щупальце.

Главнокомандующий торжествовал.

— Дали им как следует, а? — поигрывал он гимнотидами. — Подумают, прежде чем сунуться!

Но в ворота уже с треском ломились Гигантские Кальмары. Зацепившись крючками щупалец, они изо всех сил дергали и раскачивали створки.

И тут Храбрый Ерш увидел странное шествие. Ласточки, Чернобровки и Черноспинки несли наполненные желтоватой жидкостью раковины Мидий. Плотвички-Гимнастки катили колючих Морских Ежей. За ними двигались маленькие Брыз-

гуны и нахохлившиеся Крылатки. Все они поднимались к бойницам и занимали там места.

— Эй, кто приказал? — закричал Храбрый Ерш.

— Это я, — сказала Смешинка. — Не приказала, а попросила.

Храбрый Ерш вытаришил глаза от удивления: «мелюзга» готовилась к бою! Они раскладывали свое «рукоделие» у бойниц и озабоченно поглядывали вниз.

А внизу творилось жуткое. У стен копошились Спруты. Кальмары и Каракатицы стрелами носились вокруг, выискивая малейшую щель и забрасывая чернильные бомбы. Акулы ревели, разеваая зубастые пасти и готовые ворваться в город. Крабы карабкались вверх по стенам, царапая кораллы клешнями.

Ласточки и Чернобровки принялись бросать вниз, на Спрутов и Кальмаров, маленькие ракушки с желтоватой жидкостью, и тотчас раздавались душераздирающие крики врагов.

— Что это? — ошеломленно спросил Храбрый Ерш. — Что за невиданное оружие?

— Страшная кислота морских фиников, которой они прожигают камни, — ответили Ласточки. — Сегодня ночью все финики города дали нам свою кислоту.

— Молодцы! — расчувствовался главнокомандующий. — Вон сколько урону нанесли врагу! Жалко только, что кончилась кислота...

— Ничего. Зато найдется другое.

Заметив, что смертоносные раковины больше не падают сверху, Акулы, Кальмары и Осьминоги снова пошли на приступ. Этого только и ждали Брызгуны. Они отламывали у Ежей длинные иглы и подносили к колючкам Крылаток. На концах колючек появлялись вязкие маленькие капли яда. Брызгуны снимали яд ежовой иглой, и как только в бойнице показывался глаз или бок врага, выстреливали с непостижимой быстротой и меткостью — ни одна игла не пропала даром!

Едва отравленная игла вонзалась в тело врага, он тут же испускал дух. Это на некоторое время охладило пыл противников. Они отхлынули подальше. Тогда иглы полетели вниз

на копошившихся Спрутов. Те моментально сменили победный цвет на защитный и, слившись с камнями, стали уползать.

— Смотрите, они заколебались!

В стане Великого Треххвоста царила нерешительность. Изрядно потрепанные Акулы уже не хотели идти в бой. Крабы выжидали у стен. Кальмары кружили в некотором отдалении. К ним подплыл на Китовой Акуле царевич и начал что-то говорить, указывая на город.

— Он призывает их атаковать ворота,— сказало Морское Ухо.

— Пока он стоит во главе, на спасение надеяться нечего,— хмуро сказал Храбрый Ерш.

— Все-таки нужно его выкрасть,— посоветовал Звездочет-Клоун.

— А как?

— Если бы Дельфины могли принимать защитную окраску так же, как Осьминоги...— вздохнул Каппа...

— Может быть, покрасим их под цвет моря? — предложил Звездочет-Клоун.— Наберем побольше ярко-голубой краски...

— Нет у нас такой краски,— Смешинка грустно переглянулась с Ласточкой.— Осталась только пурпурная...

— Много? — обрадовался Звездочет-Клоун.— Тогда чего же проще: покрасим и Дельфинов, и море в пурпурный цвет!

Тотчас позвали Дельфинов, два Бентозавра-носильщика приволокли чан пурпурной краски, полученной от раковин Мурексов. Пришел неторопливый маляр Менек со своими кистями из морских перьев. Он обмакнул кисть в чан и провел по боку Дельфина Сольдия. Бок сразу же стал ярко-красным.

— Ой как красиво! — взвизгнули Чернобровка и Черноспинка.

А зеленая Перепелка принялась шмыгать между чаном и Меньком так, что на нее тоже попало несколько капель, и она запестрела пурпурными пятнами (с тех пор она такой и осталась).

— Кыш отсюда! — замахнулся на нее Менек.— Не мешай!

Он выкрасил Дельфинов, а оставшуюся краску разлил в пустые половинки раковин, как приказал Звездочет-Клоун.

После этого у ворот были собраны все рыбы-Листы, какие были в городе. Каждая из них взяла раковину с краской, ворота чуть приоткрыли, и Листы стали выплывать и подниматься вверх. Со стороны казалось, что это сквозняком выносит действительно попавшие невесть откуда в город листы — у каждой рыбки даже маленький усик свисал вниз, словно черенок.

Листы всплыли на поверхность и стали медленно двигаться к врагам. И как раз в это время царевич вернулся с большей частью Кальмаров и теперь спешно выравнивал фронт. Морское Ухо сообщило, что царевич готовит новый штурм. Теперь он сам поведет войско в атаку. Его Китовая Акула будет таранить ворота.

— Приготовить пушку! — приказал главнокомандующий.

Пушкарь Омар забил в ствол толстый морской огурец.

Фронт Акул изогнулся и двинулся к городу. Впереди, выставив страшное тупое рыло, набирала скорость для удара Китовая Акула. На широкой спине ее стоял царевич, вооруженный рыбой-Саблей.

Раздался страшнейший удар, створки ворот разлетелись вдребезги. Но сами ворота оказались узковатыми для брюха Китовой Акулы: она застряла в них, беспомощно виляя хвостом.

Пушка гулко выстрелила, и морской огурец, перелетев через Китовую Акулу, попал прямо в глаз Лупибегу, мчавшемуся на подмогу царевичу.

— Ай-яй-яй! — завопил Спрут, хватаясь за глаз.

К нему сразу же подскочил Хирург и наложил черную повязку. А когда Лупибей открыл наконец уцелевший глаз, ему показалось, что все море вокруг в крови.

Но то была не кровь, а краска, которую вылили из раковин Листы, услышав выстрел пушки. Войско остановилось в недоумении. Откуда кровь, уж не из Китовой ли Акулы? Все усиленно приняхивались. А в это время сверху скользнули три красные тени — Дельфины. Один рванул за хвост Китовую Акулу, второй укусил за плавник, а третий схватил царевича. Тут же все Дельфины разом взмыли вверх и перескочили через защитную стену в город.

Заревев от боли, Китовая Акула с силой взмахнула хвостом и вырвалась из плена. Этим сразу же воспользовался Лупибей.

— Вперед! Ворота открыты! Все в бой! — заорал он, но поскольку сам не двигался с места, то и все остальные стояли.

— Трусые! — багровея, Лупибей тряс щупальцами. — Вперед, город наш!

— А где царевич? — раздались голоса. — Его нет... Он погиб!

— Мы возьмем город без него! Ворота открыты — город в нашей власти!

Это подстегнуло нападающих. Они двинулись к воротам.

— Полки резерва — в бой! Все на штурм! — надрывался Лупибей.

А в это время Храбрый Ерш поставил у ворот свое войско для последнего боя.

— Как только покажется первый нападающий — бросаемся в атаку! — наставлял он.

Все ближе и ближе стена врагов...

— Ну, кажется, пора, — сказала девочка Смешинка.

— Да, пора, — ответили Ласточки, Чернобровка и Черноспинка, мышка Альмина, Плотвичка-Гимнастка, Кузовок и Сабира. — Пора!

В полной тишине забарабанил Крокер. Главнокомандующий, напрягшийся для последнего броска, оглянулся.

Из Голубого дворца медленно выползал Великий Треххвост.

~ ~ ~ САМОЗВАНЕЦ ~ ~ ~

Храбрый Ерш видел владыку моря только за прозрачной стеной, и хотя его громадные размеры поразили бунтаря, но он не испытывал такого острого страха, потому что чувствовал себя несколько защищенным прозрачной стеной. Теперь же, столкнувшись с ним нос к носу, он показался сам себе рачком Капшаком перед Китом.

И все же Храбрый Ерш не струсил, не убежал. Растопырив ключки, схватив свою верную гимнотиду, он ринулся на владыку. Тот чуть-чуть приоткрыл пасть — словно улыбнулся, и главнокомандующего как не бывало.

Крик боли и гнева пронесся по рядам защитников города. Они двинулись к пасти чудовища, готовясь последовать за своим главнокомандующим, с ними хлынули все морские жители... еще миг — и Великий Треххвост начнет глотать их сотнями, тысячами.

— Стойте! — крикнула Смешинка. — Храбрый Ерш жив!

Она подала знак, пасть Великого Треххвоста приоткрылась с глухим рыком и... появился главнокомандующий. Он был взъерошенный, растерянный, но все такой же решительный, словно побывал не в пасти чудовища, а в простой уличной потасовке.

— Не бойтесь, это... — закричал он.

— Молчи! — остановили его Смешинка и Сабира. — Услышат враги! Молчи!

Владыка продолжал выползать из дворца под недоумевающими и испуганными взглядами жителей. Туловище еще не успело показаться до половины, а голова уже приблизилась к воротам. И тут ее увидели нападающие.

— Великий Треххвост! — прокатился рев по всему фронту. — Владыка в городе! Наш повелитель здесь!

Узкая хищная голова чудовища как-то съежилась, протискиваясь в ворота, а потом вновь стала расправляться и раздуваться еще больше. Из дворца только показался первый хвост. Туловище тянулось и тянулось нескончаемо... Оно пестрело серо-зелеными и синими разводами, хвосты и плавники были ярко-розового цвета, живот поблескивал перламутром, а глаза полыхали изумрудами.

Наконец чудище выбралось из ворот и заколыхалось перед своим войском. Теперь все увидели, как он, владыка, несказанно велик. Даже Акулы казались рядом с ним мелкой Тюлькой. Он мог проглотить любую из них, даже не поморщившись. А уж о Скатах, Кальмарах и Крабах говорить нечего — они были мельче его чешуи.

Великий Треххвост медленно разинул пасть, и могучий трубный голос его заставил всех содрогнуться:

— Слушай мой приказ!

Все насторожились. Адмиралы, Генералы, Капитаны вытянулись в струнку.

— Уходите отсюда.

— А как же город? — кричали Акулы, Кальмары, Морские Коты, Медузы, Крабы. — Мы хотим пировать... Мы голодны! Лупибей обещал...

— Вот пусть Лупибей и накормит вас, — в голосе владыки сквозь грохот зазвучала насмешка. — Можете съесть его самого!

— Ну уж дудки! — завопил Лупибей, приходя в себя после неожиданного потрясения при виде самого владыки. — Лучше мы сожрем тебя! Тем более, что ты самозванец!

— Самозванец... Самозванец... — зашуршала толпа.

— Ты нахал, Лупибей, это я знал, — ответил владыка.

— Конечно, самозванец! — надрывался Спрут, держась, однако, на почтительном расстоянии от чудища. — Настоящий владыка в замке, он не может выйти оттуда.

— Почему это я не могу выйти из замка? — загрохотал Великий Треххвост. — Вот видишь, я здесь...

— Нет, ты не вышел! Ты не можешь выйти, поэтому самозванец! — блеял Лупибей, как бешеный носясь вдоль фронта. — Не слушайте его! Хватайте его, рвите! Вперед, Акулы!

— Я проглочу тебя, подлый изменник! — Владыка раскрыл пасть и двинулся вперед. В чудовищной пасти белели острые зубы величиной с самого Лупибей. Зловеще извивался язык. Чернела бездонная глотка...

При виде такого зрелища Лупибей словно обезумел. Он с остервенением принялся нахлестывать упряжку Меч-рыб и кинулся удирать. Дрогнуло войско. Акулы сыпанули кто куда, Морские Коты упали на дно, Окуни-Зебры полезли в густые заросли zostеры. Крабы громадным валом покатались прочь от города, давя друг друга...

А в это время на стенах города ликующие жители взахлеб рассказывали друг другу, что Великий Треххвост на самом де-

ле не настоящий владыка, а его чучело, которое сшили за две ночи Коньки-Тряпичники из биссусной ткани и раскрасили красками Мурексов. Двигут чучело сидящие внутри раздувшиеся Иглобрюхи, а говорит через громадную рапану Язык, который устроился внутри глаза чудовища.

И вот теперь Язык и сотня раздувшихся Иглобрюхов, сидящих в ярко раскрашенном чучеле, прогнали врага от города. Смешинка, глядя на эту картину, подбоченилась и стала смеяться. Она смотрела на удирающего Лупибя, на прожорливых Акул, на коварных Каракатиц и Кальмаров, на трусливых Спрутов, еще недавно рвавшихся в город. Гнев и ярость прорывались в ее смехе. Этот смех — гневный и торжествующий — подхватили все защитники города.

Войско было рассеяно.

Смешинка посмотрела на покачивающееся чучело.

— Уничтожьте его, чтобы жители ничего не боялись и чувствовали себя счастливыми.

— С радостью! — закричал Храбрый Ерш и, прихватив две гимнотиды, помчался к чучелу. Он поднырнул под чудище, нашел шов и провел по нему гимнотидой по направлению к пасти. Чучело на глазах у всех распалось, из него вывалились раздувшиеся, одуревшие в темноте Иглобрюхи. Они таращили ничего не понимающие глаза.

Последним выпал Язык с громадной витой раковиной. Чучело съежилось, стало плоским и медленно опустилось на дно. Язык посмотрел на него с сожалением.

— Что ты наделал? — загремел он на Храброго Ерша, поставив раковину ко рту. — Там было так уютно и весело!

А Храбрый Ерш снова появился на защитных стенах.

— Эх, с каким удовольствием я уничтожил бы самого Великого Треххвоста! — мечтательно произнес он. — Но...

— Но прежде я уничтожу тебя, ничтожный Ершишка! — раздался гневный голос, и все обернулись.

Дельфины, которые до этого плавали наверху, выполняя просьбу Смешинки, теперь спускались вниз. На одном из них, на Сольдии, сидел так дерзко похищенный царевич.

— Ты?! — Храбрый Ерш задрожал от ярости.

— Да, я сын Великого Треххвоста! А ты способен только расправляться с безжизненными чучелами, герой!

Главнокомандующий выхватил гимнотиду:

— Защищайся! — И никто не успел произнести и слова, как он бросился на царевича.

Капелька взмахнул саблей. Храбрый Ерш был опытным бойцом, не раз сражался даже с восьмирукими Спрутами. Он на ходу увернулся от удара и сам ткнул врага ножом, целясь в щель панциря. Капелька успел подставить руку и отразил удар перламутровым налокотником. Храбрый Ерш извернулся и тут же ударил снизу — только панцирь снова спас его противника.

Но вот сабля сверкнула и выбила у Храброго Ерша гимнотиду. На миг он застыл от неожиданности, и все затаили дыхание: сейчас царевич нанесет удар... Но Капелька указал на нож:

— Подними! С безоружными я не дерусь.

Главнокомандующий захлебнулся от возмущения:

— Не дерешься с безоружными? Но ведь ты закован в панцирь с головы до пят! Давай биться по-честному, без кольчуг и панцирей!

— Согласен,— сказал царевич.— Но я не могу снять панцирь. Только мастера подземелья в замке, которые заковали меня по приказу отца, Великого Треххвоста, могут меня расковать...

— Ты считаешь, что твой отец — Великий Треххвост? — неожиданно раздался взволнованный голос. Это говорил Каппа.

— Да, он мой отец! — сказал царевич.

— Почему же ты совершенно не похож на отца?

— Я спрашивал у него, и он ответил мне так: «Почему головастики не похож на взрослую лягушку? Почему личинки Крабов и Угрей не похожи на своих родителей?»

— Значит, сейчас ты — личинка? А со временем будешь таким же страшным и уродливым, как Великий Треххвост? И ты хочешь этого?

Тень пробежала по лицу царевича.

— Пока нет,— тихо сказал он.— Этого может и не быть. Ведь мой отец — всемогущ. Захочет он — и я навсегда останусь таким, как сейчас.

— Так он говорил? — Каппа обошел вокруг царевича, разглядывая его.— Нет, сейчас ты, Капелька, очень похож на драгоценную жемчужину — весь так и сверкаешь... Но что там, в середине?

Смешинка коснулась жемчужины, подаренной Сольдием, и повторила его слова.

— Если это настоящая жемчужина, то внутри у нее должна быть простая песчинка.

— Верно! И сейчас мы проверим, осталась ли у него в душе хотя бы песчинка простоты и добра.

Каппа достал из сумочки тонкую рисовую лепешку.

— Вспомни, Капелька! В детстве ты любил эти незатейливые рисовые лепешки. Вспомни, Капелька! Их выпекал тебе дядюшка Карп. Возьми и съешь!

Как завороченный, не отрывая взгляда от Каппы, царевич взял лепешку и откусил от нее кусочек. И тотчас мучительно нахмурился, словно припоминая что-то. Откусил второй кусочек, третий...

— Кто ты? — с усилием выдавил он.

— Съешь всю лепешку и вспомнишь. Она впитает тот страшный яд, которым опоили тебя, и тогда разум твой просветлеет. Ешь!

Царевич торопливо ел лепешку, и все смотрели на него, затаив дыхание. Каппа стоял молча, с невыразимой мукой глядя на своего сына, который забыл его. И тут у царевича вырвалось:

— Отец!

Каппа и Капелька бросились в объятия друг друга. Что-то бессвязно говорили и не могли наговориться после долгой разлуки.

— Пойдем, — сказал Звездочет-Клоун друзьям. — Пусть никто не мешает им сегодня.

— Но что произошло? — допытывался Храбрый Ерш. — Я ничего не понял!

И Звездочет-Клоун рассказал им все: как похитили сына Каппы и сделали из него царевича, сына Великого Треххвоста, как заставили забыть родного отца.

— Но зачем, зачем? — стиснула руки Смешинка.

— Это знает только сам Великий Треххвост.

— Теперь они уплывут домой? Навсегда?

— Нет, еще рано домой. Пока существует Великий Треххвост, Капелька всегда будет в опасности. И над городом висит угроза. Нам нужно проникнуть в замок и сразиться с самим владыкой. Только тогда мы вздохнем свободно.

— Что ты говоришь? — ужаснулась Сабира. — С самим Великим Треххвостом? Он всех проглотит и не заметит! Он так велик и страшен!

— Ну, не так страшен и не так уж велик, — с загадочной улыбкой ответил Звездочет-Клоун.

— Но как проникнуть в замок?

— Очень просто, по Темной трубе. Это единственный путь.

Жуйдавись медленно прохаживался у двери, закрывающей Темную трубу, и тоскливо размышлял о том, как несправедлива жизнь. Еще недавно каждый Спрут получал четыре обеда в день и, кроме того, мог прийти на кухню, выбрать любое приглянувшееся ему блюдо. А тот, кто нес ночные дежурства, получал еще дополнительный обильный ужин. Теперь же, когда город взбунтовался, еды в замке не осталось и каждому Спруту сократили норму до одного обеда в день. Да и что это за обеды? Повара тайком пожирают половину кушаний...

«Что же дальше будет? — подумал с отчаянием Жуйдавись. — Так мы умрем с голоду! Нет, надо обязательно отвоевать проклятый Коралловый город!» Он подтянул пояс на отощавшем животе и разозлился: «Скоро мне придется менять свое имя! Оно звучит насмешкой».

— Лапы вверх! — вдруг раздался решительный голос, прервавший невеселые мысли Жуйдавись.

Он с удивлением обернулся и увидел встопорщенного Бычка-цуцика, наставившего на него громадный пистолет.

— Что? — спросил растерянно Жуйдавись, потянувшись одним щупальцем к своему оружию.

— Лапы вверх, говорю! — еще громче крикнул Бычок-цуцик. — Не то стреляю! Ты окружен, так что лучше сдавайся!

— Сдавайся — мрачно подтвердил кто-то сзади.

— Сдавайся! — добавил голос справа.

Жуйдавись струхнул. Он не отводил вытаращенных глаз от громадного пистолета, и щупальца его медленно поднимались вверх, роняя дубинки. Кто-то обезоружил Спрута.

— Стой здесь и молчи! Не то пристрелю!

— По-осторожнее с оружием, — прошипел Спрут. — Если этот большой пистолет... выстрелит...

— Не беспокойся, он не выстрелит! — звонко ответил Бычок-цуцик и бросил что-то рядом со Спрутом.

Тот скосил глаза и с удивлением увидел, что это не пистолет, а обыкновенный морской огурец. Какой позор!

А в это время позади лязгнул тяжелый запор, и дверь распахнулась. Оттуда вышли Смешинка, Храбрый Ерш, Звездочет-Клоун, Сабира, царевич Капелька с отцом Каппой и стали обнимать неустрашимого Бычка-цуцика, смелую Барабульку и отважного Бекасику. Это они, услышав из-за двери сигналы Морского Уха, подкрались и обезоружили Спрута.

— Молодцы! — одобрил Храбрый Ерш.

— А что мы будем делать с ним?

— Свяжем и бросим в Темную трубу.

— Чем свяжем? — задумалась Смешинка.

Храбрый Ерш захохотал:

— Осьминога связать легче всего! Его же щупальцами.

Недолго думая, так и сделали. Бросили Жуйдавись в Темную трубу, плотно набив его клюв пучком водорослей, чтобы не орал, и закрыли дверь.

— Пусть посидит здесь, как мы сидели.

А в это время в большом зале Лупибей разглагольствовал перед собравшимися изможденными жителями подземелья и выстроенными рядами Спрутами.

— Наше войско временно отступило! Царевич погиб в бою. Но мы скоро нанесем решающий удар! Мы победим! — Он повернулся к прозрачной стене, за которой с хмурым видом покачивался владыка.

Все молчали. Владыка встрепнулся и озабоченно спросил:

— Замок хорошо охраняют? Бунтовщики не ворвутся сюда?

— Они никогда не осмелятся это сделать! Но даже если осмелятся... — Лупибей злобно ухмыльнулся, — то найдут здесь свой конец! Смотрите, — он указал в сторону главного коридора. — Большой кипящий котел я приказал накрыть тонким настилом. Как только бунтовщики ворвутся сюда и приблизятся к котлу, настил провалится, а перед ним упадет решетка. Бунтовщики с налету ударятся о решетку и сыплются в котел.

Лупибей подал знак, и Спруты подвели к настилу несколько дрожавших от страха Колюшек и Бобырей.

— Эти изменники, — указал на них Лупибей, — обвиняются в том, что подбивали слуг бежать из замка.

Он повернулся к Спрутам:

— Сейчас вы увидите действие котла-западни. Поставьте настил так, чтобы каждый, кто ступит на него, сразу же падал в котел. А потом бросьте туда изменников.

Спруты захолопотали у настила.

— Готово!

Начальник стражи поднял щупальце, чтобы подать знак...

— Трус! Подлый предатель!

Толпа качнулась, повернулась на крик. В одном из боковых коридоров стоял царевич Капелька, глядя на Лупибея горящими от ненависти глазами.

— Ты?! — Спрут побелел, потом пожелтел. — Но ведь ты...

— Убит, хочешь сказать? — язвительно спросил царевич. — Но ты ошибся, рано еще протянул щупальца к власти. Отец, я жив!

— Сынок! — радостно заголосил Великий Треххвост. — Как я рад! Ты один можешь защитить замок! Эти Спруты только и думают о своих шкурах. Как же ты спасся?

— О, это долго рассказывать. А сейчас прикажи схватить Лупибея, как предателя и труса, бежавшего с поля битвы и принесшего нам поражение.

— Врешь! — затопал щупальцами Спрут. — Я сражался до последней возможности. У меня боевое ранение! — Он тыкал щупальцем в перевязанный глаз. — А вот где был ты? Как ты спасся? — уцелевший глаз сверлил царевича. — Ты предал нас! Великий Треххвост, прикажи схватить его!

Владыка растерянно посмотрел на Капельку.

— Я не могу арестовать своего сына...

— Какой он тебе сын! — презрительно махнул щупальцем Спрут.

— Молчи! — рявкнул Великий Треххвост так, что все вздрогнули. — Еще слово — и я прикажу схватить тебя!

И он взволнованно присвистнул.

— Меня схватить? — расхохотался начальник стражи. — Как бы не так! Стража подчиняется только мне! А твоему пособнику, которого ты именуешь сыном, не удастся захватить власть. Здесь я хозяин, пора понять это!

— Как... как ты смеешь! — захлебнулся от ярости владыка. — Взять его! Связать! Бросить в подземелье!

Ни один Спрут не шевельнулся: все преданно смотрели на Лупибей, который презрительно отвернулся от своего повелителя. Толпа в испуге замерла, глядя на разъяренное чудовище. Оно подплыло к прозрачной стене, словно намереваясь разнести ее вдребезги.

— Ну, давай, давай, — ухмыльнулся Спрут, косясь на него. — Выйди, покажись, каков ты есть.

Но владыка, наводивший страх одним своим видом, застыл в нерешительности. Это показалось толпе очень странным. Зато Лупибей, выглядевший рядом с чудовищем маленьким рачком, важно надулся.

— Поняли, кто настоящий владыка моря? — обратился он к толпе. — Это я, великий Лупибей, а не ничтожество, которое сидит за прозрачной стеной. Сидит — ну и пусть сидит. Я буду показывать его всем, пусть видят, насколько я силен, что даже такое чудовище меня боится! Все, все должны меня бояться! Я не за стеной, я здесь! Мои щупальца, мои верные слуги достанут каждого!

Он повернулся к царевичу.

— А этого... бросьте в котел.

— Попробуйте! — Капелька выхватил саблю. — Ну-ка, кто из твоих верных слуг покажет свою храбрость?

Лупибей, позеленев, несколько мгновений смотрел на него. Потом почти неслышно отдал приказание Лапшевникам.

Появилось два Спрута, тащивших большую сеть для об-
лавы.

— Беги! — закричали в толпе. — От сети не спасешься...

Но Капелька не стал убегать. Он бросился на ближайшего Спрута и взмахнул саблей. Завизжав, тот кинулся наутек. Но тут же на Капельку набросились стоявшие рядом Осьминоги. Другие подтащили сеть и накрыли копошащийся клубок. Осьминоги отпрянули в стороны. Царевич остался лежать неподвижно. Потом он зашевелился и сел. Осьминоги торопливо выползали из-под сети, пугливо оглядываясь на царевича. Капелька встал, шатаясь, и его сразу же опутали сетью.

— Ага, попался!

— Победа, ур-ра!

— Нет,— сказал царевич.— Рано празднуете победу! Друзья, ко мне, на помощь!

— Я здесь! — ответил ему звонкий голос, и все увидели в другом коридоре Смешинку.

В толпе пронесся радостный гул приветствий. «Смешинка, Смешинка вернулась!»

— Я здесь! — и в следующем коридоре появился Звездочет-Клоун с Сабирой.

— Я здесь! — вырос Каппа.

— Я здесь, не трусь! — заорал Храбрый Ерш, размахивая двумя гимнастическими.

— И мы здесь! И мы! — показались вооруженные пистолетами-огурцами Барабулька, Бекарик и Бычок-цуцик.

Лупибей затравленно озирался, ежесекундно меняя цвет.

— Стражники, тревога! Бунтовщики ворвались в замок! Лапшевники, ко мне! — Он выслушал доклады тайных наблюдателей, и глаза его злорадно сверкнули.— Ага, их совсем мало! Вот они, все здесь! Это же удача! Они сами явились сюда, чтобы мы бросили их в котел! А после мы спокойно возьмем Коралловый город. Вперед, хватайте их!

Спруты выстроились двумя плотными шеренгами и пошли на горстку смельчаков.

В толпе слышался нарастающий шум, доносились отдельные выкрики.

— Они погибнут! Нужно их спасти... Они за нас! Смешинка спасла нас от Акулы Нелии.

— Молчать! — заорал Лупибей, выкатывая единственный глаз.

Тут раздался громкий голос Звездочета-Клоуна.

— Да, мы пришли, чтобы биться за вас, жители подземелья! Так давайте прогоним Лупибей, ненавистных Спрутов и всех других прихвостней. Нас много! Вместе мы победим их!

Он хотел сказать еще что-то, но прогремел выстрел. Пуля ударила в Звезду, и она разлетелась на несколько разноцветных лучей. А Лупибей, держа пистолет дрожащим щупаль-

цем, уже целился в Смешинку. Храбрый Ерш мгновенно взмахнул гимнотидой — со свистом она рассекла воду и выбила пистолет. Взыв от боли, Лупибей бросился бежать.

— Все на Спрутов! — выскочил какой-то Топырщик.

Толпа вздыбилась. Затрещали выстрелы, в ответ взмыли камни, обрушиваясь на каски Спрутов, круша их. Заклокотал громадный водоворот.

— А-а-оо! — пронзил толпу ужасающий вой.

На миг все замерло. Это Лупибей, убегая, ступил на предательский настил и рухнул в кипящий котел. Крик оборвался, вверх поднялся фонтан горячей воды. Спруты, увидев гибель своего начальника, кинулись врассыпную.

— Долой угнетателей!

В толпе метался Храбрый Ерш, неистово размахивая гимнотидой. Осьминоги при виде его шарахнулись в стороны.

Вскоре все они разбежались. Еще не веря себе, жители подземелья обнимались и плакали от радости.

— А теперь поговорим с тобой,— Храбрый Ерш остановился у прозрачной стены.

Все смотрели удивленно: насколько решительный и неустрашимый вид был у Храброго Ерша, настолько растерянным и испуганным казался владыка. Он чуть слышно пробормотал:

— О чем... поговорим?

— О многом! Прежде всего о притеснениях в твоих владениях.

— Я... я никого не притеснял! Клянусь! — заголосило чудище, дрожа тремя хвостами.

И странное дело: глядя на это трясущееся существо, никто уже не испытывал не только страха, но даже почтения, которое ранее внушал своими размерами и грозным видом владыка. Всем было противно и тяжело.

— Да, сам ты, возможно, и не притеснял никого,— сказал Храбрый Ерш,— но по твоим приказам подчиненные угнетали и обижали жителей подземелья, чинили произвол в Коралловом городе.

— Я ничего не знаю! — завопил владыка.— Я не приказывал! Это делал Лупибей. Я только искал высшую справедливость...

— Знаем мы твою справедливость,— сказала Смешинка.

— Будем тебя судить! — решил Храбрый Ерш.

— И еще один вопрос,— выступил вперед Капелька.— По твоему приказу меня похитили у родного отца,— он указал на Каппу пруда Тарусава,— и опоили ядовитым зельем. Скажи, зачем ты это сделал?

Великий Треххвост долго молчал.

— Я не верил Лупибейю,— наконец выдавил он.— Мне нужен был верный помощник, который служил бы не за страх, а за совесть... Поэтому я назвал тебя своим сыном.

— А почему меня? Почему не какого-нибудь Ерша или Палтуса?

— Потому что Ерш или Палтус имеют слишком обычный вид. Никто из жителей моря не поверил бы в их царское происхождение. О твоей тайне не знал никто.

— Кроме Лупибей? — вмешался Звездочет-Клоун. — Который знал также и твою тайну...

— Нет, нет! — испуганно забормотал владыка. — У меня нет никакой тайны... Я весь на виду!

— Тогда выйди из-за прозрачной стены.

— Не могу!

— Почему?

— Мне... вредно быть в обычной воде, сюда подают чистую воду подземных родников.

— Неправда! — гневно прервал его Звездочет-Клоун. — Ты...

Но тут под ликующие крики толпы появились носильщики Бентозавры. Они медленно несли какой-то мешок, и хотя мешок был очень большим, казалось, что носильщикам совсем не тяжело.

— Сокровище! Главное сокровище Великого Треххвоста! — кричали сопровождающие их убиральщики Топырщики, мусорщики Бобыри, поварята Ошибни.

Мешок водрузили посреди зала, и один из Бентозавров стал рассказывать:

— Однажды глубокой ночью нас поднял Лупибей и приказал перенести этот мешок от ворот замка в самый глубокий и тайный грот, а потом завалить его камнями. «И если кто из вас проговорится о главном сокровище Великого Треххвоста, — пригрозил Лупибей, когда мы закончили работу, — мои Лапшевики сразу же узнают, и тогда всех Бентозавров я отправлю в морские пещеры!» Мы молчали до сегодняшнего дня. Но теперь нет над нами ни Спрутов, ни власти Великого Треххвоста. Девочка Смешинка и ее друзья принесли нам желанную свободу. И мы дарим это сокровище нашим избавителям.

— Правильно! Правильно! — закричали вокруг.

— Нет, — раздался вдруг голос, и все замолчали. Это говорил Звездочет-Клоун. — Нет, друзья! Свободу вы завоевали сами. Это сокровище принадлежит вам по праву.

Среди присутствующих начался спор. Одни говорили, что нужно отдать мешок Смешинке и ее друзьям, другие предлагали разделить его содержимое поровну между всеми жителя-

ми подземелья. Конец спорам положил Храбрый Ерш. Он ловко разрубил гимнотидой завязки мешка, и по залу разлилось удивительное сияние. Оно погасило тусклые лучи Офиур и Ночесветок, высветлило все мрачные закоулки замка. А самое главное — на душе у каждого жителя замка стало так легко-легко, радостно и весело!

— Ведь это же украденные у людей веселье и радость! — закричал Звездочет-Клоун, увидев сверкающие зернышки. — Это бесценное сокровище!

Какой-то малыш Ошибень придвинулся к мешку, ненароком проглотил одно зернышко и вдруг засмеялся чудным серебристым смехом. Никто никогда не слышал, чтобы вечно забытые испуганные Ошибни так смеялись. Да они и вообще никогда не смеялись!

К мешку потянулись жители замка, и вскоре вокруг закипел водоворот. Сверкающие зернышки облачком взлетали вверх, и кто пробовал их, начинал смеяться и веселиться.

— Стойте! Погодите! — раздался вдруг голос Звездочета-Клоуна. — Сокровище должно быть возвращено людям!

Толпа тут же отхлынула. И все увидели, что мешок попрежнему полон и даже стал как будто больше!

— Он не уменьшается, — крикнул кто-то удивленно.

А Смешинка радостно говорила:

— Берите, берите все, кто хочет! — И с упреком обратилась к Звездочету-Клоуну. — Разве ты не знаешь, что смех никогда не убывает, если он от души и его разделяют? Разделенное горе — полгоря, разделенная радость — вдвойне радость!

— Посмотрите! — раздался вдруг голос Храброго Ерша. — Каков Великий Треххвост!

О владыке забыли. Но тут все взоры устремились на прозрачную стену. Происходило удивительное: грозное чудище, дрожа, уменьшалось на глазах. Нижняя челюсть его отвисла, глаза растеряннo бегали.

— Н-не смейтесь! — жалобно визжал он. — От вашего смеха я теряю силы, мне страшно. Не смейте... смеяться...

— Не смейте смеяться! — подхватил Храбрый Ерш. — Он приказывает нам не смеяться! Ха-ха-ха!

И все расхохотались вслед за ним. Великий Треххвост был так смешон, что никто не мог удержаться от хохота. Раскаты смеха все нарастали, и наконец достигли громовой силы. И тогда дрогнула, казалось, несокрушимая прозрачная стена. Раковины-плакуны, из которых она была сделана, рассыпались на глазах. Миг — и тысячи раковин обрушились вниз буйным водопадом.

— Берегись! — крикнул кто-то.

Но водопад улегся внизу высоким сверкающим валом, никого не задев. Открылся небольшой уютный грот, в котором никого не было.

Великий Треххвост исчез бесследно!

— Сбежал! — ахнул Храбрый Ерш.

— Нет, не сбежал, — ответил уверенно Звездочет-Клоун. — Вот он, перед вами.

В гроте металась маленькая странная рыбка и что-то тоненько пищала.

— Знакомьтесь! — провозгласил мудрец. — Великий Треххвост, он же владыка моря и повелитель всех живущих в нем — собственной персоной!

Все онемели. Даже закаленный Храбрый Ерш так и застыл с открытым ртом, во все глаза глядя на неизвестную рыбку.

— Это же Свистулька! — крикнул кто-то в толпе.

— Она самая — Свистулька, — невозмутимо продолжал Звездочет-Клоун. — Только вот эта выпуклая увеличивающая стена делала ее такой громадной. Посмотрите: та же длинная пасть, те же выпученные бессмысленные глаза, те же три хвоста, точнее, хвостика... Представьте все это в громадных размерах — будет Великий Треххвост.

А Свистулька мелко дрожала, забившись в угол, и жалобно смотрела на всех испуганными глазами.

— Я не виновата! — тоненько пищала она. — Это все Лупибей! Он подстроил... Приказал возвести прозрачную стену, а потом запер меня за ней. По сторонам укрепил раковины, усиливающие голос. И велел мне изображать Великого Треххвоста, владыку моря. Того, кто не боялся Лупибей, он приводил сюда и показывал меня. Все пугались и начинали его

слушаться... А потом и мне захотелось командовать. Лупибей страшно злился. Только он ничего не мог поделать. Если бы разоблачил меня, то и его никто не стал бы слушаться. Вот он и терпел... До сегодняшнего дня.

— Но как ты, Звездочет-Клоун, узнал о тайне Великого Трех... тьфу! Этого прохвоста? — удивился Храбрый Ерш. — Ведь все видели его — и не догадывались...

Звездочет-Клоун улыбнулся.

— Я очень внимательно рассматривал Великого Треххвоста и меня удивило его сходство с обыкновенной Свистулькой. Потом я увидел на его обеденном столе гигантскую недоеденную креветку и спросил повара Тунца, есть ли на кухне большие креветки. Он сказал, что нет и не было. Владыка ел обыкновенные, даже мелкие креветки. Итак, сказал я себе, на столе рядом с Великим Треххвостом тоже лежала мелкая креветка, но казалась гигантской, значит, и сам владыка только казался, но не был таким громадным. И тогда я понял, что увеличивает его прозрачная выпуклая стена.

— Почему же ты нам не сказал ничего? — спросила Смешинка.

— Если бы я высказал тогда свою догадку, Лапшевники тотчас донесли бы Лупибей и он моментально уничтожил бы меня, чтобы скрыть тайну. Я не открыл ее даже Сабире. Милая, самоотверженная Сабир! Ты спасла меня от смерти, а сама погибла...

— Я жива! — услышался тоненький голосок. — Я жива! Я жива! — словно эхо раздавалось с разных сторон.

Все расступились и увидели, что из лучей выросло несколько Звезд разного цвета.

— Вот это да! А где же среди вас моя подруга, та, единственная Сабир!?

— Я! Я! Я! — закричали одновременно все Звезды. — Я та самая, единственная Сабир! Я твоя подруга.

— Здорово! — обрадовался мудрец. — Теперь у меня несколько подруг вместо одной. А что будем делать со Свистулькой?

— Судить ее! — закричали все вокруг.

— Не нужно меня судить! — взвизгнула Свистулька. — Я буду вам служить... Я никогда не буду делать зла!

— Потому что не сможешь, — сказал Звездочет-Клоун.

А Храбрый Ерш веско добавил:

— И не позволим!

~ ~ ~ ПРОЩАНИЕ ~ ~ ~

Вот и пришло время Смешинке, Капельке и его отцу Каппе пруда Тарусава расставаться с Коралловым городом. Вместе с ними отправлялся старый аист Остроклюв. Да, да, Остроклюв, который наконец принял свой облик и перестал превращаться то в Мичмана-в-отставке, то в Звездочета-Клоуна — таких диковинных непонятных существ.

— Почему ты не хотел быть самим собой? — спросила его Смешинка.

— Если бы я был самим собой в этом царстве насилия, то нашел бы верную гибель. Меня, признаться, смерть не страшила, но я не мог допустить, чтобы погибла ты, Смешинка: ведь мы должны были вернуть радость людям и помочь жителям Кораллового города.

— Но как ты переставал быть самим собой?

— С помощью волшебного «галстука гостя». Капелька сказал, что я, имея его, могу по своему желанию принимать любой облик. Вот я этим и воспользовался.

А в это время морские жители высыпали на улицы города провожать своих избавителей. Так же, как и в первый приезд Смешинки, здесь гремела музыка, били барабаны. Но теперь это была радостная музыка. И жители весело улыбались и громко смеялись своим собственным смехом — их научила этому Смешинка.

— Прощайте, — сказал Храбрый Ерш, и глаза у него были подозрительно красные. — Прощайте и не забывайте Коралловый город! Теперь мы заживем счастливо.

Остроклюв попрощался со своими подругами-Звездами. Он подолгу вглядывался в каждую, но так и не смог опреде-

лить, кто же из них та, единственная Сабира. У каждой Звездочки был голубой глаз, и каждая говорила ему:

— Прощай, мой добрый единственный друг!

Потом бросились обниматься с путешественниками Барабулька, Бекасик и Бычок-цуцик. Барабулька, не стесняясь, ревела в голос.

— Приезжайте к нам! — говорила она, всхлипывая. — Мы всегда будем ждать вас! Честное слово!

Она сняла с себя чешуйку и протянула Смешинке:

— Помни, если тебе понадобится наша помощь, сожги эту чешуйку, и мы тотчас появимся.

Последний раз помахали путешественники жителям прекрасного Кораллового города и поднялись на защитные стены, выступавшие из воды. Там встретили их Справедливые Дельфины, жаркое солнце и свежий ветер! Старый аист расправил крылья и крикнул:

— Ну, полетим! Ого-го, сколько пассажиров! Садитесь, садитесь! Аист отправляется!

Смешинка, Каппа и Капелька сели на широкую спину старого аиста, и он взмыл в голубое небо. Внизу катились зеленоватые волны с белоснежными гребешками и, резвясь, мчались Справедливые Дельфины.

Так они летели, пока не показалась земля. И увидели путешественники, что дома в селениях покосились, поля заросли сорняками, скот одичал, а люди сидят у своих домов и плачут, глядя туда, куда улетел старый аист. Уже никто и не верил, что он вернется.

— Смотрите, летит! — крикнул кто-то, вглядываясь в небо. И все закричали:

— Летит, летит! Старый аист вернулся!

И вдруг раскрыли рты от изумления: в солнечный летний день с неба пошел... снег.

То Смешинка брала горстями из мешка чудесные зернышки и бросала вниз. А пока летели они, превратились в сверкающие белые снежинки. И тот, кому попадала в рот снежинка смешинка, разражался веселым жизнерадостным смехом. (С тех пор и говорят люди: «Смешинка в рот попала»).

Закипела вокруг работа: люди принялись строить, пахать, сеять, почувствовали радость жизни, радость труда. А лица их то и дело озарял неселый, добрый, всепобеждающий смех.

СОДЕРЖАНИЕ

РОЖДЕНИЕ СМЕШИНКИ	3
ВСТРЕЧИ В КОРАЛЛОВОМ ГОРОДЕ	18
ПОХИЩЕНИЕ ОСТРОКЛЮВА	28
ОБВИНЕНИЯ ХРАБРОГО ЕРША	38
ВЕСЕЛЬЕ НА ПЛОЩАДИ	44
НЕУДАВШИЙСЯ УЖИН	50
УЗНИКИ ТРИДАКНЫ СВОБОДНЫ	56
ТАИНСТВЕННОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ	59
МЕСТЬ КРЫЛАТОК	64
СТРАНСТВИЯ ПО МОРЯМ	73
РАССКАЗ САБИРЫ	80
В ЗАМКЕ	83
ИСПЫТАНИЕ СМЕШИНКИ	95
НОВЫЙ СОВЕТЧИК	110
ДАРЫ ЖИТЕЛЕЙ ПОДЗЕМЕЛЬЯ	117
ПОГОНЯ	131
ТАЙНА ДОЛГОПЕРА	142
ПУТЬ К ДЕЛЬФИНАМ	150
КОРАЛЛОВЫЙ ГОРОД В ОПАСНОСТИ	159
САМОЗВАНЕЦ	169
КТО БЫЛ ЗА ПРОЗРАЧНОЙ СТЕНОЙ	176
ПРОЩАНИЕ	187

**Евгений Иванович
НАУМОВ**

**КОРАЛЛОВЫЙ ГОРОД,
или
ПРИКЛЮЧЕНИЯ СМЕШИНКИ**

Повесть-сказка

**Для младшего и среднего
школьного возраста**

Редактор
Л. Н. Ягунова
Художественный редактор
Д. Д. Власенко
Технический редактор
В. В. Плоская
Корректор **В. И. Огрызко**

Сдано в набор 7/X 1974 г.
Подписано к печати 29/X 1974 г.
АХ—00399. Формат 60 x 84/16.
Бум. тип. № 1 и офсетная.
Объем 12 физ. п. л.: 0,375 физ. п. л. вкладки,
11,2 усл. п. л.: 0,35 усл. п. л. вкладки,
11,57 уч.-изд. л.
Тираж 50 000. Заказ 4598.
Цена 61 коп.

Магаданское книжное издательство,
г. Магадан, ул. Пролетарская, 15.

Областная типография
Управления издательства, полиграфии
и книжной торговли
Магаданского облисполкома,
г. Магадан, пл. Горького, 9.

Наумов Е. И.

НЗ4   **Коралловый город, или Приключения Смешинки. По-
весть-сказка. Ил.: В. И. Кошелев. Магадан, Кн. изд-во, 1974.**

190 с. с ил.; 5 л. ил.

Повесть-сказка о приключениях доброй и храброй девочки Смешинки в глубинах моря, о том, как она и ее друзья помогли освободиться от угнетателей жителям фантастического подводного Кораллового города.

Н 0762—24 28—74
М—149(03)—74

Р2

61 кон.

